

В.В.Титов

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Москва – 2017

УДК 323.1(470)
ББК 66.3(Рос),54
Т45
ISBN 978-5-9500300-8-6

Т45 Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции – М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.

Рецензенты:

Доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии политики
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
профессор *Е.Б.Шестопал*

Доктор политических наук, заведующая кафедрой социально-политических исследований
и технологий Московского педагогического государственного университета,
доцент *Е.В. Бродовская*

В монографии анализируются ключевые теоретические и практические аспекты «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в современной России. При этом национально-государственная идентичность рассматривается как многомерное социокультурное и макрополитическое пространство, включающее в себя когнитивные, эмоциональные, символические компоненты.

Особый акцент сделан на изучении опыта постсоветской России: основных этапах, роли институтов культуры и массмедиа в формировании общероссийской идентичности и образов прошлого в 1990-х – середине 2010-х гг.

При этом серьезное внимание уделяется таким новым тенденциям XXI столетия, как «виртуализация» политической социализации и самоидентификации современной российской молодежи – «поколения net», «войны памяти» на постсоветском пространстве, глобальное «столкновение идентичностей», порождающее кризис национально-государственной идентичности.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, политика памяти, кризис идентичности, политика идентичности, поколение «net», столкновение идентичностей

The monograph is dedicated to analysis of key theoretical and practical aspects of the «politics of memory» and formation of national and state identity in contemporary Russia. The national and state identity is analyzed as multidimensional socio-cultural and macro-political space, including cognitive, emotional, symbolic components.

Particular emphasis is placed on studying the experience of post-Soviet Russia: the main stages, the role of institutions of culture and mass media in the formation of Russian national identity and images of the past in the 1990s to mid – 2010s.

The author pays attention to the new trends of the XXI century such as «virtualization» of political socialization and self-identification of contemporary Russian youth – «generation net», «wars of memory» in the post-soviet space, global «clash of identities» engendering the crisis of the national and state identity.

Key words: national and state identity, politics of memory, crisis of identity, politics of identity, generation «net», clash of identities.

ISBN 978-5-9500300-8-6

УДК 323.1(470)
ББК 66.3(Рос),54

© Титов В. В.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Теоретические аспекты изучения национально-государственной идентичности и политики памяти	12
1.1. Национально-государственная идентичность: проблема определения в политической науке	13
1.2. Национально-государственная идентичность как пространство политических образов и смыслов	25
1.3. Политика памяти как инструмент формирования национально-государственной идентичности	41
Глава II. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: от советского наследия к реалиям XXI века	59
2.1. Специфика конструирования национально-государственной идентичности в СССР	60
2.2. Национально-государственная идентичность и трансформация «политики памяти» в постсоветской России: институциональные и социокультурные аспекты (1992–2016 гг.)	71
2.3. Роль институтов культуры и массмедиа в формировании исторических оснований российской национально-государственной идентичности	89
2.4. Роль политических и общественных организаций в реализации «политики памяти» и формировании российской национально-государственной идентичности	105
Глава III. Национально-государственная идентичность и политика памяти перед вызовами третьего тысячелетия	116
3.1. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века: специфика формирования и поиск исторических оснований	117

3.2. Формирование национально-государственной идентичности на постсоветском пространстве: «поиск себя» и «баталии за историю»	132
3.3. Россия и мир в новых условиях: на пути к «битве идентичностей»	153
Заключение	164
Библиографический список	166
Интернет-ресурсы	176

ВВЕДЕНИЕ

Не люблю писать введения. По нескольким причинам. Первая состоит в том, что типаж «читатель вдумчивый», склонный к анализу разных мнений, не нуждается ни в каких «собаках-поводырях» и вполне способен сделать самостоятельные, пусть и не всегда приятные автору выводы. Вторая причина – еще более прозаическая: поскольку в современной России уже сложился довольно широкий круг «комментаторов», для которых маркеры (выражаясь языком молодежи, тэги) «идентичность» и «политика памяти» - исключительно возможность показать себя и предъявить претензии всем вокруг, то теряется сама цель дискуссии, в споре рождается не истина, а конфликт и бурный рост чувства собственной важности участников такой весьма специфической коммуникации.

И третья причина, сформировавшая у меня прохладное отношение к всевозможным введениям и заключениям – их структурная и стилистическая предсказуемость: объяснить, поблагодарить и т.п. Не буду оригинальным: многими из недостатков, присущих классическим «введениям», грешу и я в этой монографии. И, все же, стремясь разнообразить наше общение с читателем, постараемся сделать акцент не на типичной структуре студенческого диплома с его неизменной «актуальностью», а на наиболее важных, по мнению автора, моментах.

Существенный момент, о котором хотелось бы сказать несколько слов – предыстория этой монографии. Заветный час «X» выделить трудно, но всё же... 2013 год оказался в какой-то мере переломным в моей научной судьбе. Сошлись ряд факторов. Во-первых, к тому моменту уже в течение шести лет я активно участвовал в работе исследовательского коллектива кафедры социологии и психологии политики МГУ имени М.В.Ломоносова по изучению национально-государственной идентичности под

руководством известного политического психолога *Татьяны Васильевны Евгеньевой*¹. Это позволило не только проанализировать разнообразный материал, но и переосмыслить проблему российской идентичности в различных ракурсах.

Во-вторых, перечитывая собственную монографию «Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века»² (издана в 2012 г.), я достаточно четко видел её недостатки и ограничения, касающиеся, главным образом, теоретических оснований изучения современной национально-государственной идентичности.

В-третьих, 2012-2014 гг. стали периодом активных дискуссий по различным вопросам исторической политики (образам прошлого, политике памяти и т.д.), которые развернулись в МГГУ имени М.А.Шолохова под руководством ректора В.Д.Нечаева при активном участии многих моих коллег. Среди этих участников был и *Владимир Викторович Бушуев*, который, имея огромный опыт реализации исторических инициатив в гуманитарной сфере, смог «переложить его на бумагу», и мы выпустили несколько совместных статей по взаимосвязи исторической политики и национальной идентичности³.

Участие в этих научных диспутах очень помогло мне при написании первой главы монографии. Особенно третьего её параграфа, где анализируется роль политики памяти как инструмента формирования национально-государственной идентичности.

---

¹ *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи //Полис: политические исследования. 2010. №4. С122-134; *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Становление национально-государственной идентичности молодежи в контексте вызовов модернизации / Ежегодник Российской ассоциации политической науки "Модернизация и политика: традиции и перспективы России». М., 2011.

² *Титов В.В.* Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.2012. 168 С.

³ *Бушуев В.В., Титов В.В.* Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-методологический анализ) //ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы. 2011. №4. С77-93; *Титов В.В., Бушуев В.В., Самохвалов Н.А.* Историческая политика в государствах бывшего СССР: попытка концептуального осмысления // Социально-гуманитарные знания 2015. № 2. С.266-275.

В том же 2013 году я стал победителем конкурса на право получения грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых. В ходе реализации грантового исследования в 2013-2014 гг. («Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ». МК-7467.2013.6.) мне удалось не только накопить существенный эмпирический материал, но и проанализировать те тенденции, которые серьезно, в режиме «live», меняют установки национально-государственной самоидентификации российской молодежи. Прежде всего, бросилось в глаза, что за формально «благополучной» национально-гражданской мотивацией молодых россиян («мы все – патриоты России!») часто стоит когнитивная пустота, проблема связи поколений и весьма тусклый образ будущего. Не менее заметный штрих формирования национально-государственной идентичности молодых россиян в середине 2010-х гг. – «виртуализация» данного процесса. И это потребовало отдельного изучения, что нашло свое отражение в параграфе 3.1. *«Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века: специфика формирования и поиск исторических оснований».*

Теперь несколько слов о содержании монографии.

Что касается первой - теоретической – главы, то мы стремились начинать не «откуда есть пошла Русская земля», а мыслить более прозаично. То есть – постараться предложить собственный взгляд на национально-государственную идентичность как синтез когнитивного, темпорального, эмоционального, символического полей. Насколько нам это удалось – судить читателю. Но, тем не менее, мы старались использовать потенциал конструктивистского и макрополитического подходов, всех тех идей, которые были озвучены в ходе общения с известными российскими исследователями проблем идентичности: членом-корреспондентом РАН И.С. Семеновым, почетным Президентом Российской ассоциации политической науки О.Ю. Малиновой, доктором исторических наук Л.А. Фадеевой и другими ведущими учеными.

Говоря о второй главе, необходимо сразу же сделать ремарку. Поскольку параграф 2.1. посвящен советскому опыту конструирования национально-государственной идентичности, это не означает, что автор исторически стремится как-то ущемить самостоятельную политическую ценность СССР как исторического феномена, искусственно «вогнуть» его в «пенаты» «советской России» (как нас любили называть на Западе!). Главная мысль автора заключена в непрерывности российской истории, необходимости изучения процессов «политики памяти» в постсоветской России, в том числе, и в контексте оценок советского опыта. Поэтому начинать анализировать российскую национально-государственную идентичность с «чистого листа бело-вежских соглашений» было бы несколько опрометчиво.

Плюс, во второй главе автор достаточно четко декларирует свою позицию, выделяя различные этапы формирования национально-государственной идентичности и политики памяти в современной России. Но эта демаркация – именно методический прием, который не отменяет необходимости выстраивания преемственности политики памяти в постсоветской России. И, более того, показывает, что невозможно построить никакую масштабную модель идентичности («сталинскую», «ельцинскую», «путинскую», «путинскую 2.0») без отказа от «войны с прошлым», от изживших себя эвфемизмов и «мораториев». Стратегическое условие формирования российской национально-государственной идентичности – это конвенциональный подход, прежде всего, по отношению к собственному прошлому, не «умалчивание», «не суд времени» и не «борьба с тенями» прошлого, а компромисс и интеграция позитивных политических и культурных практик развития Российской нации.

И еще один момент: в названии монографии присутствуют «новые тенденции». Но речь идёт, естественно, не «обо всём и сразу». В центре внимания автора всё же - Россия. И автор говорит исключительно о *трех тенденциях* глобального масштаба, которые способны в перспективе серьезно деформировать российскую идентичность, а вместе с ней - и разрушить государственность.

Первая тенденция – это «виртуализация идентичности»

как следствие перемещение процесса политической социализации в пространство интернета. Это приводит к размыванию установок национально-государственной идентичности российской молодежи уже сегодня. Российское «поколение net» неизбежно погружается в круговорот симулякров и «глобальных брэндов», в котором практические нет места национальному самосознанию. В написании данного, увы, непростого, параграфа автор активно консультировался с известным ученым в сфере проблем политической социализации, профессором МГУ имени М.В.Ломоносова и патриотом нашей с вами страны – *Татьяной Николаевной Самсоновой*⁴.

Конечно, особую скорбь автор испытывал при *описании второй тенденции – эскалации антироссийских «войн памяти» на постсоветском пространстве в начале XXI века*. Этому и посвящен параграф 3.2. – *Формирование национально-государственной идентичности на постсоветском пространстве: «поиск себя» и «батали за историю»*. С теоретической стороны его писать легко: есть ведь прекрасные исследования И.С.Семененко, В.М. Капицына, А.И.Миллера, О.В.Поповой, Г.А.Бордюгова и многих других⁵. С практической точки зрения – тоже несложно:

---

⁴*Самсонова Т.Н., Гурылина М.В.* Основные тенденции политической мобилизации и политического участия граждан в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 41–46; *Самсонова Т. Н.* Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2013–2014. Т. VII. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю.М.Резника и М.В.Глостановой. 2015. Т. 7. С. 231–239; *Самсонова Т. Н.* Гражданское образование в России и США: сравнительный анализ // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 3-4 (79-80). С. 123–132.

⁵*Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис: политические исследования. 2016. №4. С.8-28; *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11. С. 91-102.; *Миллер А.И.* Политика памяти в России: год разрушенных надежд. Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 4 (75). С. 49-57; *Попова О.В.* Эффективность политики идентичности современного полиэтнического государства // Политическое пространство и социальное время. 2016. С. 157-159; *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI. 2011. 256 С.

например, депутаты Верховной Рады или «европарламентарии» от прибалтийских государств регулярно эпатируют нас собственным «*видением*» прошлого. Так что, с «контентом» проблем тоже вроде как нет...

Тяжело писать – с эмоциональной точки зрения. У меня есть близкие родственники, которые были вынуждены покинуть Донбасс, когда «война идентичностей» переросла в настоящую: с танками, «Градами» и фосфорными бомбами. У многих моих знакомых есть такие родственники.

И если после «пятидневной войны» (грузинской агрессии против Южной Осетии и российских миротворцев в 2008 г.) мы еще как-то пытались объяснить всё произошедшее как из ряда вон выходящее, сейчас стало понятно, что уничтожение российской национально-государственной идентичности – стратегическая задача наших геополитических конкурентов, коих у нас достаточно не только на западе, но и на востоке, на юге. А многие бывшие «братские республики СССР» – пешки в этой игре, «вязанки хвороста» в раздуваемом «пожаре» - масштабном конфликте на постсоветском пространстве.

Что касается завершающего параграфа данной монографии, его название говорит само за себя. *Третьей рассматриваемой нами тенденцией стала социокультурная и политическая «битва идентичностей»* мирового масштаба, столкновение трех глобальных императивов: 1) «западного» глобалистского проекта; 2) «вестфальской модели», опирающейся на традиционные национально-государственные идентичности; 3) разрозненного конгломерата «новых» этнических, религиозных, архаических идентичностей. Такие «метаморфозы самосознания» порождают множество серьезных политических и социокультурных рисков, которые напрямую касаются и российской идентичности, и нашей национальной памяти, и перспектив российской государственности как геополитического образования.

Пользуясь возможностью, мне бы хотелось выразить ряд благодарностей и сказать теплые слова друзьям и коллегам. В-первых, моей жене Ольге Петровне, без которой уж точно не

было бы этой монографии. Помнишь, как там у Макиавелли: «вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашёл среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем»...этот скромный труд. Каким он получился – судить, прежде всего, тебе.

Во-вторых, хочу сказать спасибо всей моей семье, которая мне помогала не только в период работы над монографией, а всю мою жизнь. Помогала психологически и финансово, создавала условия для творчества.

Особо хочу поблагодарить моего научного консультанта, доктора политических наук, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Татьяну Николаевну Самсонову, которая проявила искренний интерес к моим научным исследованиям с моих первых серьезных шагов в науке в 2008 г.

Также мне бы хотелось выразить признательность человеку, с которым вот уже десять лет связан мой научный труд, - доценту кафедры социологии и психологии политики МГУ имени М.В.Ломоносова Татьяне Васильевне Евгеньевой, которая сделала для меня многое и в научном, и в человеческом плане.

Среди коллег из других вузов и научно-исследовательских учреждений хотелось бы особо упомянуть: ректора Севастопольского государственного университета д. полит. наук В.Д. Нечаева, Президента Российской ассоциации политической науки профессора О.В. Гаман-Голутвину, члена-корреспондента РАН И.С. Семеновку, д. филос. наук Е.Б. Шестопал, д. полит. наук Е.В. Бродовскую, д. филос. наук О.Ю. Малинову, д.псих.наук Н.М. Ракитянского, д. полит. наук М.М. Мчедлову, д. филос. наук Е.В. Морозову, д. ист. наук Л.А. Фадееву, д. полит. наук И.В. Самаркину и других коллег.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Начиная писать научную работу, посвященную феномену политики памяти, её влиянию на формирование национально-государственной идентичности, каждый исследователь сталкивается с необходимостью формулирования теоретической модели или хотя бы её оснований, которые позволили бы рассмотреть выбранный объект исследования в различных его проекциях. Особенно сложно это сделать, когда речь идёт не о некоем статическом объекте с уже сложившейся конфигурацией, а о динамическом взаимодействии двух сложных конструкторов: национально-государственной идентичности и политики памяти. И, тем не менее, мы не стали «изобретать велосипед» и пошли по давно известному методическому сценарию «теоретической» первой части. Однако, учитывая, что по проблеме национально-государственной идентичности написано множество научных и «околонаучных» трудов, сказано еще больше, а в последнее время и проблема политики памяти («исторической политики») с завидной регулярностью оказывается в центре внимания научного сообщества, мы решили не «пересказывать теорию», а попытаться сформулировать собственное **видение** рассматриваемой научной проблемы. Естественно, суммируя многое из того, что было наработано и российскими, и зарубежными учеными ранее. Стремясь выделить наиболее значимые, по нашему мнению, теории, подходы и положения.

Так, в первом параграфе *«Национально-государственная идентичность: проблема определения в современной политической науке»* мы заострили внимание не только на формулировке «авторского» определения, но и на тех вопросах, которые из него вытекают (и, как нередко бывает, вопросов оказалось больше, нежели ответов). Второй параграф *«Национально-государственная идентичность как пространство политических образов и смыслов»* был попыткой автора развить понимание национально-

государственной идентичности как многомерного структурного явления, включающего в себя пространственное, темпоральное, символическое измерения.

В третьем параграфе *«Политика памяти как инструмент формирования национально-государственной идентичности»* акцент был сделан на необходимости показать многообразие научных подходов к пониманию «политики памяти» в современном мире. И, учитывая это многообразие, предложить собственное определение. При этом важный теоретический момент заключался в необходимости постоянно держать в фокусе внимания национально-государственную идентичность. То есть, рассматривать «политику памяти» не обособленно, а во взаимосвязи с процессами становления и трансформации национального самосознания. В данном случае пригодился тот опыт и теоретический материал, который был накоплен автором монографии в тесном сотрудничестве и диалоге с уважаемыми коллегами – В.В. Бушуевым, О.Ю. Малиновой, Т.В. Евгеньевой, Т.Н. Самоновой.

1.1. Национально-государственная идентичность: проблема определения в современной политической науке

Одной из важных научно-теоретических задач, предвещающих непосредственное изучение национально-государственной идентичности и особенностей её формирования в современных условиях, является выработка приемлемого определения данного понятия. Начиная такой теоретический поиск, следует обратиться к более широкому и востребованному в современном социогуманитарном знании термину «идентичность». Понятие «идентичность» на сегодняшний день является одним из наиболее используемых, но в то же время до конца не определенных в социальных и гуманитарных дисциплинах. «Можно сказать, – пишет З. Бауман, – что «идентичность» становится призмой... Признанным объектам изучения социальных наук присваиваются новые формулировки и придается новый вид, чтобы они соответствовали

дискуссиям, ныне вращающимся вокруг оси «идентичности»»⁶.

Первоначальная популярность понятия «идентичность» связана, прежде всего, с развитием психоанализа, социальной психологии и, несколько позже, социологических наук в XX веке.

Таким образом, *первая группа подходов к анализу природы национально-государственной идентичности* может быть условно охарактеризована как *психологическая*. Однако речь, разумеется, не идёт о монолитной системе взглядов и, тем более, о единой теории. Психологический взгляд на идентичность содержит в себе множество концепций - психоаналитических, социально-психологических, коммуникативных и т.д. Психоаналитический подход к пониманию идентичности – представлен в работах А. Адлера, Г. Маркузе, Э. Эриксона и других исследователей⁷. При этом важно заметить, что во второй половине XX столетия в рамках психоаналитической традиции происходит своеобразный «дрейф» в осмыслении природы идентичности: от её интерпретации исключительно в ракурсе бессознательного к интегративным биосоциальным подходам. Наиболее рельефно подобный взгляд обозначен в трудах Эриксона, для которого идентичность – это, главным образом, целостность и непротиворечивость внутренней структуры личности, сбалансированность её когнитивных, психоэмоциональных и поведенческих компонентов. Однако важно обратить внимание и на то, что в работах Эриксона зримо вырисовывается и другая, социально-динамическая составляющая личностной самоидентификации. То есть формирование идентичности рассматривается именно как масштабный и длительный процесс взаимодействия человека с обществом, его ценностями, нормами, моделями поведения.

Следует признать, что упомянутые выше психологические концепции обладают и существенными методологическими ограничениями. Так, гипертрофированный акцент на внутрилич-

---

⁶Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 176.

⁷Адлер А. Наука о характере: понять природу человека. М., 2017. 243 С.; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. 528 С.; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. 352 С.

ностных аспектах, попытки обусловить формирование идентичности исключительно психическими особенностями человека в некоторой степени «выводит за скобки» факторы социализации и макросоциальной динамики (например, политические или социально-экономические изменения), что неизбежно искусственно сужает спектр возможных трактовок феномена идентичности.

Оригинальная точка зрения на природу идентичности представлена в концепции канадского психолога *Д. Марсиа*, который рассматривает идентичность именно в динамическом измерении, как процесс смены стадий *предрешиённости, диффузии, моратория и достижения идентичности*. Стадия достижения являет собой устойчивое состояние, характеризует факт состоявшейся идентификационной структуры личности, способной сочетать в себе множество ролей и социальных функций. При этом, однако, следует понимать, что процесс поиска идентичности человеком не может быть строго помещён в циклические рамки последовательных переходов: «откаты» - возвращение к предыдущему уровню поиска – являются также нормальными состояниями⁸.

Подход, предложенный *Д. Марсиа* и его учениками, может быть актуальным и для описания политических изменений. Например, *стадия предрешиённости* подразумевает наличие в обществе устойчивой национально-государственной идентичности, опирающейся в ценностном плане на традицию, а в системном – на инерцию и высокий уровень институционализации политического процесса. *Стадия диффузии* может означать как фактический распад идентификационных ориентиров общества, так и попытки механически соединить «старые» и «новые» политические представления, двигаться по симбиотическому пути выстраивания новой «идентификационной матрицы». (В связи с этим, можно вспомнить попытки российских элит 1990-х гг. искать национальную идею на стыке новых ценностей и идеологием досоветского периода, «России, которую мы потеряли»). Мораторий

---

⁸ *Marcia J. E.*, Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. № 3. P. 551-558.

рий представляет собой, как правило, негласный «запрет на переосмотр прошлого» в целях сохранения политической стабильности. (Яркий пример – Испания второй половины 1970-х - 1980-х гг., идущая по пути реформ политической системы и при этом стремившаяся излишне «не ворошить» идеологическое наследие франкизма). Достижение знаменует собой формирование полноценной многоуровневой национально-государственной идентичности.

Вторая группа подходов к пониманию и определению национально-государственной идентичности проистекает из традиции осмысления нации как *политического явления*. Она берет свое начало в работах европейской политической философии XVIII - XIX вв. и активно развивается уже в XX столетии в русле широкого историко-философского взгляда на коллективную идентичность в целом и на национально-государственную идентичность как её важнейшую разновидность. Одним из наиболее ярких представителей данного направления социогуманитарной мысли считают французского философа Э. Ренана, который в научном докладе «Что такое нация?» пытается обозначить некоторые психологические основания национальной самоидентификации⁹. Вместе с тем, важно отметить, что идея «духа» наций и народов, основанной на общих ценностях солидарности людей, изложенная в работах Ренана и Дюркгейма, хотя и оказалась методологически плодотворной с точки зрения политической философии, была слабо воспринята политической наукой в целом, которая, начиная с 1920-х гг., развивалась в ином, количественном и социологическом ключе. В то же время, дальнейшее уточнение понятий «нация», «цивилизация», «историческое время» в работах Ж. Ле Гоффа, Ф. Броделя, Э. Валлерстайна способствовало более чёткому осмыслению и термина «национально-государственная идентичность» во всем многообразии его значений.

Третья группа подходов определяет понятие «идентичность» как *социально-коммуникативное явление*, через ценностную и символическую её природу. Подобные взгляды наиболее

---

⁹Ренан Э. Что такое нация?//«Хронос: всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения - 12.04.2016).

выразительно представлены в рамках социальной психологии и в трудах классиков символического интеракционизма¹⁰. При всех своих теоретических и методологических разночтениях, указанные концепции объединены выраженной детерминантой социальности, идеей, что именно коммуникативное взаимодействие есть базовый механизм формирования идентичности на основе воспроизводства смысловых и символических систем, распространения социальных ценностей и установок.

Думается, что преимущество социально-коммуникативного взгляда на идентичность состоит именно в его вариативности, взаимосвязанном рассмотрении коммуникативной и динамической составляющих, что особенно актуально в условиях «информационного общества» начала XXI века, социального пространства «высоких скоростей», подверженного глобальным трансформациям. И хотя исследователи, работающие в рамках социоцентричной парадигмы, делают акцент на разных аспектах процесса самоидентификации личности, её «погружения» в социальную среду, тем не менее, не отрицается и очевидная социокультурная составляющая идентичности. Ведь, как известно, и семантические системы, и ценности, и модели социального поведения – есть не что иное, как результат разнообразной социокультурной деятельности, в том числе, и в рамках формирования политической культуры конкретного общества.

Четвёртая группа подходов к пониманию феномена идентичности несёт в себе выраженные макросоциальные акценты. Идентичность рассматривается как явление, коллективное по своей природе, в основании которого лежат не только микросоциальные взаимодействия «человек-человек», прямая ретрансляция социокультурного опыта, но и структурно-функциональные свойства больших социальных общностей, генетика которых обусловлена самой природой и логикой организации социокультурного пространства во всём многообразии его измерений: институциональном, психологическом, идейно-символическом и

---

¹⁰Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. Chicago, 1986; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

темпоральном. Представляется, что именно такой взгляд на генетические корни феномена идентичности является наиболее продуктивным и для изучения её «частного случая» - национально-государственной идентичности.

Поэтому, пытаясь осмыслить феномен национально-государственной идентичности, необходимо обратиться к современным концепциям *макрополитической идентичности* – системообразующего понятия по отношению к *идентичности национально-государственной*. Один из ведущих отечественных специалистов в этой области *Ольга Юрьевна Малинова* в работе «*Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России*» даёт следующее определение макрополитической идентичности: «...Данный термин охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты. В то же время, его можно рассматривать в качестве общего знаменателя для понятий, с помощью которых «российская идентичность» описывается в научном дискурсе – таких, как «политическая нация», «гражданско-государственная идентичность», комбинация «этнического и наднационального (цивилизационного) начал»¹¹. О.Ю. Малинова также отмечает: понятие «макрополитическая идентичность» указывает на идентификацию с более широким сообществом, которая предполагает наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями»¹².

Опираясь на приведённое выше определение, можно предположить, что термин «макрополитическая идентичность» достаточно вариативен и открывает серьёзные возможности теоретического анализа «дискурса идентичности» в целом и проблематики национально-государственной идентичности в частности. В связи с этим необходимо отметить два важных момента, крайне существенных для осмысления национально-государственной идентичности.

---

¹¹*Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.

¹²*Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.

Во-первых, со всей очевидностью следует, что *макрополитическая идентичность* – разновидность, «частный случай» *идентичности политической*, понимаемой не узко, как электоральное самоопределение, а комплексно, в интегративном ключе, предполагающем синтез как собственно политических практик, так и культурно-психологических, институциональных компонентов.

Во-вторых, обращение к концепциям макрополитической идентичности порождает вопрос о *соотношении собственно политических и социокультурных начал национально-государственной идентичности*. Первые очевидны в силу того, что национально-государственная идентичность – строго говоря, идентичность политическая (если последнюю понимать в широком смысле, без электорального «уклона»); вторые столь же очевидны потому, что любая макросоциальная идентичность – есть результат культурных взаимодействий, а шире – определённого социокультурного процесса. Более того, традиция государства в его «широком» российском, а не западном структурно-функциональном понимании – *государственность* – есть явление, сколько политическое, столько и культурно-историческое по своей природе. Более того, на наш взгляд, феномен государственной идентичности как таковой поддаётся развёрнутому осмыслению в культурных, нежели в институциональных «системах координат», когда государство понимается исключительно как «институт», «набор функций» и, тем более, административный «аппарат управления».

При этом следует сказать, что сам факт обращения к политико-культурному концепту государственности не отменяет институциональных аспектов формирования и воспроизводства национально-государственной идентичности. Институциональные составляющие зримо присутствуют как в процессе воспроизводства национально-государственной идентичности через совокупность более или менее институционализированных агентов и механизмов политической социализации, так и в процессе институционализации самих результатов самоидентификации (например, через институт гражданства).

Существенный момент, в определённой степени ограничивающий методологический потенциал «макрополитической идентичности» как «материнской» категории по отношению к идентичности национально-государственной, связан с попытками вместить в данное понятие «цивилизационные начала». Следует учитывать, что цивилизация есть явление, неизбежно социокультурное по своей природе, вне зависимости от угла зрения и теоретических предпочтений исследователей (как в рамках доминирующих сегодня локальных, так и стадияльных подходов). Следовательно, и в данном случае наиболее продуктивным является комплексное понимание национально-государственной идентичности как *многогранного политико-культурного явления*, институционального, историко-психологического и динамического по своей сути.

По нашему мнению, *национально-государственная идентичность* – это *устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности.*

Приведенное выше определение, разумеется, не подводит черту под «теоретизированиями по поводу идентичности». Наоборот, открывается широкий круг теоретических и методологических вопросов, связанных с дальнейшим её осмыслением. Обозначим лишь некоторые, по нашему мнению, весьма значимые вопросы.

Во-первых, возникает вопрос о динамических свойствах национально-государственной идентичности, внешних и внутренних факторах её трансформации, обусловленных и самой её психологической природой, и спецификой национальной политической культуры, и совокупностью внешнеполитических факторов¹³. На сегодняшний день в политической науке не сложилось какого-либо явного понимания «границ трансформации»

---

¹³Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-ме-

национально-государственной идентичности: подходы, трактующие идентичность как незыблемую *историческую «самость»*, переплетены с концепциями *«утраты»* и *«потери» идентичности*. Последние, безусловно, связаны с пониманием процесса самоидентификации в рефлексивном ключе, когда на первый план выходит «поиск себя», развернутый и аргументированный, а не номинальный ответ на вопрос «кто мы?»).

При этом национально-государственная идентичность проявляет и присущую ей глубоко ценностную природу. Эта природа выражается в непрерывном сопоставлении *идеального и реального образов «мы»*, сравнении себя с некими эталонными пространственными и темпоральными образцами (в памяти всплывают общеизвестные клише: «золотой век русской культуры», «Россия, которую мы потеряли», «жить, как в Советском Союзе» и т.п.).

Однако рефлексивный взгляд на идентичность, будучи, безусловно, полезным, не позволяет чётко зафиксировать социокультурные «пределы трансформации» современных национальных идентичностей. Очевидно лишь, что «трансформация» как таковая – наиболее ёмкое теоретическое описание изменений национально-государственной идентичности. Трансформация идентичности включает в себя как органическую *«эволюцию» - усложнение идентификационной матрицы*, выработку в её рамках новых ценностных оснований, смыслов и символических репрезентаций, так и её возможную *инволюцию – примитивизацию*, а также механический «слом» идентичности под воздействием деструктивных внутренних и внешних факторов.

Во-вторых, особого внимания заслуживает проблема символических репрезентаций национально-государственной идентичности. Важно отметить, что национальная самоидентификация изначально содержит в себе мощный символический импульс, то есть, символична по своей природе. Общеизвестно, что символика национально-государственной идентичности, есте-

---

тодологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. №4 . С. 80-82.

ственно, может иметь как позитивные, так и негативные тональности. (В первом случае вспоминаются слова генералиссимуса А.В.Суворова: «горжусь, что я русский», во втором – строчка из популярной в 1990-х гг. песни Андрея Губина: «что же ты ищешь, мальчик-бродяга, в этой забытой Богом стране...»).

Важно осознавать, что символическая составляющая идентичности не исчерпывается функцией репрезентации образа «мы» в окружающем социальном пространстве, наделении «своих» позитивными или негативными чертами. Символы выполняют не менее значимую функцию *актуализации смыслов* – «знакового закрепления» чувства принадлежности к определённой общности. Следовательно, динамику и логику формирования национально-государственной идентичности во многом определяет сбалансированность в схеме *«смысловое ядро – символическая оболочка»*, эмоциональная выразительность символов, их способность отражать важнейшие политические представления, характерные для конкретного общества.

В-третьих, важным фактором, без которого сложно прийти к комплексному пониманию национально-государственной идентичности, является проблема отношений *«нация – государство»*, причем, как в контексте классического «вестфальского» мировоззрения, так и в современных условиях. В политической картине мира, сложившейся в эпоху модерна, доминирует норма, согласно которой государства «конституируются» нациями. Однако, несмотря на теоретическую гибкость концепции «воображаемого» культурно-политического сообщества, во многих случаях в неё оказывается не просто «вписаться». Многогранность понятия нации порождает целый ряд вопросов. Обозначим лишь некоторые из них:

- насколько государство «форматирует» нацию, задает векторы трансформации национально-государственной идентичности?
- выходит ли политическая нация за формальные политико-административные границы государства в его широком понимании?
- как быть с «нациями без государства» (курды, уйгуры и т.д.)?

- насколько эффективно современное государство способно институционально поддерживать национальное строительство?

Естественно, приведенный выше перечень далеко не полон. Он лишь «верхушка айсберга», беглый взгляд на множество проблем, опосредующих взаимосвязь нации и государства. Однако с уверенностью можно говорить о том, что формула «национально-государственная» (а не, например, «национальная идентичность») – не «дань уважения» государству в целом и российскому патернализму в частности, и даже не попытка разграничить «западный» политический и «советский» этнический подходы к определению нации. «Государственная» составляющая в структуре национально-государственной идентичности – это и способ обретения полномасштабной субъектности политической нации, и механизмы институционализации идентичности, и, конечно же, упомянутая выше политическая и социокультурная традиция государственности.

Анализ *социокультурной природы национально-государственной идентичности* побуждает нас обратиться к *феномену исторической памяти*, рассмотреть проблему сопряжённости образа прошлого и сформировавшейся в обществе модели самоидентификации «мы» в отношении «других». Указанная проблематика получила достаточно широкое освещение в работах зарубежных и российских исследователей. Важно отметить, что, наряду с общепризнанными и популярными зарубежными подходами (М. Хальбвакс, П. Нора, Э. Смит, Э. Нольте), заслуживают пристального внимания и концепции современных российских авторов (А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, И.Н. Тимофеев). Важно, что в ряде этих работ анализируется роль как официальной, так и «повседневной» исторической памяти в процессе формирования, национально-государственной идентичности, общенационального образа будущего¹⁴.

---

¹⁴См. например: *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007; *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. Новосибирск. 2001; *Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др.*, СПб., 1999; *Smith A.* National identity and idea of European unity // *International Affairs*. Cambridge. 1992. Vol. 68. № 1. P. 67; *Миллер А.И.*

По мнению многих учёных, на рубеже XX-XXI столетий обозначился кризис национально-государственных идентичностей, связанный, прежде всего, с политическими, технологическими и культурными трансформациями начала третьего тысячелетия: глобализацией, развитием интернет-технологий и сопутствующей этому «виртуализацией» повседневности, и становлением транснациональных идентичностей, регионализацией политического пространства и всплеском локальных самоидентификаций. В этих условиях национально-государственные идентичности испытывают двойное давление: со стороны наднациональных и субнациональных - региональных, локальных, виртуально-сетевых - идентификационных «вызовов»¹⁵.

Особо остро тенденция кризиса национально-государственных идентичностей прослеживается в многосоставных обществах, в которых к традиционным факторам (таким, как этническая неоднородность, территориальная и социокультурная фрагментация и т.д.) добавляются новые тенденции, связанные с процессами *политико-культурной глокализации*. По нашему мнению, парадокс феномена глокализации заключается именно в том, что национально-государственная идентичность оказывается в сложной ситуации «двойного удара» со стороны «глобальных брендов», порождающих неустойчивые по своей природе транснациональные самоидентификации (привет болельщиком «Барселоны» и поклонникам красоты Анжелины Джоли во всех уголках России!), и «спящих» локальных сообществ, периодиче-

---

Политика памяти в России: год разрушенных надежд. Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 4 (75). С. 49-57; *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 1. С. 5-28; *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (дата обращения: 12.11.11).

¹⁵*Бек У.* Что такое глобализация. М., 2001. 304 С.; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 С.; *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. 640 С.

ски «включающих» собственную историческую память (характерный пример – поморы, «внезапно возникшие» в ходе переписи 2002 года).

Можно сделать вывод, что национально-государственная идентичность представляет собой *механизм политической и культурно-психологической интеграции человека в национальную общность (как этнически однородную, так и неоднородную, фрагментированную), репрезентацией которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемый посредством института государства и политико-культурной традиции государственности*. При этом полномасштабный анализ национально-государственной идентичности возможен исключительно в контексте осмысления её культурно-исторической и символической природы, поиска макрополитических оснований её трансформации в начале XXI века.

1.2. Национально-государственная идентичность как пространство политических образов и смыслов

Сформулировав определение национально-государственной идентичности, необходимо обратиться к вопросу её структуры. Распространённым в научной среде является мнение, что национально-государственная идентичность – результат массовой самоидентификации с «воображаемым» социально-политическим сообществом¹⁶. Подобный взгляд достаточно удобен тем, что позволяет рассматривать национально-государственную идентичность, прежде всего, как *результат процессов идентификационного самоопределения*, и отчасти, как «продукт» *государственной «политики идентичности»*. Однако в последние десятилетия все более громко звучит точка зрения, согласно которой национально-государственная идентичность – конструкт динамический и многомерный, трансформации которого обусловлены многообразием внешних и внутренних социально-политических факторов. При этом подчеркивается, что коллективные

---

¹⁶Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 416 С.

представления о «своей» нации и государстве, образ «мы» не могут сложиться и существовать в отрыве от других макросоциальных идентичностей.

Наиболее детально многоуровневое понимание структуры национально-государственной идентичности представлено в исследованиях И.С. Семененко. Анализируя «гражданскую идентичность национально-государственного сообщества», автор указывает, что в её основе лежит «комплекс представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющим индивиду соотносить себя с ними. Это понятие употребляется для обозначения разделяемых членами национально-государственной общности ориентаций на страну (фактор общей территории), на государство (фактор общих институтов, включая институт гражданства, и символов, фиксирующих происхождение, исторический опыт и судьба) как источник повседневного социального опыта»¹⁷. В данном ракурсе идентичность предстает перед нами как результат синтеза разнообразных политических представлений и выстраиваемых на их основе политических ориентаций на «народ» («мы как люди»), «страну» («мы как территория») и «государство» («мы как субъект политики»). При этом очевидно, что задача государственных институтов – сформировать и поддерживать указанный внутренний баланс образа «мы», не допускать, чтобы «народ», «страна» и «государство» вступали в противоречие между собой, провоцируя тем самым смысловой диссонанс и масштабный кризис идентичности.

Д.В. Драгунский рассматривает национальную идентичность с позиции «*инфраструктурно-институционального*» подхода. В её структуре он выделяет пять уровней: инфраструктурный, институциональный, уровень повседневности и вербальный (ментальный) уровень. Анализируя каждый из этих уровней на примере России, Д.В. Драгунский делает следующий вывод: «российская национальная идентичность весьма противоречива.

---

¹⁷Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.,2016. 416 С.

Наблюдается сильное противоречие между инфраструктурным, а также...институциональным и «повседневным» уровнями идентичности, которые более или менее конгруэнтны, и вербально-ментальным уровнем идентичности, который наиболее ярко выражается в самооценках и социальных мифах. Грубо говоря, высокая национальная самооценка не соответствует (или, наоборот, «парадоксально соответствует») слабости её инфраструктурного обеспечения»¹⁸.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу «слабости» инфраструктуры в современной России, хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, инфраструктурный уровень представляет собой не «часть», некий составной элемент идентичности, а именно совокупность ключевых условий её формирования, важность которого обусловлена уровнем развития национальной системы коммуникаций: транспортных, медиа, финансовых, культурных, научно-образовательных и т.д. Именно широкая и интенсивно функционирующая сеть таких коммуникаций обеспечивает устойчивость идентификационных ориентиров политического сообщества, преобладание национально-государственной идентификации над узкими локальными установками политического сознания. Вместе с тем нельзя отрицать и тот факт, что культурные основания национально-государственной идентичности представляют собой продукт многочисленных социальных «обменов», результат функционирования традиционных и новых (например, социальные сети в интернете) «пространств повседневности». Иными словами именно в треугольнике «инфраструктура – институты – социальные взаимодействия» происходит кристаллизация основополагающих элементов национально-государственной идентичности.

Попытка осмыслить структурные особенности национально-государственной идентичности предпринималась и в рамках отечественной политико-психологической школы, возглавляемой Е.Б. Шестопал. Например, Т.В. Евгеньева и её кол-

---

¹⁸Драгунский Д.В. Пять уровней идентичности// Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm> (Дата обращения: 05.01.2017).

леги, анализируя специфику и механизмы формирования национально-государственной идентичности в постсоветской России, обращаются и к проблеме образов массового политического сознания. К числу таких образов они относят образ прошлого (миф о «золотом веке»); образ власти и правителя; образ будущего; образы героев и антигероев. Исходя из такой логики, можно говорить о фактическом «трехмерном» понимании феномена национально-государственной идентичности: к общепринятым пространственному и темпоральному компонентам добавляется третье её измерение – субъективное, персоналистское¹⁹.

По нашему мнению, наиболее продуктивным представляется синтез социокультурного и политико-психологического подходов, позволяющий рассматривать национально-государственную идентичность как феномен массового сознания, имеющий культурно-психологическую природу, репрезентацией которой выступает многогранный образ «мы», совокупность взаимосвязанных представлений о «нас» в различных проекциях: темпоральной, пространственной, повседневно-бытовой, лингвистической, символической²⁰.

При этом следует упомянуть, что для выразительного понимания структуры идентичности, на наш взгляд, более приемлема метафора не иерархии, а пространства. То есть, национально-государственная идентичность - скорее, не пирамида, не «айсберг», где есть четко разграниченные «скрытые», «бессознательные» элементы и «надводная часть» в виде идеологий и символов, а *многомерное пространство, сочетание различных измерений и находящихся в них «плоскостей» («полей» идентичности).*

Данный подход, в частности, позволяет сопоставить структуру национально-государственной идентификационной «матрицы» со структурой массового сознания. Представляется,

---

¹⁹Евгеньева Т.В. Формирование национально-государственной идентичности: проблемы, опыт, перспективы /Т. В. Евгеньева, С. В. Иванова, В. В. Ильина и др.//Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 7-35.

²⁰Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 93-104.

что в основании национально-государственной идентичности лежат слабо рационализируемые элементы: базовые социальные ценности, религиозные верования, некритически воспринимаемые и воспроизводимые стереотипы и установки восприятия «своих», «чужих», «чувства крови», «национального характера» и т.д. Все эти составляющие не подвергаются рациональному осмыслению, образуют де факто укоренившееся и «отпечатанное» в массовом сознании *импринт-поле* национально-государственной идентичности. Но, безусловно, оказывая сильное влияние на процесс идентификационного выбора человека, поиск собственного «Я» через отождествление с макрополитическим сообществом «мы», указанные элементы активно участвуют в формировании второго – *эмоционального* – поля идентичности. Принадлежность к национальной общности представляет собой изначально мощный эмоциональный импульс, в котором переплетены позитивные и негативные тональности. К таковым относятся чувство общей судьбы и социальной солидарности, патриотизм, вера в национальную «избранность» и «миссию», страх перед «чужими», негативные чувства по отношению к «врагам» и т.д.

На наш взгляд, особенность эмоционального компонента в структуре национально-государственной идентичности заключается в том, что его нельзя рассматривать с точки зрения локализации на определенном уровне (то есть, в строгом смысле, речь идет, скорее не об уровне как таковом, а о некой системообразующей субстанции). Эмоции циркулируют внутри идентификационной матрицы, «пронизывая» всю её структуру и выступая своеобразным катализатором, «спусковым механизмом» идентификационного поиска.

Третье поле национально-государственной идентичности – *когнитивное*, связанное с формированием системы знаний о нации, государстве, народе. Когнитивное поле может рассматриваться как «вторичный» уровень по отношению к импринтам и эмоциям, поскольку в большей степени является продуктом целенаправленной политической социализации и своеобразно «накладывается» на ранее усвоенные стереотипы и представле-

ния²¹. Более того, импринт-поле, сформировавшиеся в нём установки восприятия социальной реальности, предопределяют такое качество когнитивного поля идентичности как избирательность: знания, которые не укладываются в систему иррациональных верований и стереотипов, противоречат ей, как правило, отвергаются обществом. Характерный пример из жизни современной России, с блеском подтверждающий, что «знания умножают скорбь»: нежелание значительной части российских граждан, в том числе ряда историков-исследователей, допустить массовое открытие архивов НКВД-МВД - КГБ 1930-1960-х гг. из соображений «безопасности».

Четвертое поле национально-государственной идентичности – *символическое*, понимаемое нами как синтез импринтов, эмоциональных и когнитивных элементов, получивший концентрированное физическое выражение. Символизация национально-государственной идентичности представляет собой многогранный процесс, в котором соединяются наиболее яркие и пространственные представления о самих себе, коллективное «отраженное «я» (ответ на вопрос «что думают о нас другие?»), - Привет медведям, балалайкам и морозам!!!) и целенаправленные усилия государства по формированию системы национальных символов. Последнее направление определяются как *символическая политика*²².

В то же время необходимо еще раз оговориться, что указанные нами четыре поля национально-государственной идентичности: импринтов, эмоциональное, когнитивное, символическое – это, как уже отмечалось ранее, не иерархическая «пирамида», не совокупность «верхних» и «нижних» уровней, а многомерное пространство пересекающихся измерений, «на стыке» которых возникают своеобразные «узлы», сочетающие в себе все

---

²¹Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология..2012. № 2. С. 42.

²²См. например: Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки //Полис: политические исследования. 2015.№4. С.12-21.

указанные составляющие. Эти узловыe элементы системы национально-государственной идентичности – политические представления, которые, видоизменяясь, сливаясь друг с другом, усложняясь или, наоборот, приобретая более примитивные формы, складываются в политические образы.

Опираясь на исследования И.С. Семененко, О.Ю. Малиновой, Е.В. Бродовской, можно выделить несколько основных образов – «краугольных камней», лежащих в основании национально-государственной идентичности²³. На наш взгляд, в первую очередь речь должна идти о *четырёх* интегративных социально-политических образах: *образе «мы – другие»*; *образе власти*; *образе социального пространства* и *образе социального времени*.

Обратившись к концепции «космос – хаос» М. Элиаде, можно отметить, что образ «мы – другие» – есть ответ на два взаимосвязанных вопроса: «что есть наш Космос?» и «чем наш Космос отличен от «их» Хаоса?». *Образ власти* есть, в первую очередь, представление об иерархии социума как таковой, ответ на вопрос «как организован наш Космос?» и «в чьих руках его судьба?». *Образ социального времени* призван дать ответ на вопросы «откуда мы?» и «куда идем?», а *образ пространства* – «где заканчивается наш Космос и начинается их Хаос?»²⁴.

Первый образ – образ «мы» в его антропокультурной проекции, *совокупность представлений о «нас» как о народе*, этноисторической, лингвистической и культурно-психологической общности, воспроизводящей определенные смыслы, ценности, стереотипы и модели политического поведения. При этом образ

---

²³Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития / Отв. ред.: И. С. Семененко. Т. 2. М.: ИМЭМО РАН, 2014; Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.2012.№ 8.С. 179–204; Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 283–296.

²⁴Элиаде М. Аспекты мифа. М.,2014. 235 С.

«мы» даже в полиэтнических многосоставных обществах с развитой гражданской идентичностью (Испания, Швейцария, Канада и др.) всегда содержит мощный этнический компонент, связанный, прежде всего, с приматом происхождения («чувство крови») и лингвистической самоидентификацией («фактор языка»).

Следует особо сказать о том, что образ «мы», даже будучи весьма насыщенным в когнитивном плане, не может быть наполнен исключительно позитивным содержанием. Его неотъемлемая часть – *совокупность представлений о всевозможных «других»*, которые нас окружают во всех смыслах: пространственном, геополитическом, бытовом. Учитывая разнообразие этих самых «других», вряд ли оправданно говорить о некоем едином сверх-образе «чужих». Скорее, речь может идти о широком спектре разнородных представлений, охватывающих различные уровни восприятия действительности, от глобального (исторические «заключенные друзья» Государства Российского на международной арене – «англичанка», которая «гадит», «басурманы», «ляхи», «америкосы») до локального и повседневного (соседи «за стенкой», которые говорят на непонятном нам языке).

Многочисленные геополитические и культурные «чужие» - не только продукт всевозможных стереотипов и социальных страхов, присутствующих в массовом сознании, но и *способ активации психологического механизма отстройки*, актуализации образа «мы» в социокультурном и политическом пространствах.

Как известно, «враг» во всех его ракурсах традиционно является одним из ключевых конструктов массового политического сознания, вокруг которого выстраиваются макрополитические и территориальные идентичности. Особенности конструирования образа «исторического врага» на примере России и Турции описал норвежский исследователь И. Нойманн. Он, анализируя культурно-исторические особенности становления «европейской идентичности», отметил, что процесс её формирования изначально протекал в конфликтогенном контексте «значимых других» (России и Турции), образы которых активно экс-

плуатировались в целях консолидации граждан европейских государств вокруг потенциальной «общей угрозы», способной бросить вызов «европейским ценностям» и вытекающему из них «европейскому образу жизни»²⁵.

С. Хантингтон в работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» также особое внимание уделяет образу врага. Ученый задается вопросом: что ждет США после окончания «холодной войны» и исчезновения главного оппонента – «империи зла?». По его мнению «если «варвары» и вправду угрожают или могут угрожать существованию страны, эта угроза может иметь более позитивные последствия». При этом «идеальным врагом Америки *следует считать общество, отличающееся от США расово и культурно, исповедующее идеологию, которая противоречит американской, и достаточно сильное в военном отношении, чтобы представлять собой угрозу американской безопасности (курсив мой – Т.В.)*. В 1990-х годах американские политики и дипломаты были поголовно *озабочены поиском такого врага*»²⁶ (комментарии, как говорится, излишни! - Т.В.).

Таким образом, «чужие» - важнейший компонент дифференциации социального пространства и становления национального самосознания. «Чужие» позволяют рельефно увидеть «своих» во всех возможных проекциях: от осязаемых лингвистической и антропологической до «воображаемых» геополитической и геокультурной. И, конечно, образ «чужих» открывает внушительные возможности политического манипулирования. В условиях слабости ценностных оснований и невнятности смыслов позитивной национально-государственной идентичности «чужие» искусственно превращаются во «врага». А поиск этих самых «врагов» внутри и снаружи становится главным смыслом

---

²⁵Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 С.

²⁶Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 635 С.

«нашего» существования, стержневой идеей, вокруг которой осуществляется консолидация политического сообщества²⁷. При этом, речь идет как о дне сегодняшнем, так и об исторической ретроспективе: «культ страдания» становится не только способом очертить «нашу» политическую общность, отделить «нас» от других, но и «на эмоциях» сплотить значительную часть общества в борьбе с прошлым.

Второй компонент, крайне значимый для формирования национально-государственной идентичности, - *образ социальной власти* в различных её проекциях: политической, экономической, культурно-символической. «Власть» понимается при этом не только как аппарат управления, но и как мобилизационный ресурс, сила, организующая социально-политические процессы.

Теоретическая концепция образа власти получила свое развитие в трудах Е.Б. Шестопал, С.В. Нестеровой, Т.М. Зуевой, Е.М. Шкилевой и ряда других ученых²⁸. Характеризуя многогранность образа власти, Т.М. Зуева и Е.М. Шкилева пишут: «Образ власти как феномен массового повседневного сознания есть социальный политико-властный конструкт, выступая порождением конкретной социально-политической культуры общества, этот образ конституируется, то есть порождается и создается реальными социально-политическими условиями, является их выражением и продуктом и в некотором роде объективен, как порождение этих реальных условий. Но, с другой стороны, он конструируется воздействием методов политической и государственной идеологии и пропаганды, посредством средств массовой коммуникации, политической рекламы, он продуцируется политическим пиаром и политическими манипуляциями, различными политическими технологиями, в том числе он конструируется исследователями посредством обоснования тех или иных

---

²⁷Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22–27.

²⁸Шестопал Е.Б., Нестерова С.В., Титов В.В. и др. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012. № 3. С.186 -190; Зуева Т.М., Шкилёва Е.М. Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С.15-20.

идеологических, политических, государственных или национальных идей и ценностей»²⁹.

Представляется, что важность образа власти для формирования национально-государственной идентичности объясняется, по меньшей мере, двумя моментами.

Во-первых «власть» наполняет «государственную» составляющую идентичности политическим смыслом, превращает социокультурную нацию в нацию политическую, делает её субъектом макрополитических процессов. В связи с этим всё острее звучит вопрос эффективности политической власти, её способности не только учитывать и уравнивать интересы различных политических, социально-демографических, этнических групп, но и адекватно конвертировать их в действия, внутренние и внешнеполитические стратегии государства.

Во-вторых, именно политическая власть, её легитимность в массовом сознании, во многом определяет *потенциал институциональной и ресурсной поддержки* национально-государственной идентичности. Кризис власти, а вместе с ней и государства – всегда неизбежный вызов «матрице» национальной идентичности, её когнитивным, ценностным, эмоциональным основаниям. Уходя в историческое небытие и разрушая государство, «слабая» власть автоматически провоцирует кризис идентичности, выход из которого, как правило, сопряжен с тяжелыми политическими конфликтами, крайне существенными социально-экономическими, демографическими и культурными издержками. Яркий и общеизвестный пример – события русской «смуты» начала XVII века, детонатором которой явился именно кризис политической легитимности власти («говорят, царь ненастоящий!»).

Важный компонент интегративного по своей сути образа власти, нуждающийся в отдельном осмыслении, – *образ политического лидера*. Особую значимость он приобретает в обществах, для которых характерен высокий уровень персонализации власти. По мнению целого ряда исследователей, именно к таким обществам относится и Россия. Однако представляется, что образ

---

²⁹Зуева Т.М., Шкилёва Е.М. Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С.15-20.

политического лидера как стержневой элемент национально-государственного самосознания всё же более важен для традиционных обществ «прото-имперского» типа, где сильны архаические традиции и при этом сохраняется высокий уровень культурной обособленности отдельных этносоциальных групп. Яркие примеры конструирования национально-государственной идентичности преимущественно вокруг образа правителя и его наследников в начале XXI века – Саудовская Аравия и КНДР. Из недолгой истории постсоветского пространства можно вспомнить предложение ряда туркменских чиновников переименовать страну в «Ниязовскую Туркмению».

Следующий важнейший компонент, присутствующей в структуре «матрицы» национально-государственной идентичности – *образ времени*. Он представляет собой синтез представлений о прошлом, настоящем и будущем «нашего» политического сообщества. Не является преувеличением тот факт, что образ политического и шире – социального времени – наименее изученный элемент системы социальных представлений. Прежде всего, попытки его осмысления относятся к цивилизационным теориям, концепциям глобализации и социально-исторических изменений, таким как «конец истории» Ф. Фукуямы, «четвертый порядок» А.И. Неклессы, клиодинамика А.В. Коротаева и др.³⁰. Попытки политико-психологического анализа массовых представлений о собственной идентичности в темпоральном контексте, с точки зрения образов прошлого и будущего, предприняты в работах российской политико-психологической школы. При этом исследователи говорят о такой фундаментальной черте образа времени, как несовпадение времени физического, субъективного социального и политического: «застой» сменяется «ускорением» политических процессов, «стабильность» – кризисом и «революцией», традиции и преемственность – «ломкой» основ политической системы.

---

³⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005. 592 С., Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития. М., 2001; Коротаев А. В., Халтурина Д. А. и др. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М., 2010.

В структуре образа времени можно выделить два основных элемента – образы прошлого и будущего. Дуализм «прошлое-будущее» - не просто система координат, используемая «для удобства» самоидентификации, но и механизм выработки смыслов макрополитического сообщества, призванный демонстрировать его эволюцию, поступательное движение и позитивную социальную динамику (всевозможные достижения, преодоление кризисных тенденций и т.д.). Именно через такой механизм «настоящее», образ «дня сегодняшнего», оказывается не случайным историческим эпизодом, духовным и политическим «безвременьем», а важным этапом национальной истории.

Рассматривая *образ прошлого*, его влияние на формирование национально-государственной идентичности, современные ученые выделяют в нём два эталонных конструкта – образ «*золотого века*», характеризующий период наивысших достижений общества, и *образ «смутного времени»* - массовые исторические представления о национальной «трагедии». В российской истории на статус «золотого века» традиционно претендуют эпоха Екатерины Великой («век Екатерины»), Александра I («дней Александровых прекрасное начало»), «золотой век русской литературы». «Смутное время» представлено социально-политическими потрясениями начала XVII и XX столетий (можно вспомнить название мемуаров А.И.Деникина – «Очерки русской смуты»), а в последние годы благодаря усилиям СМИ - и событиями «лихих» 1990-х годов.

Можно предполагать, что для формирования позитивной модели национально-государственной идентичности образ прошлого должен целенаправленно конструироваться в контексте преобладания достижений над неудачами, побед над поражениями, «золотого века» над кризисами и всевозможными «смутами». В противном случае выстраивается негативная национально-государственная идентификация, в основе которой - образы «врага» и «коллективной травмы» как отправной точки национальной истории. Следствие такого подхода – становление деформированного национального сознания, которое зиждется на «культе страдания» и «моральном мазохизме». Такой «пара-

ноидальный» подход к национально-государственной идентичности не только формирует комплекс коллективной исторической неполноценности, но и препятствует политическому, экономическому, технологическому и культурному развитию общества, мешает становлению положительного образа будущего.

Образ коллективного будущего – пожалуй, наиболее неустойчивый компонент национально-государственной идентичности. Его изменчивость, в первую очередь, обусловлена крайне слабой когнитивной составляющей: если представления людей о прошлом в определенной степени базируются на знаниях, передаваемых через институты политической социализации, то будущее – по определению *terra incognita* массового сознания, объект всевозможных научных и псевдонаучных «прогнозов» и предсказаний. Не менее существенный психологический аспект, обостряющий интерес к образу будущего, связан с общеизвестным «страхом перед будущим», в котором «предстоит жить». В связи с этим уместно вспомнить о такой функции механизма самоидентификации, как психологическая защита через присоединение к большой социальной общности: индивидуализированное «я» частично растворяется в образе «мы». Поэтому эффективность «политики идентичности», проводимой государством, необходимо анализировать, в том числе, и через призму конструирования и поддержания *эффекта сопричастности*: способности «сблизить» отдельного человека и общенациональную миссию («строитель коммунизма», *self-made man* как воплощение «американской мечты» и т.п.).

По нашему мнению, в начале XXI века «матрица» национально-государственной идентичности все более сталкивается с ситуацией аморфности образа будущего, которая обусловлена как самим кризисом национального государства, так и принципиально новой информационно-психологической реальностью «постмодерна». Информационная глобализация приводит к тому, что в системе массовых представлений жителей «золотого миллиарда» о будущем ведущее место занимают иррациональные мотивы страха, утрата какой бы то ни было исторической перспективы («живём один раз» и «одним днем», а значит «бери от жизни всё!»), идеи деструктивного «конца истории».

Размышляя об *образе «нашего» пространства*, его значимости для формирования полноценной национально-государственной идентичности, следует обратиться к классическим и современным российским (А.С. Ахиезер, Д.Н. Замятин, И.В. Следзевский, Е.В. Морозова) исследованиям³¹.

Рассматривая проблему географических образов в контексте цивилизационного подхода, Д.Н. Замятин пишет: «...Любая цивилизационная идентичность содержит в явных или скрытых формах географические образы, составляющие ее неотъемлемую и естественную часть, хотя сам ее носитель может и не замечать этого»³². По его мнению, «со второй половины XIX в. (хотя самые ранние социокультурные симптомы могут относиться и к первой половине XIX в.) российская цивилизация все же постепенно стала вырабатывать определенные специфические географические образы, которые, с одной стороны, уже не были простым продолжением и расширением европейского воображения (им устойчиво «питалась» и воспроизводилась Россия все XVIII столетие), а с другой – фиксировали постоянную ситуацию ментального «оконтуривания» условно пустых пространств, предполагаемых в будущем пригодными к освоению. Именно эта ментальная «неоконченность», незавершенность географических образов была, видимо, в течение всего XX в. «фирменным знаком» российских пространств, подтверждая тем самым их несомненную «российскость»³³.

---

³¹ Замятин Д.Н. Россия и Запад: пространство и образ цивилизационных взаимодействий // Сайт «Социокультурное регионоведение». URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165--l-r.pdf> (дата обращения: 09.01.2017);

³² Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997, 384 С.; Замятин Д.Н. Россия и Запад: пространство и образ цивилизационных взаимодействий // Сайт «Социокультурное регионоведение». URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165--l-r.pdf> (дата обращения: 09.01.2017); Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 93-104; Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. №1. С.60-66.

³³ Замятин Д.Н. Россия и Запад: пространство и образ цивилизационных взаи-

Отдельный момент, значимый для понимания пространственных контуров национально-государственной идентичности, связан с тем, что образ пространства – есть не просто когнитивный элемент в структуре массового сознания, географическая оболочка образа «мы», а, безусловно, аксиологический по своей природе конструкт. То есть, пространство, территория – основная ценность, в особенности характерная для традиционных обществ. При этом ценность пространства имеет не только ресурсное, прагматическое значение (как жизненный ареал, расширение которого особенно важно при экстенсивном типе хозяйствования), но и символическое наполнение (например, «Россия - самая большая страна в мире», неоосманские концепции «тюркского мира», Речь Посполитая - держава «от моря до моря», Pax Britannica – империя, над которой «никогда не заходит Солнце» и т.д.).

Образ «нашего» пространства оказывается тем политико-культурным конструктом, который не только отражает «великодержавные» геополитические амбиции и «имперские» исторические реминисценции конкретной нации «по поводу утраченных территорий», но и внутренне консолидирует образ «мы», психологически расширяя его за пределы формальных границ страны (характерный пример – «русский мир»!). Более того, нередко, в эпоху кризиса и «безвременья», именно образ пространства становится стержневым элементом национальной исторической миссии, понимаемой как «возвращение исконных территорий» и защита «соотечественников» от посягательств «чужих».

Можно сделать вывод, что национально-государственная идентичность представляет собой синтезный политико-психологический и социокультурный конструкт, структурные особенности которого определяются взаимодействием четырех полей: *поля импринтов* (подсознательных оснований самоидентификации), *эмоционального, когнитивного и символического*. Национально-государственная идентичность опирается на институционализированную традицию государственности и вклю-

---

модействий //Сайт «Социокультурное регионоведение». URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165--l-r.pdf> (дата обращения: 09.01.2017).

чает в себя такие основные элементы, как сложные в когнитивном и эмоциональном плане, взаимосвязанные и находящиеся в состоянии коэволюции образы «мы – другие», *политической власти, политического пространства и политического времени*. Именно взаимодействие этих интегративных образов во многом определяет специфику формирования национально-государственной идентичности в условиях разнообразных и слабо прогнозируемых вызовов XXI столетия.

1.3. Политика памяти как инструмент формирования национально-государственной идентичности

Как уже было сказано, важнейшим субъектом формирования национально-государственной идентичности является государство. Его воздействие на данный процесс осуществляется через государственную «политику идентичности». В современной научной литературе существует достаточно много определений государственной «политики идентичности». Нам представляется, что *государственная политика идентичности – целенаправленная деятельность государства, а также тесно связанных с ним структур (негосударственных организаций, СМИ, социальных медиа) по формированию национально-государственной идентичности как полномасштабного конструкта, целостного образа «мы» во всех его измерениях*.

Однако политика идентичности, какой бы она ни была по своему содержанию и направленности, всегда в той или иной мере опирается на коллективный образ *прошлого*, систему исторических представлений, сложившихся в обществе.

Причем, государство *как использует* данные представления для формирования целостной «матрицы» идентичности, поддержания связи поколений, так и *преобразует, интерпретирует их*. В первом случае принято говорить о «политике памяти», во втором – о государственной исторической политике. Сегодня, в условиях радикальных политических и социокультурных трансформаций, «изучение политики памяти как одного из наиболее существенных направлений «*memorystudies*», претендующих в начале XXI века на звание новой парадигмы в гуманитарных

науках, является задачей междисциплинарного исследования»³⁴.

Следует отметить, что проблематика осмысления места исторического фактора в структуре национально-государственной идентичности вызывает широкий интерес в политической науке³⁵. При этом ученые отмечают, что процессы формирования национально-государственной идентичности в современном мире необходимо рассматривать в их сопряженности с не только с национальной историей как совокупностью массовых представлений о прошлом, но и с государственной «политикой памяти» как процессом целенаправленного конструирования таких представлений.

Например, немецкий ученый Г. Люббе дает следующее описание тесной взаимосвязи «истории» и «идентичности»: «...Идентичность — это ответ на вопрос о том, кто мы такие. Только в тех случаях, когда некто уже знает о нас ... ему достаточно сообщить наше имя, чтобы он понял, кто мы такие. Во всех остальных случаях требуются дополнительные сведения... В своей совокупности эти сведения образуют, как нетрудно заметить, некоторую историю. Эта история составляет нашу идентичность, и с ее помощью нас идентифицируют»³⁶.

Социокультурная линия исторического конструирования национальной идентичности восходит к работам историков *Энтони Смита* и *Бенедикта Андерсона*, которые сформулировали идею о возможности через культурные элементы, прежде всего,

---

³⁴ *Аникин Д.А.* Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 126-131.

³⁵ См. например: *Нойманн И.* Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 С.; *Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. №4. С. 108-115; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. 1991. 224P; *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории; Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (Дата обращения: 22.07.2014); *Тимов В.В., Бушнев В.В., Самохвалов Н.А.* Историческая политика в государствах бывшего СССР: попытка концептуального осмысления // Социально-гуманитарные знания 2015. № 2. С.266-275.

³⁶ *Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. №4. С. 110

«изобретение традиций» и «печатный язык», воздействовать на процессы самоидентификации политического сообщества. Э. Смит, подчеркивая роль исторического фактора в процессе становления национальной идентичности, пишет: «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы оправдать свое отличие, подтвердить свою коллективную «индивидуальность» в каждом поколении через ритуалы, церемонии, политические мифы и символы, искусство и историю»³⁷.

Один из ярких представителей культурно-исторического конструктивизма Б. Андерсон рассматривает концепцию идентичности через призму «воображаемых сообществ»: «... Оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»³⁸. Особое место в становлении таких сообществ ученый отводит историческому фактору: выстраиваемый в общественном сознании «образ древности», занимает «важное место в субъективном представлении о нации»³⁹.

Российский исследователь И.Н. Тимофеев предлагает в числе возможных подходов к осмыслению национально-государственной идентичности историческую её интерпретацию, в рамках которой она трактуется как «совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан и осознания ими своей политической общности», которая «во многом выступает объектом конструирования политическими и интеллектуальными элитами»⁴⁰. М.А. Колеров также рассматривает политику памяти с точки зрения конструирования национальной идентичности, определяя её как «политику единых ориентиров, формул описания прошлого»,

---

³⁷Smith A. National identity and idea of European unity //International Affairs.1992. Vol.68. №1. P 67.

³⁸Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. 1991. 224 P.

³⁹Там же.

⁴⁰Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории; Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (Дата обращения: 22.07.2014).

призванных обеспечить национальное единство и консолидацию общества⁴¹.

Следует отметить, что в российской политической науке и близкой к ней интеллектуальной среде сложилась своеобразная традиция контекстуального «упоминания» государства и проводимой им политики при рассмотрении тех или иных исследовательских вопросов, связанных с национально-государственной идентичностью и её конструированием «через призму истории». При этом о тесной взаимосвязи «политики памяти» и национально-государственной идентичности говорят представители диаметрально противоположных политических и научных взглядов. Как те общественные деятели, которые считают, что будущее России связано с политической «либерализацией» и форсированием исторической политики «десоветизации» общества, так и их оппоненты, уверенные, что «переосмысление истории» - способ стирания российской идентичности нашими конкурентами»⁴².

Однако прежде чем детализировать способы и механизмы воздействия политики памяти на национально-государственную идентичность, необходимо определиться с терминами. Дело в том, что в 2000-е гг. наряду с «*политикой памяти*» широкое распространение в политической науке получил термин «*историческая политика*». Сосуществование двух этих терминов породило серьезные дискуссии. Ряд ученых использовал их фактически как синонимы, другие говорили о том, что историческая политика шире политики памяти, поскольку охватывает не только сохранение «мест памяти» для потомков, но и конструирование целостной исторической картины мира. Третьи придерживались противоположной точки зрения, утверждая, что политика памяти имеет более широкие «общественные» основания, опирается на социальный «образ прошлого», а историческая политика – это,

---

⁴¹ Колеров М.А. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка. Часть 1.// URL: <http://www.iarex.ru/articles/40226.html> (Дата обращения: 23.04.2017).

⁴² Делягин М.Г. «Переосмысление истории» - способ стирания российской идентичности нашими конкурентами // ФОРУМ МСК. URL: <http://forum-msk.org/material/fpolitic/3386903.html> (дата обращения: 20.04.2014).

скорее, официальный взгляд на историю. И, наконец, четвертые противопоставляли политику памяти как «мягкое» формирование образа прошлого и «историческую политику», возникшую в конце XX века в ФРГ и государствах «новой Европы» (прежде всего, в Польше и Прибалтике), как агрессивную политическую технологию, попытку государства «переписать» историю и навязать обществу собственные оценки прошлого.

Например, о серьезных различиях между этими двумя понятиями говорит А.Р. Дюков: «...Политику памяти» можно определить как совокупность мероприятий, направленных на формирование и/или воспроизведение идентичностей, в первую очередь - национальных и этнических. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти». Однако «политику памяти» следует отличать от «исторической политики». «Историческая политика» ...означает сознательное использование истории как инструмента в политической борьбе (как внутренней, так и внешней). *«Историческая политика» больше привязана к актуальному политическому моменту, более сиюминутна по сравнению с «политикой памяти» (курсив мой – Т.В.)*⁴³. Вместе с тем, А.Р. Дюков констатирует, что сегодня «ни одно государство в мире не может позволить себе отказаться от проведения политики памяти - просто потому, что от этого зависят вопросы национальной идентичности»⁴⁴.

Немаловажную роль в противопоставлении двух данных терминов играет их происхождение. Если *«политика памяти»* рассматривается как продукт западноевропейской интеллектуальной традиции, деятельности ученых-историков, то *«историческая политика»* имеет «германо-польскую родословную», и в начале XXI века всё чаще проявляется весьма своеобразно, как попытка восточноевропейских стран формировать собственную

---

⁴³Дюков А.Р. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» // Сайт фонда «Историческая память». URL: http://www.historyfoundation.ru/media_item.php?id=56 (Дата обращения: 23.04.2017).

⁴⁴Дюков А.Р. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» // Сайт фонда «Историческая память». URL: http://www.historyfoundation.ru/media_item.php?id=56 (Дата обращения: 23.04.2017).

национально-государственную идентичность через исторический образ врага в лице России.

Подробное описание возникновения термина «историческая политика» приводит известный российский ученый А.И. Миллер: «... Термин «историческая политика» — *Geschichtspolitik* — возник в 80-е годы в Германии. Тогда он однозначно был ругательным... В 2004 году группа польских авторов опубликовала статью, которая называлась «Историческая политика» (*Polityka historyczna*), в которой они говорили, что это вещь очень правильная и нужная. Мол, все страны используют историю в своей политической борьбе с соседями, и мы, поляки, тоже должны этим заниматься. Это совсем не стыдно, но при этом так важно, что это дело нельзя оставлять только историкам»⁴⁵.

Тем не менее, автор монографии считает необходимым отказаться от крайних оценок исторической политики исключительно как переписывания истории в угоду политической конъюнктуре. На наш взгляд, даже сегодня, когда те или иные события прошлого с завидной регулярностью становятся «разменной монетой» в геополитических играх, необходимо придерживаться более широкого и системного взгляда на содержание государственной исторической политики. Поэтому считаем возможным предложить определение, которое было сформулировано автором монографии совместно с В.В. Бушуевым: «...Под государственной исторической политикой мы понимаем *систематизированную, целенаправленную деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур, сотрудничающих с государством общественных организаций по формированию (конструированию) и поддержанию определенных ис-*

---

⁴⁵ Липский А. Европейские войны памяти. Кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. Интервью с А.И.Миллером// Сайт «Новая газета». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/01/64370-evropeyskie-voyny-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit> (Дата обращения: 23.04.2017).

торических представлений в обществе и на внешнеполитической арене»⁴⁶.

Предлагаемое определение не претендует на исчерпывающее описание исторической политики, всех её граней, особенностей, механизмов. Более того, в рамках данной монографии представляется избыточным заниматься теоретизированием «вокруг» каждого из его положений, поскольку институциональный анализ исторической политики, её направлений и моделей, представлен в работах *Владимира Викторовича Бушуева*⁴⁷.

В контексте нашего исследования хотелось бы остановиться лишь на одной детали: в целом соглашаясь с мнением таких ученых, как Ю. Шеррер, Я. Ассман, А.И. Миллер и признавая комплексный характер исторической политики, тем не менее, в рамках данной работы представляется целесообразным говорить о «политике памяти». Это обусловлено не только стилистическими предпочтениями автора, но и рядом более важных аспектов.

Во-первых, государственная историческая политика трактуется большинством исследователей преимущественно как деятельность государства по написанию (а часто и многократному «переписыванию») официальной версии истории, её «продвижению» как внутри страны, так и на международной арене. В таком ракурсе *государственная «политика памяти»*, понимаемая не как сохранение «мест памяти», локальных фрагментов прошлого, а как *системная деятельность по формированию общенационального «образа прошлого»*, выглядит, безусловно, более емким понятием.

---

⁴⁶Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-методологический анализ) //ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы.2011.№4.С79.

⁴⁷См. например: Бушуев В.В. Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации //Ценности и смыслы.2012. №4. С.119-128; Бушуев В.В. Роль исторической политики в процессе реализации государственного внешнеполитического курса // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. № 4. С. 30-39; Титов В.В., Бушуев В.В., Самохвалов Н.А. Историческая политика в государствах бывшего СССР: попытка концептуального осмысления // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 266-275.

Во-вторых, необходимо понимать, что государственная политика памяти, в отличие от исторической политики, затрагивает не только «контент» - конкретные исторические факты и их оценки, но и отношение к прошлому в целом, если угодно, место этого самого «прошлого» в структуре национального самосознания. Ключевая «элементарная частица» политики памяти – не аргумент и его «правильная подача», «привязанная» к конкретной политической ситуации, а эмоционально окрашенное историческое представление. Совокупность таких представлений и образует интегративный образ прошлого, на основании которого выстраивается национально-государственная идентичность. Государство в этом случае не самоустраняется, но и не навязывает исторические оценки, не выполняет функции цензора. Задача государства сводится к «умной силе»: опираясь на уже сложившиеся в обществе фрагментированные представления, выстроить яркий и полноценный во всех измерениях – эмоциональном, когнитивном, символическом – *внутренне непротиворечивый, неконфликтный образ прошлого*, призванный не восстанавливать «историческую справедливость» и тем самым в «юбилейном» 2017-м году вновь расколоть страну на «красных» и «белых», а консолидировать общество.

Суммируя многообразие взглядов на «политику памяти», её природу и специфические черты, можно выделить *пять групп подходов* к её осмыслению. Первая группа – совокупность так называемых *интерпретационных определений*, в основе которых лежит понимание политики памяти в качестве деятельности, направленной на интерпретацию и переоценку событий прошлого как в соответствующем «политическом контексте», так и без привязки к политической конъюнктуре. Так, А.И. Миллер рассматривает политику памяти как «различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной

памяти»⁴⁸, О.Ю. Малинова – в контексте символической политики и конкуренции за интерпретацию прошлого⁴⁹. При этом ряд ученых подчеркивают, что такие «интерпретации» нередко граничат с искажением истории: «политика памяти несет в себе тенденцию направленного перекося истории в пользу преувеличения значения некоторых событий, которым придается символическое значение. Иначе говоря, есть исторические факты и события, которые назначают быть главными, опорными в нашем сознании. К ним прилагается *соответствующая интерпретация, чтобы мы, не дай Бог, не поняли их неправильно (курсив мой – Т.В.)*. Другие события отодвигаются на задний план или вообще выбрасываются из нарратива»⁵⁰. Представляется, что подобная трактовка политики памяти порождает уже не научные, а нравственные вопросы: в какой мере допустимы всевозможные «интерпретации» и «перекося»? Где заканчивается «субъективный фактор» в оценке прошлого и начинается преднамеренная фальсификация истории?

Второй подход к пониманию «политики памяти» может быть охарактеризован как *инструментальный, или ресурсный*. В его основании лежит мнение, что исторические события и их интерпретация – прежде всего, механизм долгосрочной легитимации действующей политической власти. Обращение к образам прошлого «в качестве властного ресурса, используемого для легитимации существующего порядка вещей или для обоснования претензий на изменение политического порядка, заставляет говорить о существовании политики памяти как отдельного вида политических отношений в современном мире»⁵¹.

---

⁴⁸Миллер А.И. Россия: власть и история // Сайт «Полит. РУ»
URL:<http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>
(дата обращения: 04.01.2016).

⁴⁹Малинова О.Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. Т. 1. № 10 (10). С. 156-166.

⁵⁰Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки // Сайт Фонда исторической перспективы. URL:
<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=249420> (Дата обращения: 23.04.2017).

⁵¹Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной Рос-

Третий взгляд на содержание политики памяти можно с известной долей условности назвать «*рестроспективным*» и *социализационным*. В его основании – идея ретрансляции истории как знания, сохранения преемственности исторических представлений, и, по возможности, их «очищения» от конъюнктурных политических оценок. Истоки такого видения лежат в трудах «классиков жанра» исторической памяти: М. Хальбвакса, Ф. Броделя, П. Нора, Ж. Ле Гоффа⁵². Важная составляющая этого подхода – разграничение «политики памяти» и государственной исторической политики, понимаемой как институциональное обеспечение официальной версии истории.

Профессор Московского педагогического государственного университета Е.Е. Вяземский отмечает: «...Вопросы сохранения коллективной исторической памяти, которая в значительной степени является основой культурной преемственности поколений, основой национально-гражданской идентичности, приобретают особую значимость» как для современной России, так и для многих других стран⁵³. Необходимо особо заметить, что речь идёт именно о «сохранении» коллективной памяти, её передаче от поколения к поколению, а не о популярных сегодня концепциях «конструирования», «модернизации» или хотя бы «переосмысления» образов прошлого.

Однако в современном социогуманитарном знании востребован и принципиально иной (четвертый по счёту!), *конструктивистский взгляд на сущность «политики памяти»*. Его корни лежат в традиции исторического презентизма, идее конструирования истории исходя из интересов «дня сегодняшнего».

сии: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 126-131.

⁵² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Бродель Ф. Пространство и история. М., 1994, 406 С.; Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижез и др., СПб., 1999; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. 376 С.

⁵³ Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С.89-97.

Как следствие, «каждый век пытается сформулировать свою концепцию прошлого. Каждый век заново пишет историю прошлого, соотнося ее с главной темой своего времени»⁵⁴.

В ходе осмысления конструктивистского взгляда на формирование массовых представлений о прошлом становится ясно, что речь идет не о едином теоретическом подходе и даже не о родственных методах анализа, а о совокупности подходов, по разному понимающих сам процесс «конструирования». В одних случаях подразумевается конструирование представлений о прошлом том понимании, которое берет свое начало с теории Бергера-Лукмана, то есть исследователи говорят о сложном процессе социального воспроизводства исторических значений и смыслов⁵⁵. В других акцент сделан на коммуникативных аспектах социальной памяти и национальной идентичности. Так, российский ученый И.И.Глебова, рассматривая образы прошлого, специфику их формирования, обращается к их информационной составляющей. Она констатирует, что в современных условиях «... Политическая преемственность обращается в ... социально конструируемое явление, что придает ей отчасти имитационный характер. Она формируется и за счет управления массмедийными образами прошлого»⁵⁶.

Пятый подход к пониманию политики памяти – *системный*, основанный на симбиозе *спонтанных элементов социальной памяти и конструируемых государством нарративов официальной истории*. Контуры такого понимания «политики памяти» наиболее рельефно представлены в концепциях Ю. Шерпера, Я. Ассмана, О.Ю. Малиновой⁵⁷.

---

⁵⁴Turner J. The Significance of History // The Varieties of History: From Voltaire to the Present / Ed. F. Stem. 2 ed. N.Y. 1972. P.200.

⁵⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 С.

⁵⁶Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России / Автореф. дисс...доктора политических наук. М.,2007.

⁵⁷ Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // «Перспективы». Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL:http://www.perspektivy.info/book/otnosheniye_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-

Именно такой взгляд представлен в широко известной в российском политологическом сообществе работе Ю. Шеррер: «...Историческая политика (или политика памяти) в демократических обществах — это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив»⁵⁸. При этом исследователь подчеркивает важность профессионального труда историков, научно-исследовательской деятельности в сфере исторической памяти: «...Историческая политика — это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит»⁵⁹.

Авторы крупного исследования «*Политика памяти в поствоенной Европе*» Р. Либоу, В. Канстейнер и К. Фогу также опираются на системное понимание «политики памяти». Они акцентируют внимание на роли межпоколенческих конфликтов в формировании интегрированных национальных пространств памяти

24.htm (Дата обращения: 23.04.2017); *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 С.; *Машинова О.Ю.* Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // *Дискурсология: методология, теория, практика.* 2016. № 10. С.156-166.

⁵⁸ *Шеррер Ю.* Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // «Перспективы». Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/otnoshenije_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-24.htm (Дата обращения: 23.04.2017).

⁵⁹ *Шеррер Ю.* Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // «Перспективы». Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/otnoshenije_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-24.htm (Дата обращения: 23.04.2017).

и используют термин «институциональная память», который отражает процесс трансформации и закрепления фрагментов исторического сознания в контексте политики, проводимой национальными элитами⁶⁰.

Представляется, что принцип системности и структурно-функциональный анализ открывают несоизмеримо более широкие возможности для изучения государственной «политики памяти», чем её узкие и одномерные трактовки. Очевидно, что в ряду функций «политики памяти» особое место будет занимать формирование национально-государственной идентичности как способ поддержания политической стабильности и сохранения преемственности политических поколений.

Всплеск интереса к научному осмыслению взаимосвязи между исторической памятью и национальным самосознанием в российской политической науке пришелся на 1990-е годы и был связан, в первую очередь, с завершением жизненного цикла советской политической системы и вызванного этим кризиса идентичности. Указывая на масштабность последствий распада СССР для самосознания в одночасье ставших «бывшими» советских граждан, О.Ю. Малинова пишет: «...Одной из проблем, с которой российское общество столкнулось после распада СССР, оказался комплекс социальных и ментальных сдвигов, определяемый как «кризис идентичности»⁶¹. Важно подчеркнуть, что этот кризис был обусловлен не только необходимостью переосмысления представлений о «нас» с учетом новых географических, политических и социальных границ, но и острыми идеологическими конфликтами, которыми это переосмысление сопровождалось»⁶².

Анализируя постсоветские реалии 1990-х годов, можно определить сущность «кризиса идентичности» через деструктив-

---

⁶⁰ *Libou R., Kansteiner W., Fogu C. The Politics of Memory in Postwar Europe. 2006.285 P.*

⁶¹ *Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России //ПОЛИТЭКС. URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30> (дата обращения 14.07.2016).*

⁶² Там же.

ную тенденцию распада системы политических смыслов, ценностей и символов. Итог такого распада – не только фрагментация политического пространства и усиление социальных конфликтов, но и разрушение образа прошлого через девальвацию его позитивных составляющих, сознательное «очернение» истории под видом поиска «исторической правды». При этом можно выделить две типичные тенденции психологической реакции россиян на кризис национально-государственной идентичности. Первая – «отчуждение от большого социума, ориентация на бытовые проблемы повседневности, «жизнь одним днем». (Наиболее распространенными «бытовыми символами» такого восприятия окружающего мира россиянами в 1990-2000-е гг. стали железные двери и решётки на окнах квартир и домов! – Т.В.). Второе направление... обращение к неким «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежедневному существованию».⁶³ Подобная тенденция, также характерная для российского общества 1990-х гг., проявляется, как правило, через массовое распространение деструктивных культов, всевозможных сект, верований, «учений» и т.п.

Важно отметить, что преодоление последствий кризиса национально-государственной идентичности – крайне сложный и болезненный процесс, который предполагает не только «перезапуск» политической системы, но трансформацию социокультурных императивов общественного развития, реконструкцию когнитивных и символических оснований коллективной памяти.

Анализируя опыт преодоления последствий постсоветского «кризиса идентичности» в 1990-е – начале 2000-х гг., рассматриваемый в трудах Л.М. Дробижевой, Т.В. Евгеньевой, И.Н. Тимофеева, представляется возможным выделить четыре

---

⁶³ См. например: *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России//«Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004.

базовые политико-культурные модели такого преодоления⁶⁴. *Первая модель* может быть условно охарактеризована как «жизнь одним днём». Она предполагает «замыкание» человека на микросоциуме и «сжатие» социально-политического времени. *Вторая модель* – «возвращение к истокам» - связана с ренессансом архаических представлений или этнического самосознания. *Третья модель* – «символический перенос»: попытка хотя бы поверхностной самоидентификации сообщества с «воображаемым аналогом», который декларируется в качестве абстрактного и, конечно же, недостижимого «образца для подражания». Такие практики, в частности, имели место на постсоветском пространстве в 1990-е годы. Так, Дом Советов РСФСР стал с подачи СМИ гордо именоваться «Белым домом». Нижний Новгород, претендуя на неофициальный статус «автомобильной столицы» России, называл себя «российским Детройтом». Президент Киргизии Аскар Акаев говорил о желании построить в его стране «азиатскую Швейцарию».

Четвертая, наиболее сложная модель предполагает «реконструкцию» национально-государственной идентичности, её смысловых и символических оснований. В этом случае особая роль принадлежит именно государственной «политике памяти», которая, собирает воедино «осколки» образа прошлого и на их основе выстраивает исторические и культурно-символические «точки опоры» новой модели национальной идентичности.

Можно заметить, что феномен национально-государственной идентичности в его историческом измерении рассматривается современной политической наукой преимущественно в двух плоскостях: как одномерное состояние – результат процесса идентификации и как многомерная структура, интегрированный

---

⁶⁴Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 С.; Евгеньева Т.В. Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России//«Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004; Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории; Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (Дата обращения: 22.07.2014).

комплекс культурно-психологических элементов. Следовательно, процесс реализации «политики памяти» по формированию национально-государственной идентичности может быть представлен как комплексная деятельность по «параллельному конструированию» ключевых элементов «идентификационной матрицы» общества.

На наш взгляд, *«политика памяти»*, рассматриваемая как инструмент формирования национально-государственной идентичности, может быть охарактеризована как *многоступенчатая целенаправленная деятельность по конструированию смыслового и символического полей национально-государственной самоидентификации при помощи исторических сюжетов, выступающих фундаментальным основанием ключевых идентификационных образов*, с которыми ассоциирует себя общество.

Вырисовывается ряд специфических моментов «воздействия» государства на национальную идентичность посредством обращения к образу прошлого. При этом решение задач государственной «исторической политики идентичности» напрямую зависит от эмоциональных контекстов социальной динамики, существующих в обществе политических настроений, их возможных флуктуаций, а также наличия у государства ресурсов и эффективных механизмов управления ими. Поэтому, осуществляя «политику памяти», современное государство реализует ряд взаимосвязанных стратегий политического управления, таких, как стратегия управления социально-политическими эмоциями; стратегия управления политическими смыслами; символическая политика - стратегия управления политическими символами. Следовательно, можно отметить, что историческая политика по формированию национально-государственной идентичности представляет собой целенаправленный процесс комбинированного воздействия на базовые - смысловые, эмоциональные, символические - компоненты «идентификационной матрицы» общества.

Таким образом, можно отметить, что воздействие на процессы формирования национально-государственной идентичности является одной из системных функций «политики памяти»

современных государств. В процессе конструирования национально-государственной идентичности властные акторы действуют не «с чистого листа», а опираются на ранее сложившиеся культурно-исторические императивы национального сознания.

При этом государственная «политика памяти» предполагает целенаправленное воздействие властных субъектов на представления, смыслы и символы, которые имеют историческую природу, тесно связаны с сюжетами прошлого. Ключевая, но далеко не единственная цель этого «целенаправленного воздействия» - формирование и воспроизводство национально-государственной идентичности. Другие крайне важные задачи политики памяти современных государств – консолидация общества на основе базовых политических ценностей, обеспечение полноценной политической социализации и межпоколенческой преемственности, защита национальных интересов на международной арене.

***

Завершая первую главу монографии, посвященную теоретическому анализу национально-государственной идентичности и политики памяти, особенностям их взаимодействия, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, анализ многообразия точек зрения на природу национально-государственной идентичности позволяет опираться в её определении на методологический потенциал культурно-исторического конструктивизма, макрополитического и политико-психологического подходов. Национально-государственная идентичность представляет собой как *взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной, многосоставной). Репрезентацией указанной взаимосвязи на макрополитическом уровне выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемый посредством института государства и политико-культурной традиции государственности.* То есть, национально-государственная идентичность – политическое явление, в основе которого лежит симбиоз институционального, исторического и культурно-психологического начал, синтез которых обеспечивает «приобщение» человека к «воображаемому» макрополитическому сообществу.

Во-вторых, национально-государственная идентичность представляет собой многомерный политико-психологический и социокультурный конструкт, структурные особенности которого определяются взаимодействием четырех полей: *поля импринтов* (подсознательных оснований самоидентификации), *эмоционального, когнитивного и символического*. Национально-государственная идентичность включает в себя такие элементы, как находящиеся в состоянии коэволюции образы *«мы – другие», политической власти, политического пространства и политического времени*.

В-третьих, «политика памяти», рассматриваемая в качестве инструмента формирования национально-государственной идентичности, может быть определена как *целенаправленная деятельность по конструированию эмоционального, смыслового и символического полей национально-государственной самоидентификации при помощи исторических сюжетов, выступающих фундаментальным основанием ключевых идентификационных образов*, с которыми ассоциирует себя общество.

В-четвертых, эффективность государственной «политики памяти» в контексте формирования национально-государственной идентичности определяется её эластичностью: гибкостью и способностью опираться на уже сложившиеся в обществе стереотипы, ценности и представления, учитывать существующий эмоциональный климат, уровень доверия различных сегментов общества к власти и её инициативам в сфере исторической памяти. Следует особо отметить, что политика современных государств, направленная на формирование национально-государственной идентичности, осуществляется в условиях глобальной информационной и социокультурной конкуренции, в ситуации существования масштабного политического «рынка идентичностей», в рамках которого представлен широкий спектр альтернативных социальных и политических идентичностей локального, регионального и транснационального уровня.

ГЛАВА II

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ К РЕАЛИЯМ XXI ВЕКА

Вторая глава данной монографии посвящена практикам реализации «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в России. При этом акцент сделан на анализе постсоветского опыта в данной сфере. Конечно, автор, исходя из собственных «научных ощущений», гипотетически мог бы выбрать любую «точку отсчета» для анализа российской идентичности и «политики памяти». Однако, по нашему мнению, становление национально-государственной идентичности «новой» России необходимо рассматривать не в историческом вакууме, не «с чистого листа», а с учетом советского опыта и наследия. Это и предопределило необходимость написания параграфа 2.1. *«Специфика конструирования национально-государственной идентичности в СССР»*. В данном параграфе описаны только основные моменты советской «политики идентичности», которые, как представляется, важны и с точки зрения дня сегодняшнего, в контексте новых, противоречивых реалий XXI века.

Во втором параграфе *«Национально-государственная идентичность и трансформация «политики памяти» в постсоветской России: институциональные и социокультурные аспекты (1992 – 2016 гг.)»* предпринята попытка анализа наиболее общих тенденций и периодизации процессов становления национально-государственной идентичности и «политики памяти» в постсоветской России в конце XX - начале XXI вв. Главная идея состоит в том, что смена государственных ориентиров «политики памяти», поворот от конфликтного восприятия прошлого к идее национального самоуважения и патриотизма – не одномоментный шаг, а противоречивый процесс, обусловленный кризисом российской государственности и трудностями его постепенного преодоления.

Название третьего параграфа – *«Роль институтов культуры и массмедиа в формировании исторических оснований российской национально-государственной идентичности»* - говорит само за себя. Он посвящен месту институтов культуры и массмедиа в формировании образа прошлого и российской идентичности. Не удалось (к сожалению!) обойти и проблему образовательной политики, той роли, которую играют институты образования в этом процессе. При этом автор, будучи «включенным» в эту систему, не считает себя вправе «ставить диагноз» и «выписывать рецепты», не проводя отдельного масштабного исследования, а лишь выделяет наиболее очевидные «болевые точки» («единый учебник истории» и т.д.), вокруг которых в последнее время развернулись общественные дискуссии.

В четвертом параграфе *«Роль политических и общественных организаций в реализации «политики памяти» и формировании российской национально-государственной идентичности»* предпринята попытка осветить место негосударственных организаций в выработке ориентиров общероссийской «политики памяти» и национально-государственной идентичности; в том числе, обозначить проблемы, существующие в данной сфере.

2.1. Специфика конструирования национально-государственной идентичности в СССР

Проблема формирования национально-государственной идентичности, её исторических оснований, в постсоветской России получила широкое освещение в политологической литературе. Более того, «российская идентичность» стала заметным и самостоятельным дискурсом социогуманитарного знания, тематикой многочисленных публицистических материалов, а также «околонаучных» изысканий. В то же время, целый ряд моментов, связанных с влиянием политики памяти на формирование то ли «новой» гражданской, то ли «новой старой» - неоимперской - российской идентичности, рассмотрен в научном плане весьма поверхностно. Так, открытыми остаются вопросы, связанные с периодизацией политики памяти, изучением её институциональ-

ных оснований, спецификой исторических представлений российской молодежи «поколения net».

При всём этом автор убежден, что комплексное изучение исторической политики и национально-государственной идентичности в «новой России» возможно только с учётом переосмысления опыта XX столетия, ретроспективного анализа советской модели «политики памяти». Системный анализ отечественными учеными советской политики памяти и советской идентичности стал возможен только на рубеже 1980-1990-х гг., уже в условиях распада политической системы СССР.

Представляется, что сегодня анализ советского опыта особо актуален с точки зрения двух ключевых моментов.

Первый момент обусловлен внешнеполитическими условиями становления (в 1920-1930-х гг.) и дальнейшей трансформации (в 1940 – 1980-х гг.) советской модели национально-государственной идентичности. По существу, советский проект был *культурным и геополитическим вызовом* по отношению к доминирующим в начале XX века социально-политическим устоям, попыткой сформировать новый императив общественного устройства и государственности. Поэтому закономерно, что сегодня все более важное место в российской политической науке занимает подход, рассматривающий советскую модель не как некое «отклонение от нормы» или «протест» против существовавшей в то время политической архитектуры мира, а как историческую альтернативу запад-центричному проекту и связанным с ним моделям «вестернезированной» модернизации.

Второй момент, порождающий интерес к государственной «политике памяти» в СССР, связан с внутренними социально-политическими особенностями советской системы. В 1920–1930-х гг., когда и конструировалась советская «матрица» национально-государственной идентичности, советское общество являло собой пример крайней фрагментации по многочисленным линиям раскола: этнокультурным, религиозным, идеологическим, классовыми. То есть, речь идет не просто о «классической» многосоставности, обусловленной одним главным фактором (как её понимали А. Лейпхарт и Д. Экштайн), а о многосо-

ставности более сложного, многофакторного типа. Поскольку современная Россия унаследовала именно такой – неоднородный – вид многосоставности, «отягощенный» кризисом 1990-х – начала 2000-х и всем комплексом проблем российского федерализма, изучение советского опыта конструирования исторических оснований национально-государственной идентичности представляется крайне востребованным.

Следует подчеркнуть, что для современной политической науки характерно разнообразие подходов и методологических рамок анализа «политики памяти». Можно предполагать, что, исходя из многомерности и вариативности такой политики, наиболее продуктивным в методологическом плане представляется сочетание институционального, структурно-динамического и социокультурного подходов. В рамках данной монографии представляется необходимым сузить исследовательскую задачу и рассмотреть только некоторые черты конструирования советской модели национально-государственной идентичности, а именно те, которые сопряжены с образом прошлого и могут дать «информацию к размышлению» для современного российского общества.

Процесс целенаправленного формирования «сверху» советской модели национально-государственной идентичности (*первый, «ранний сталинский» этап*) начинается в середине 1920-х гг. в сложной ситуации угасания первичного революционного импульса, резко «враждебного» геополитического окружения, множества социально-экономических проблем и кризисных тенденций в обществе.

В этих условиях «большевики» (разумеется, не все и сразу, а те, которые сидят в Кремле!) делают акцент на интенсивное, всеобъемлющее устранение остатков «старой» исторической памяти и формирование новой советской идентичности. При этом наиболее выразительными чертами «раннего сталинского» периода были: всеобъемлющее, *кардинальное переформатирование образа времени* как такового, тотальный разрыв с прошлым, которое интерпретировалось исключительно как архаичская, наполненная негативными сюжетами «предыстория», «подготовительный этап» перехода в советское «настоящее».

По существу, советскому обществу предлагалась принципиально новая темпоральная триада *«прошлое – настоящее – будущее»*. В её рамках ключевым звеном было именно «светлое будущее человечества» - коммунизм, что во многом оправдывало «жертвенный» характер государственной политики 1930-1950-х годов. Немаловажно, что изначально в советском обществе формировался отчетливо *мессианский тип идентичности*, персонализированный по своему содержанию («дело Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина») и предполагавший кардинальную смену символического наследия Российской Империи: от появления нового советского «пантеона героев» до «эпидемии» переименований географических объектов.

Вместе с тем, на наш взгляд, важно обратить внимание и на то, что конструирование советской идентичности изначально протекает в целостном и многоуровневом ключе. Государство не ограничивается «большой» политической повесткой дня (мировая революция, коммунизм, «светлое будущее человечества»), не игнорирует задачи конструирования *позитивного образа «простого человека»*. Политический статус последнего оказывается органически интегрированным в логическую *цепь «миссия как победа «бессмертных идей коммунизма» – государство как «авангард» коммунистического строительства» – человек как «строитель коммунизма»*. В такой модели идентичности «человек» оказывается включенным в макрополитические процессы, в полной мере реализуется эмоциональный «эффект сопричастности», частично преодолевается фрагментация советского общества по классовым, этническим, религиозным, культурным признакам.

Можно согласиться с исследователями, которые говорят о том, что первоначально, до конца 1930-х гг., политика формирования советской идентичности носила не только *мобилизационный*, но ярко выраженный *конфликтный* характер. Причем, как представляется, в основе конфликтного стержня такой политики находились не классовые («буржуи») или внешнеполитические («империалисты») сюжеты, а именно *всеобъемлющий конфликт с собственным прошлым*, механизм «разрыва» темпо-

ральной линии массового исторического сознания, целенаправленного разрушения социальной памяти о досоветском прошлом. В результате этого, как справедливо отмечает А.Б. Каменский, «представление о целостности исторического процесса отчасти было деформировано и в массовом историческом сознании советских людей, поскольку официальная историография насаждала представление о том, что История началась в 1917 году, а все, что было до этого - лишь предыстория страны и народа»⁶⁵.

Вместе с тем следует признать и тот факт, что советская модель национально-государственной идентичности с самого начала её целенаправленного конструирования обладала двумя важными качествами, обеспечивавшими её устойчивость на протяжении нескольких десятилетий. Во-первых, она носила, несомненно, *интегративный*, внутренне целостный характер, отражавшийся как в институциональном ракурсе (все ключевые агенты политической социализации скоординировано работали на воспроизводство советской идентичности и советского образа прошлого), так и в её смысловом измерении: советский человек, общество и государство-партия оказывались объединенными общностью исторических целей.

Во-вторых, советская модель была, безусловно, отчетливо *мессианской*, не ориентированной на национальные интересы, а *общечеловеческой* по своей природе. Это давало возможность частично заретушировать многочисленные противоречия (прежде всего, этнического характера), объективно существовавшие в СССР, говорить о «советском народе» не только в метафорическом, но и отчасти в цивилизационном, ценностном ключе.

Немаловажным фактором трансформации советской модели национально-государственной идентичности и советского «образа прошлого» на втором, *сталинско-хрущевском этапе* её

---

⁶⁵Каменский А.Б. Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24235/ (дата обращения: 18.12.2015).

существования (конец 1930-х – первая половина 1960-х гг.) явилась попытка политических элит преодолеть состояние «раскола во времени», вписать некоторые элементы «старой», досоветской истории в общее пространство памяти. Уже на рубеже 1930-х – 1940-х гг. лейтмотивом конструирования советской идентичности становится не мессианская тональность, а государственный патриотизм. Эта тенденция активно проявляется в 1940-е гг. и оказывается важным фактором мобилизации общества в период Великой Отечественной войны. Естественно, подобная трансформация оказала серьезное влияние и на изменение «символического пантеона» советской идентичности, который приобрёл державную тональность - от «великой Руси», которая «навек сплотила нерушимый союз», до реабилитации исторических фигур Александра Невского, Ивана Грозного, Петра I, А.В. Суворова, М.И. Кутузова. Таким образом, процесс конструирования советской модели идентичности в 1930-начале 1960-х гг. претерпел существенные изменения, пройдя путь от глобального коммунистического проекта до гражданской нации. При этом в основе советского национально-гражданского проекта лежала установка исключительности, признания СССР в качестве *исторически уникального общества* и «особого пути» политического развития.

Еще один дискуссионный момент, заслуживающий внимания, связан с часто упоминаемым мифологическим характером советской идеологии и, как следствие, с ключевой ролью политической мифологии в процессе формирования советской модели национально-государственной идентичности. Как правило, историческое значение и содержание советской мифологии трактуется упрощенно, а подчас и примитивно: как уничтожение памяти о прошлом, вытеснение традиционных элементов (прежде всего, религии) на обочину коллективного сознания и агрессивная пропаганда новых политических идей. В то же время многие историки и философы, анализирующие «истоки и смысл» советского проекта, говорят об опосредованной культурной и психологической связи коммунистической идеологии большевиков и российского имперского традиционализма. Среди наиболее оче-

видных доказательств такой связи, генетического родства «советского сегодня» и «царского вчера» называются ориентация на социальную иерархию, архетип «сильной» и персонализированной власти, прошедшие «через века» коллективистские установки социального сознания (действительно, нельзя не согласиться с тем, что вопрос: «что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?» оказался злободневным не только для «дворцов» века XIX, но и для советских «хижин»: коммуналок и «хрущёвок» века XX).

Не вдаваясь в дискуссии по каждому из упомянутых выше аспектов, необходимо отметить, что коммунистический миф в России, безусловно, не должен рассматриваться упрощенно, как политический «перфоманс», набор привлекательных для масс социальных декораций. Он представлял собой структурно выверенную, синтезную конструкцию, в которой «история», «миссия», «правитель», «государство» и «человек» были интегрированы воедино через масштабный образ коллективного будущего. Очевидно, что такая гипертрофированная «масштабизация» советского проекта, наличие мощного идейного стержня, пусть и конфликтного, но внятного «образа прошлого», выраженность «образа врага» предавали советской модели идентичности и устойчивость к разнообразным идейно-политическим вызовам, и необходимый мобилизационный потенциал⁶⁶.

Представляется интересным тот факт, что пик своеобразной «пассионарности» советской идентичности приходится на 1950-60-е гг., на период, когда основным социальным сегментом, определяющим облик «страны советов», становится именно «сталинское поколение». То есть, люди, «не отягощенные воспоминаниями» о прошлом, политическая социализация которых пришлась на 1930-е -40-е гг. и которые воспринимали советскую систему как естественную и благоприятную среду собственного «обитания». Однако в середине 1950-х гг. по инициативе «сверху» начинается поэтапный пересмотр исторических оснований и символического пространства советской идентичности».

---

⁶⁶Тумов В.В. Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // Информационные войны. 2016. № 2. С.7-12.

Следствием такого пересмотра стала не только общеизвестная идеологическая и бытовая «оттепель», но и начало распада системы смыслов и представлений о прошлом, выстроенных в сталинский период.

Результатом девальвации «сталинской матрицы» политического сознания явился переход советской национально-государственной идентичности в мемориальную - «брежневскую» - стадию, когда центральным звеном национально-государственной идентичности становится не образ желаемого будущего (пускай и примитивный, как, например, «коммунизм через двадцать лет»), а память о советском прошлом. При этом государство активно использует разные жанры и «новые технологии» популяризации прошлого, например, телевидение. На экранах появляются «детектив про Штирлица», «боевик» с «неуловимыми»; «комедия» про «корону Российской империи», в которой белые офицеры (в отличие, кстати, от белой «интеллигенции») обретаются-таки «человеческое лицо»!

И, конечно же, нельзя не отметить, что серьезным ударом по советской политике памяти в 1960-1980-е гг. стала девальвация символической её составляющей, связанная с зародившейся еще во времена «позднего Хрущева» практикой награждений «по случаю юбилеев». Так, можно вспомнить общеизвестные факты: «пятизвездного» героя, маршала и кавалера ордена «Победа» Л.И. Брежнева, «трижды героев» С.М. Буденного, К.У. Черненко, Д.А. Кунаева. Своеобразным «гимном» мемориальной «брежневской модели» политики памяти можно считать «песню чекистов», в которой «фуражку со звездой, потёртую кожанку в музее положили под стекло» (курсив мой – Т.В.).

Главное историческое событие советского пространства памяти – Октябрьская революция – постепенно вытесняется памятью о Великой Отечественной войне. Мемориализация становится ведущей тенденцией как на официальном уровне (героизация Л.И. Брежнева, С.М. Буденного, других советских деятелей), так и на уровне локальных «мест памяти» (многочисленные мемориалы, памятники, главным образом, героям Великой Отечественной войны), пропитывает сферу образования и культуры.

В постсоветский период возобладал преимущественно

критический подход, исходящий из того, что подобный «взгляд в прошлое» был обусловлен не столько желанием модернизировать советскую политику памяти, сколько все более ощутимым ценностно-смысловым вакуумом настоящего и аморфностью образа будущего. Подобную точку зрения, в частности, высказывает (на наш взгляд, излишне безапелляционно) В.Ю. Аргонов: «...Когда мы смотрим пропагандистское искусство 1970-х, мы понимаем, что все это — тоска по прошлому. Мрачный, гранитный Культ Предков. Все лучшее осталось в прошлом. Истуканы Ленина и героев войны из грубого бетона. Мрачные мертвые образы. Им уже никогда не увидеть коммунизма. И эту трагедию не исправить. Возможен ли коммунизм, если там уже не будет ни Ильича, ни лучших людей эпохи? СССР 1970-х жил прошлым. Постаревшие вожди ... повсеместная симпатия общества отцам в конфликте отцов и детей, дефицит образов героев настоящего...»⁶⁷.

Важно заметить, что указанная выше точка зрения, по нашему мнению, является достаточно дискуссионной. Представляется, что причины нарастающего кризиса политической системы СССР в 1970-1980-е гг., безусловно, не исчерпывались исключительно идейной и символической стагнацией государственной «политики идентичности», её «отдалением» от «дня сегодняшнего» и стихийно формировавшегося в массовом сознании утилитарного образа «желаемого завтра». И вместе с тем необходимо признать, что в 1970-е гг. перед советским руководством обозначилась проблема конвертации существенного смыслового и символического потенциала «политики идентичности» в целях формирования нового, более динамичного и прагматичного «образа будущего». Очевидно, решение данной задачи лежало в поиске баланса между идейными «новациями» правящих элит («развитой социализм» как субституциональная форма существования советской системы «взамен» коммунизму) и поддержанием исторической преемственности с прошлым, его наиболее значимыми сюжетами и символами.

---

⁶⁷Аргонов В.Ю. Культ прошлого как причина гибели СССР. URL: <http://www.snob.ru/profile/24399/blog/45244> (Дата обращения: 26.12.2015).

Следовательно, кризис советской модели национально-государственной идентичности представлял собой не только начавшееся «расхождение» институциональной (официальной, декларируемой государственно-партийными элитами) истории с коллективной памятью, но, что более важно, был связан с дисфункцией механизма ретрансляции многоуровневого «пантеона» советских исторических смыслов, ценностей и символов в рельефный «образ будущего». Указанная проблема – *невозможность конвертировать «героическое прошлое» в привлекательное будущее* – была обусловлена несколькими обстоятельствами. Первое – происходивший в 1950-1970-х гг. рост уровня образования в советском обществе, объективно способствующий сокращению манипулятивного потенциала идеологического воздействия на различные его сегменты. Второе – нарастание прагматических тенденций, «идеологическая секуляризация» социальных отношений, при которой государственная историческая политика, продолжая выполнять функцию одного из генерирующих начал поддержания советской идентичности, в основном утрачивает мощный ценностно-идеологический фрейм и обусловленную им мобилизационную функцию.

Утрата мобилизационного заряда «политики памяти», в свою очередь, способствовала *размыванию эффекта сопричастности*: среднестатистический «советский человек» не только перестал чувствовать себя субъектом «большого» исторического проекта, но, что более показательнее, перестал испытывать потребность в таком психологическом статусе. В этой ситуации перед политическими элитами в полной мере обозначилась двуединая задача: не только восстановить взаимосвязь между официальной идеологической риторикой и самоидентификацией «советского человека», но и провести масштабную модернизацию модели национально-государственной идентичности, реконструировать коллективный «образ будущего», пересмотреть содержание проводимой «политики памяти» в целях консолидации советского и досоветского исторического времени. Представляется, что только такая системная модернизация могла бы стать эффективным ответом на вызов со стороны «цивилизации джинсов и

Кока-колы», позволить преодолеть наметившийся во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. кризис национально-государственной идентичности, деструктивные процессы распада и архаизации советского ценностно-символического пространства⁶⁸.

Анализ советского опыта конструирования национально-государственной идентичности позволяет выделить ряд важных моментов, которые могут быть интересны для выработки и реализации политики памяти в современной России.

На наш взгляд, среди недостатков советской модели формирования национально-государственной идентичности, в конечном счёте, способствовавших её разрушению, можно назвать три наиболее серьезных: акцент на выстраивание конфликтного образа «давнего» прошлого; чрезмерную «отвлеченную» идеологизацию, не связанную с реальностью, в которой живёт общество («немало есть идей, но ими не накормишь...»); ритуализацию памяти и доминирование коммеморативных практик в брежневский период – утрата когнитивной связи прошлого, настоящего и будущего.

Но важно признавать и тот факт, что советская политика памяти и советская модель формирования национально-государственной идентичности имели сильные стороны и, что более важно, преподают всем нам целый ряд «уроков», осмысление которых было бы полезным для современной России. Назовём четыре таких «урока истории». Во-первых, опыт СССР наглядно свидетельствует, что важным условием формирования полноценной национально-государственной идентичности является *стратегический характер и системность «политики памяти»*, выбор *оптимальной модели её институциональной организации*, обеспечивающий скоординированную деятельность всех ключевых субъектов политической социализации: пространств повседневности, массмедиа, системы образования, институтов культурной политики. Во-вторых, как бы парадоксально это не выглядело на первый взгляд, важным элементом политики памяти

---

⁶⁸ Титов В.В. Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // Информационные войны. 2016. № 2. С. 7-12.

выступает разветвленный, рельефный *«образ будущего»*, предполагающий наличие проективной составляющей («миссии» каждого политического поколения, отсутствие которой приводит молодежь в деструктивные протестные течения). Иначе, в случае отсутствия образа будущего, происходит и девальвация прошлого, утрачивается его практическая ценность. Общество начинает мыслить в стиле современного «студента-двоечника»: «зачем мне это знать, если в будущем, когда пойду работать в «Макдональдс», и мне всё равно это не пригодится?»

В-третьих, одним из важных направлений формирования национально-государственной идентичности должна выступать последовательная *«политика памяти»*, направленная на консолидацию национального «исторического времени», а не на конфликт и противопоставление эпох. В-четвертых, очевидной составляющей полноценной национально-государственной идентичности является сбалансированная и *конвенциональная символическая политика*, целью которой является не «заикливание на себя любимых» (вспоминая «дорогого Леонида Ильича!»), а создание и воспроизводство многомерного пространства общенациональных политических символов.

2.2. Национально-государственная идентичность и трансформация «политики памяти» в постсоветской России: институциональные и социокультурные аспекты (1992 – 2016 гг.)

Проблема становления и последующих трансформаций «политики памяти» в постсоветской России занимает одно из значимых мест в широком диапазоне социогуманитарных исследований, посвященных российской национально-государственной идентичности. Проблемное поле российской «политики памяти» включает в себя множество «знаковых» событий, символов, стереотипов, находящихся в центре научных и политических дискуссий, сквозь призму которых российское общество пытается ответить на вопрос «кто мы?».

Важно отметить, что «политика памяти» в целом и российский опыт её реализации в частности на протяжении последних двух десятилетий привлекают пристальное внимание ученых. Так, теоретические аспекты формирования национальной идентичности в этнически неоднородных обществах, к коим относится и российское, нашли отражение в работах С. Хантингтона, И. Ноймана, В.А. Тишкова, Л.М. Дробижевой⁶⁹. Взаимосвязь постсоветской «политики идентичности» с исторической памятью современной России исследовалась такими авторами, как И.С. Семенов, О.Ю. Малинова, И.Н. Тимофеев⁷⁰. Однако по-прежнему наименее изученными являются структурные и функциональные аспекты «политики памяти» в постсоветской России.

Предполагая, что «политику памяти» необходимо рассматривать как комплекс взаимосвязанных политических решений и практик их реализации, можно определить три ведущих направления анализа её проблемного поля.

Первое направление – анализ макрополитических контекстов становления и реализации «политики памяти» в постсоветской России, оказавших существенное влияние на её проблематику, содержание, институциональную организацию и нормативное обеспечение. Среди таких факторов и условий на первом месте стоит распад СССР и кризис национально-государственной

---

⁶⁹ См. например: *Нойманн И.* Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 С.; *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 635 С.; *Тишков В.А.* Российская полиэтничность в мировом контексте // X конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. 2013. С. 42-52. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 С.

⁷⁰ См. например: *Семенов И.С.* Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. 2013. №12. С. 111-131; *Малинова О.Ю.* Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. Т. 1. № 10 (10). С. 156-166; URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/> (дата обращения: 04.01.2016) *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории; Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (Дата обращения: 22.07.2014);

идентичности 1990-х-2000-х гг., последствия которого продолжают влиять на состояние российского общества и сегодня.

Второе направление - проблемы и события, вокруг которых государство пытается форматировать «политику памяти», а через неё – национальную идентичность, образы «мы», образ будущего и представления о национальном геополитическом пространстве. Безусловно, событием №1 в коллективной памяти российского общества является Великая Отечественная война, которая, несмотря на свой сакральный статус, иммунитет к различным «историческим играм», по определению является предметом острых политических дискуссий.

И наконец, третье направление – периодизация и анализ основных этапов становления и трансформации «политики памяти» в России в постсоветскую эпоху. Проведенное исследование позволяет выделить четыре таких этапа: *первый (1992-1994 гг.)* может быть охарактеризован как условно «антисоветский», «ранний ельцинский». В его основании лежала борьба с советским прошлым. *Второй (1995-2000 гг.)* – «поздний ельцинский» - являет собой пример «вакуума» идентичности и слабости государственной политики памяти. *Третий этап – «ранний путинский» (2001-2008 гг.)* - ознаменовал «возвращение» государства к проблемам исторической памяти и российской идентичности. *Четвертый – современный этап (с 2009 г.)* – характеризуется медленным становлением системной «политики памяти». Он ознаменовался интенсификацией деятельности государства в сфере конструирования национально-государственной идентичности, попыткой выстроить её нормативно-институциональные основы, использовать механизмы культурной политики, массмедиа и образования для формирования полномасштабного образа «мы» в политическом сознании россиян.

По нашему мнению, можно выделить несколько «символических событий» новейшей истории России, знаменовавших смену этих этапов, а ними – и приоритетов государства в сфере политики памяти. Так, наиболее ярким свидетельством завершения первого - «антисоветского» - этапа стало торжественное празднование 50-летия Великой Победы 9 мая 1995 года. Рубиконом, знаменующим переход от «поздней ельцинской» эпохи к

«раннему Путину», стало возвращение советской мелодии гимна с новыми словами. Внешнеполитическим событием, открывшим современный этап политики памяти, явилась «пятидневная война» (вторжение Грузии в Южную Осетию в августе 2008 г.), окончательно разрушившая иллюзию о «братских народах» и поставившая жирный крест на остаточной ностальгии по СССР в сознании подавляющего большинства россиян. Более того, стало понятно, что «войны памяти» на постсоветском пространстве – не только способ самоутверждения новых государств на международной арене, но и важный элемент «гибридной войны», механизм информационной и социокультурной агрессии, направленный против России.

Таким образом, проблемное поле «политики памяти» в современной России представляет собой трехуровневую структуру, интегрирующую *контекстуальный, системно-практический и символический* уровни.

Контекстуальный уровень проблемного поля «политики памяти» в России отражает специфику влияния разнородных факторов (глобальных, макрорегиональных, внутривнутриполитических и др.) на действия власти в сфере конструирования национальной идентичности, представлений о российской государственности и связанных с ней национальных символах. Сегодня государственная «политика памяти» в России представляет собой динамичную подсистему комплекса государственной политики, логика трансформаций которой была обусловлена как ситуационными факторами (например, сменой текущей политической повестки дня), так и глубокими социально-политическими изменениями в российском обществе 1990-2000-х гг. В частности, одним из таких ведущих факторов явился переход от массовых запросов на политическую демократизацию, которые были лейтмотивом социальных настроений в начале 1990-х гг., к ценностям стабильности и предсказуемости.

Системно-практический уровень государственной «политики памяти» в современной России отражает содержание политических практик, реализуемых властью и сотрудничающими с ней негосударственными организациями в данной сфере. При этом особый акцент, как представляется, должен быть сделан на

анализе практик конструирования исторической памяти российского общества, на поиске исторических оснований позитивного образа будущего через институты образования, культуры, СМИ. Важно констатировать, что одной из составляющих системно-практического уровня является проблема формулирования стратегических приоритетов «политики идентичности» в Российской Федерации, переход к долгосрочным интегрированным стратегиям её реализации в контексте и внутривнутриполитических задач, и внешнеполитических целей страны, особенностей её позиционирования на международной арене с учетом глобальных изменений начала XXI века⁷¹.

Символический уровень государственной «политики идентичности» в России, её исторических оснований, отражает противоречивые процессы формирования «символического пантеона» национальной исторической памяти: прежде всего, ключевых символов-событий, исторических персонажей, культурных и географических объектов («мест памяти»), призванных служить социокультурными «скрепами» - опорными точками национальной политической культуры. А также - способствовать консолидации российского общества на основе поиска интегрирующих ценностей и представлений о прошлом, содействовать становлению национально-государственной идентичности в России в условиях глобальной информационно-политической конкуренции, существенно усилившейся в начале третьего тысячелетия.

Можно отметить, что первоначально формирование контуров «политики памяти» в России в 1990-е гг. происходило в условиях социально-политической нестабильности, охватившей все сферы жизни российского общества. В такой ситуации наиболее востребованным оказался «реактивный» тип государственного управления, основанный на попытках эпизодического решения самых острых текущих, а не перспективных стратегических задач развития страны. Усилия власти в 1990-е гг. были

---

⁷¹ *Титов В.В.* Трансформация «политики идентичности» в постсоветской России (1992-2015) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 10. С. 73-82.

направлены преимущественно на стабилизацию социально-экономической ситуации и хотя бы частичное снижение этнополитической напряженности в стране, выстраивание нормативной базы Российской Федерации. Проблемы исторической памяти, исторического образования и формирования национально-государственной идентичности оказались «вытеснены на обочину» более насущными социальными вопросами, от решения которых во многом зависела не только устойчивость политической системы «новой России», но и её сохранение как целостного территориального образования.

Важной особенностью развития постсоветской России явился масштабный социокультурный кризис российской национально-государственной идентичности, в полной мере проявившийся в 1990-е гг. и продолжающий инерционно воздействовать на современное состояние российского общества. Ценностно-смысловой вакуум, спровоцированный распадом политической системы СССР, затронул не только вопросы, связанные с текущим самоопределением российских граждан (в одночасье представших быть гражданами СССР), но и серьёзно трансформировал историческую память российского социума, спровоцировал кризис образа прошлого в сознании различных политических поколений.

Как подчеркивают исследователи проблемы российской идентичности, кризис национально-государственной идентичности в обществе, резко усилившийся с переходом «перестройки» в «свободное падение» и последующим распадом СССР, с одной стороны, стимулировал «поиск себя» и собственного места в истории. Эта тенденция выразилось в обострении общественных исторических дискуссий в первой половине 1990-х гг., росте тиражей художественной литературы, в которой освещались наиболее дискуссионные вопросы российской истории. А с другой – уже в середине 1990-х гг. обозначается две параллельные тенденции, способствовавшие установлению фактического моратория на государственную политику в сфере формирования российской идентичности. Первая тенденция связана с тотальным разочарованием россиян и в «демократах», и в «коммунистах», и в поли-

тике в целом (отсюда и популярный лозунг региональных предвыборных кампаний конца 1990-х-2000-х гг. - «я не политик, а хозяйственник»). Результатами такого разочарования в политике стали «деполитизация» социальной повседневности, рост абсентеистских настроений российских граждан, их стремление дистанцироваться от участия в политическом процессе в каких бы то ни было формах.

Вторая тенденция – «переконцентрация» государственных ресурсов на решение краткосрочных задач, преимущественно не связанных с такими важными проблемами как формирование российской гражданской идентичности и целостного образа прошлого, призванных не раскалывать, а консолидировать российское общество.

Следующим фактором, серьезным образом сократившим «пространство для манёвра» российских политических элит на «поле» исторической памяти в 1990-е гг., стала стремительная социокультурная, идеологическая, и, что самое существенное, этнорегиональная фрагментация российского общества, которое превращалось в пространство многочисленных политических конфликтов, включая наиболее острые этнополитические противостояния. В этих условиях попытки сформулировать любую «национальную идею» (о необходимости которой, в частности, говорил Президент России Б.Н. Ельцин во второй половине 1990-х гг.), основанную на консолидирующей исторической платформе, автоматически нивелировались ростом общей социальной конфликтности.

Последствием системного кризиса начала и середины 1990-х гг. явилась дисфункция институтов государственного управления: отсутствие четкого распределения полномочий между органами государственного управления, открытость вопроса о структурах, ответственных за выработку и реализацию «политики идентичности» на государственном уровне. Более того, можно констатировать, что и сегодня, в середине 2010-х гг., институциональное обеспечение государственной «политики идентичности» в России остается на недостаточном уровне. В частности, заметным является отсутствие мощной государственной или общественной структуры, призванной содействовать

формированию исторической памяти молодых россиян и озвучивать российскую «версию» истории в глобальном информационном пространстве. Например, К. Бенедиктов отмечает: «...Ничего подобного восточноевропейским Институтам национальной памяти, в современной России нет. Пример общества «Мемориал», созданного на заре перестройки и гласности для переосмысления истории, к сожалению, не может считаться удачным. Главной его целью было покаяние русской нации за грехи сталинизма, в то время как задачей Институты памяти стран ЦВЕ является «позитивное рессентименто» и оправдание темных страниц собственной истории...»⁷². О. Неменский также акцентирует внимание на инерционном и внутренне противоречивом характере российской «политики памяти»: «...Новая Россия вообще не предлагает своего осмысления прошлого, она лишь выражает готовность защищать старое советское историописание, которое, кстати, ещё совсем недавно сама же и осуждала»⁷³

Говоря об особенностях реализации «политики идентичности» и «политики памяти» на первом этапе развития политической системы постсоветской России (1992-1994 гг.), нужно понимать, что сразу после распада СССР обозначился всеобъемлющий разрыв между *реальной проблемой кризиса массового исторического сознания* и политическими установками новых российских элит. Проблемная ситуация, в которой оказалось российское общество, очевидно, была связана с тяжелым кризисом национально-государственной идентичности и разрушением советского образа прошлого. Взгляд же власти на проблему формирования общероссийской идентичности, необходимость поиска её исторических оснований, отличался крайней аморфностью и отсутствием системного мышления. Поэтому «политические элиты» РФ, не имея какой-либо позитивной стратегии и руководствуясь антисоветскими установками, выбрали тактику

---

⁷²Бенедиктов К. Историки на тропе войны // Сайт «Русский журнал». URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/layout/set/print/pole/Istoriki-na-trope-vojni> (дата обращения: 29.04.2017.).

⁷³Неменский О. Памятник истории// Сайт «Русский журнал».URL: <http://www.russ.ru/pole/Pamyatnik-istorii> (дата обращения: 29.04.2017.).

дальнейшей негативизации исторической памяти о советском периоде, целенаправленной «десакрализации» ключевых событий и персоналий советской истории. В 1992-1994 гг. власть оказалась неспособной осуществить полноценное государственное строительство, предложить какую-либо модель формирования общероссийской идентичности

В такой ситуации инициатива дальнейшего разрушения советского исторического нарратива и формирования западно-ориентированного («жить, как в Европе») образа будущего переходит в руки многочисленных, формально независимых СМИ, политических и общественных организаций. Действия этих структур в сфере исторической памяти, хотя и имели общий «антисоветский» стержень, тем не менее, были лишены какого-либо стратегического начала и напоминали, скорее, эмоциональное «хождение по кругу» («Сталин – репрессии - тоталитаризм» и т.п.).

В этот период российские граждане живут в условиях отсутствия позитивных представлений о прошлом, *доминирования негативных установок* по отношению к российской истории, многочисленных лишенных рациональных оснований «конспирологических» версий «исторической правды». (Ленин был германским агентом, Сталин – агентом «царской охранки», СССР готовил нападение на Германию в июле 1941 года, Хрущев, Берия и Каганович, сговорившись, осуществили убийство Сталина, Гагарин на самом деле не летал в космос и т.п.).

В то же время, следует признать, что обозначенная выше ситуация фактического распада пространства исторической памяти российского общества (при отсутствии внятной «политики идентичности» со стороны государства) была во многом обусловлена «рамками» происходящего, тем *социально-политическим контекстом*, который определял динамику исторического сознания россиян. В связи с этим необходимо упомянуть и острейший политический кризис, конфликт между антисоветски-ориентированными политическими силами (на тот момент консолидировавшимися вокруг фигуры Президента России Б.Н. Ельцина) и их оппонентами. В условиях раскола общества ни одна из сторон

конфликта не могла предложить позитивной исторической повестки дня, механизмов решения ключевой на тот момент задачи преодоления кризиса национально-государственной идентичности. Негативная политическая динамика дополнялась и социально-экономическим кризисом, резким падением уровня жизни населения, гиперинфляцией, ростом преступности, что только усиливало процессы атомизации общества, разрушения исторической и политической «картины мира» российских граждан⁷⁴.

Вместе с тем, несмотря на слабость политической системы «новой России» и размытость ориентиров конструирования общероссийской идентичности, в 1992 - 1994 гг. на государственном уровне был предпринят ряд весьма показательных действий, связанных с формированием нового, альтернативного советскому набору ценностно-смысловых компонентов, пространства исторической памяти российского общества.

Так, одно из направлений возрождающейся постсоветской «политики памяти» было связано с осуждением политических репрессий советского периода и созданием Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Данная комиссия «является консультативным органом при Президенте Российской Федерации, содействующим реализации главой государства его конституционных полномочий гаранта прав и свобод человека и гражданина при исполнении Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Среди основных задач деятельности Комиссии указывалось также раскрытие информации о репрессиях, их масштабах («информирование в установленном порядке общественности о масштабах и характере политических репрессий»). Показательно, что в преамбуле упомянутого Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», который был принят Верховным Советом РСФСР еще до распада СССР, прямо декларируется тоталитарный характер советского государства: «...За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола

---

⁷⁴ *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 158-167.

тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам»⁷⁵.

Таким образом, можно отметить, что одним из первых действенных институтов постсоветской России, прямо связанных с историческим сознанием российского общества, стал институт реабилитации, в основании которого была положена идея безапелляционного признания тоталитарной сущности советского политического режима. На наш взгляд, декларирование «тоталитарной» сущности советской системы представляло собой классический пример «гражданской войны памяти», попытку осуществить агрессивную атаку на собственное прошлое в конъюнктурных целях. «Забота о жертвах тоталитаризма» была обусловлена в большей мере не гуманитарными, а прагматическими соображениями «новых» правящих элит России. В том числе, их желанием обрести дополнительную легитимность через опору на преобладавшие в начале 1990-х гг. антисоветские настроения, путем символической и ценностной «отстройки» от советского политического наследия, тотального «очернения» советского периода российской истории.

В то же время предпринимается и ряд позитивных шагов, направленных на выстраивание нового символического пространства России. Важной вехой этого процесса явился указ Президента РФ № 442 «О государственных наградах Российской Федерации» (2.03.1994 г.)⁷⁶. Данный указ не только оформил отход от советской геральдической традиции, но и ознаменовал попытку создать новую наградную систему (учреждение орденов «За заслуги перед Отечеством», «Мужества», медали Нестерова,

---

⁷⁵ Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». 18.10.1991. (в редакции от 9.03.2016) // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/law/zakon-rsfsr-ot-18101991-n-1761-1-s/> (Дата обращения: 29.04.2017).

⁷⁶ Указ Президента Российской Федерации № 442 «О государственных наградах Российской Федерации». 2.03.1994 г. (ред.от 07.09.2010)// Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02031994-n-442/> (Дата обращения: 29.04.2017).

никогда ранее не существовавших в российской истории). Однако уже в 1990-е гг. государство пытается внести в «наградную» политику элементы конвенционального подхода к истории. Так, были сохранены существовавшие в СССР военные ордена Суворова, Ушакова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова, и в то же время в геральдическую систему России были возвращены «имперские» элементы – Ордена Святого Георгия и Святого апостола Андрея Первозванного.

Первым явным проявлением конвенциональной («примирительной») линии в институциональном оформлении исторической памяти постсоветского общества явилось учреждение Ордена Жукова (9.05.1994), что знаменовало собой попытку институционализировать память о Великой Отечественной войне уже в принципиально новых политических условиях, наделить это историческое событие своеобразным государственным «иммунитетом» от тотальной на тот момент критики советского прошлого.

Изменения 1995-2000 гг. (второй этап становления политики памяти в Российской Федерации) были, связаны, прежде всего, с частичной переоценкой проблемы российской идентичности как таковой, попыткой использовать символические ресурсы прошлого для *легитимации властной конфигурации, сложившейся в постсоветской России*. Так, был сделан явный акцент на выстраивании ценностно-смысловой (а не только поверхностной символической – на уровне основных государственных символов) преемственности между «новой Россией» и досоветским периодом российской истории, начинает конструироваться и в некоторой степени идеализироваться образ Российской Империи - «России, которую мы потеряли». Данная тенденция получила широкое распространение на федеральных телеканалах, в архитектуре (примеры тому - восстановление храма Христа-Спасителя, памятник Петру I в Москве), кинематографе, выразилась в признании исторической значимости военного прошлого России, полноценной государственной «реабилитации» многих исторических фигур (таких как Петр Великий и Екатерина Великая, в меньшей степени - Александр II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин и др.).

Во второй половине 1990-х гг. получили институциональное оформление ряда «исторических инициатив» действующей власти, свидетельствующих об укреплении конвенционального подхода к истории, стремлении отказаться от радикальных оценок российского прошлого (неизбежно продуцирующих социально-политические конфликты). Seriously изменились оценки ряда знаковых событий и персоналий советского прошлого, что выразилось, прежде всего, в торжественном праздновании 50-летия Великой Победы (сопровождавшемся героизацией Г.К. Жукова), попытках хотя бы частичного восстановления системы военно-патриотического воспитания, в отказе от дальнейшей «десоветизации» символического пространства России («затухание» волны переименований: смены советского топонимического наследия на «исконное»).

Вместе с тем указанная двойственность неизбежно порождала и противоречивость контуров формирующейся «политики идентичности», и появление новых идейных конфликтов. К концу 1990-х гг. власть стала объектом атаки как «левых» сил, так и радикальных «либералов», требовавших от неё дальнейших мер по борьбе с советским наследием. И хотя официальный Кремль периодически и предпринимал попытки консолидации социокультурного пространства России (стремясь, в первую очередь, ограничить центробежные тенденции в «этнических» и окраинных субъектах федерации), в этот период сохраняется высокий уровень конфликтности в обществе, фактический «ограниченный суверенитет» ряда российских регионов, продолжается военный конфликт на Северном Кавказе.

По мнению ряда исследователей, именно в 1996 – 2000 гг. происходит перелом в массовом сознании, связанный с психологическим «принятием» подавляющим большинством граждан России того факта, что советскую систему невозможно реставрировать даже в «мягком» и усеченном виде, например, как Союзное государство России и Беларуси. Такое изменение может рассматриваться как один из важнейших социальных *эффектов* постсоветской трансформации.

Однако говорить о формировании некоего системного

вектора государственной исторической «политики идентичности» во второй половине 1990-х годов не представляется возможным по целому ряду причин. Во-первых, деятельность государства в данной сфере носила непоследовательный характер. Во-вторых, не была сформирована долгосрочная стратегия образовательной политики Российской Федерации (которая могла бы содержать и государственное видение российской идентичности). В-третьих, на региональном уровне протекали латентные процессы культурно-психологического обособления от России, сопровождаемые «архаическим ренессансом» - конструированием собственных исторических мифов, негативных установок по отношению к российской государственности и русскому населению⁷⁷.

Третий этап (2001 – 2008 гг.) трансформации «политики памяти» в Российской Федерации характеризуется выработкой основополагающих приоритетов государства в сфере формирования общероссийской идентичности, актуальных в контексте геополитических вызовов начала XXI века. Важным отличием данного этапа от политической ситуации 1990-х годов явилась высокая электоральная легитимность правящих элит, обусловленная электоральными результатами В.В.Путина в 2000 и в 2004 годах, его устойчиво высоким рейтингом доверия со стороны граждан России и поддерживаемая позитивной экономической динамикой. (Прежде всего, ростом реальных доходов значительной части населения, выходом российского общества из «парадигмы выживания»).

В этих условиях *кардинального изменения контекста («рамки» реализации политики)* произошла *реструктуризация ключевой проблемы «политики идентичности»*. Была выработана и реализована система мер административного, символического (учреждение нового гимна России, Дня народного единства, мероприятия по празднованию 60-летия Победы, учреждение звания «город воинской славы»), образовательного, культурного ха-

---

⁷⁷Титов В.В. Трансформация «политики идентичности» в постсоветской России (1992-2015) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 10. С. 73-8 2.

рактера. В то же время активное развитие получает и дуалистическая линия консолидации российской истории - отказ от публичных противопоставлений советской и досоветской исторических эпох. В условиях резкого снижения уровня внутривнутриполитической конфликтности (обусловленного доминированием в политическом пространстве России Президента В.В. Путина) начинает поэтапно выстраиваться модель исторической консолидации общества, мобилизации молодежного сегмента на основе патриотических и традиционалистских (православие, уважение к военной истории России, этатизм) ценностей.

Говоря о нормативных элементах «политики памяти» и становления общенациональной идентичности в Российской Федерации, следует упомянуть принятие государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 гг.»⁷⁸. Данная программа, хотя и носила в основном функционально-ведомственный характер (распределение направлений патриотического воспитания, перечень проводимых мероприятий и закрепление ответственности за них за конкретными государственными структурами), тем не менее, содержала историческую составляющую. В частности, предусматривалось, что патриотическое воспитание в РФ должно базироваться на связи поколений, формировании позитивного образа прошлого, сочетающего в себе военные, научные и культурные достижения России на всех этапах её исторического развития.

С середины 2000-х годов, в условиях обострения «войн памяти» на постсоветском пространстве, все большее значение начинает предаваться реализации еще одной *стратегической цели политики памяти – формированию позитивного образа России в глобальном информационно-политическом пространстве* посредством использования исторической аргументации. Институциональным отражением данного вектора интересов государства явилось создание в феврале 2005 года в структуре Администрации Президента РФ Управления по межрегиональным

---

⁷⁸Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. N 122 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» от 16 февраля 2001 г. № 122. // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/1584972/#block_1000 (Дата обращения: 29.04.2017).

и культурным связям с зарубежными странами. Одной из задач, которую было призвано решать данное управление, являлась выработка механизмов укрепления культурно-исторического и гуманитарного влияния Российской Федерации на международной арене в целом и, в особенности, на постсоветском пространстве.

Важным шагом, способствовавшим институционализации внешней исторической политики России, явилось создание в мае 2008 года Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, координацию деятельности которого осуществляет МИД РФ. Одним из ключевых направлений деятельности Россотрудничества в зарубежных странах является сохранение мемориального наследия, связанного с историей России. Серьезное значение историческая составляющая в деятельности Россотрудничества приобрела уже в ходе нынешнего этапа формирования внешней исторической политики России на постсоветском пространстве (начиная с 2009 года). В странах СНГ был проведен целый ряд мероприятий, имеющих своей целью продемонстрировать общность исторического пути постсоветских государств (например, празднование 175-летия со дня рождения Н.М. Пржевальского в Киргизии, которое состоялось в апреле 2014 года и др.).

Существенным импульсом институционального развития исторической политики в России явилось создание в сентябре 2007 года Государственного комитета РФ по делам молодежи (преобразованного в мае 2008 года в Федеральное агентство по делам молодежи). Одним из приоритетных направлений деятельности данного ведомства явилось патриотическое воспитание, популяризация российской истории в молодежной среде, проведение массовых акций, приуроченных к важнейшим историческим событиям (в частности, активное участие в организации акций «Моя победа», «Я помню, я горжусь!» и др.).

Можно констатировать, что в 2000-2008 гг. «политика идентичности» в России постепенно приобретает очертания целенаправленности и системности, начинает охватывать различные сферы государственного управления (такие, как информационная политика, молодежная и культурная политика) и все более

проявляет *конвенциональные свойства*. В 2000-2003 гг. происходит поэтапное изменение и набора *исторических аргументов*, используемых всеми основными акторами политического процесса: Кремль окончательно отказывается от элементов «демократической» (антисоветской по своему содержанию) риторики, позиционирования «новой России» как антипода советскому проекту. В основание официального «исторического облика» России помещаются ценность патриотизма и принцип *преемственности всех этапов* российской истории. Ключевыми *социальными эффектами* такой политики явились: высокий уровень консолидации российского общества вокруг правящих элит, достигший максимума к 2007-2008 гг., преодоление конфликтной детерминанты в политическом сознании россиян; мобилизация существенного сегмента российской молодежи вокруг патриотических ценностей⁷⁹.

Тем не менее, в этот период сохраняется и множество нерешенных задач: в частности, отсутствие внятной концепции государственной политики в сфере исторического образования; недостаточный уровень развития нормативно-институциональных механизмов, призванных обеспечить реализацию инициатив органов власти Российской Федерации в сфере конструирования национально-государственной идентичности.

На четвертом этапе (2009 г. – наст.вр.) в целом сохраняется *конвенционально-примирительная стратегия* формирования установок исторической памяти и через них - национально-государственной идентичности российского общества. Однако в содержании, системе приоритетов и в механизмах реализации государственной «политики идентичности» происходят существенные изменения. Они были вызваны изменением внешнего и внутреннего *социально-политического контекста*: обострением «конкуренции за историю» на постсоветском пространстве и ростом протестных настроений среди молодежи и жителей крупных городов (которые ретранслировались в акции протеста, проходившие в ходе электорального цикла 2011-2012 гг.). В

---

⁷⁹См. например: Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития. Сборник информационно-аналитических материалов/ под ред. В.Д.Нечаева. М.,2012. 158 С.

этих условиях ключевой проблемой российской политики становится не только окончательное преодоление кризиса идентичности, формирование общероссийской идентичности гражданского типа через механизмы массмедиа, образования и сотрудничества с некоммерческими организациями, но и интенсификация внешней исторической политики. При этом особую значимость приобретает мобилизация исторических аргументов для защиты геополитических и геокультурных интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве.

Появление признаков системности в государственной «политике идентичности» в 2009-2016 гг. связано с процессами институционализации её механизмов (Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам РФ), попытками придать ей характер стратегического приоритета, что выразилось, в частности, в объявлении 2012 года «годом истории» в России. В то же время наблюдается и активизация просветительской деятельности государства, попытки создания устойчивого, неконфликтного по своему содержанию когнитивного и символического пространства исторической памяти российского социума (прежде всего, через использования механизмов федеральных СМИ, кинематографа, интеллектуальных программ дискуссионного формата, например всероссийского медиапроекта «Имя Россия» и т.д.)

Говоря о социальных эффектах такой политики, следует учитывать, что они не могут быть проанализированы в полной мере, поскольку указанная тенденция структуризации (включая выстраивание координирующих институциональных механизмов) и активизации государственной «политики идентичности» находится в стадии развития и, очевидно, не достигла своего максимума. Но, безусловно, к первичным политическим эффектам реализации данной политики можно отнести сохранение устойчивости общества и высокого уровня политической легитимности правящих элит в условиях геополитической нестабильности и кризисных явлений в социально-экономической сфере (2014-2016 гг.).

Тем не менее, необходимо учитывать, что существует це-

льный ряд факторов, не позволяющих говорить о «политике идентичности» в России начала 2010-х гг. как о полномасштабной стратегической деятельности. Прежде всего, это связано с тем, что формирование исторической памяти российского общества, которым в последние годы активно занялось государство, слабо соотносится с тем аморфным образом коллективного будущего, который сложился в политическом сознании россиян, с недостаточной проработкой образовательных механизмов реализации исторической политики.

2.3. Роль институтов культуры и массмедиа в формировании исторических оснований российской национально-государственной идентичности

Проблема изучения политики памяти и связанных с ней процессов формирования национально-государственной идентичности в постсоветской России является одним из значимых направлений российской политической науки. Её важность обусловлена как теоретической составляющей, внутривнутриполитическими изменениями, так и попыткой осмыслить новую роль России в условиях кардинальных геополитических и геокультурных трансформаций конца XX - начала XXI вв.

Очевидно, что системное изучение «политики памяти» и связанных с ней процессов формирования национально-государственной идентичности в постсоветской России не исчерпывается исключительно институциональным и ретроспективным анализом. Не менее важный аспект формирования образа прошлого как основания общероссийской идентичности - социокультурный. Культурные практики и образы, распространяемые через информационно-психологические механизмы массмедиа, являются важнейшим фактором становления когнитивного и эмоционального фундамента российской национально-государственной идентичности. То есть, анализ «политики памяти», её влияния на процессы конструирования общероссийской идентичности, тесно связан с осмыслением социокультурных императивов развития российского общества, процессов его ценност-

ной и психологической консолидации в противоречивых условиях постсоветского транзита.

Среди исследований, в которых предпринимались попытки проследить взаимосвязь исторической памяти и социокультурных трансформаций постсоветского периода, можно особо выделить работы И.В. Следзевского, Г.А. Янковской, О.С. Нагорной⁸⁰. Можно заметить, что указанные работы были направлены, главным образом, на диагностику отдельных, наиболее заметных тенденций социально-психологической трансформации исторической памяти россиян под влиянием кризиса национально-государственной идентичности 1990-х гг.

Недостаточное пока освещение в научной литературе получили и проблемы реализации государственной исторической политики РФ через систему образования. Лишь в 2000-е годы появился ряд научных трудов, посвященных политической социализации школьников и студенческой молодежи (можно выделить работы Т.Н. Самсоновой, Е.Л. Омельченко, О.А. Молчановой, Т.В. Евгеньевой), в которых затрагивается указанная проблема⁸¹. При этом концептуальные основания формирования исторической «картины мира» российских школьников и моло-

---

⁸⁰Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 93-104; Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. / *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии* / Сборник статей. Челябинск, 2004. С.347-357.; Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества / *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии* / Сборник статей. Челябинск, 2004. С.228-241.

⁸¹Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2012. № 2. С. 37–51; Молчанова О.А. Политическая социализация в современной российской школе: политико-психологический анализ: Автореф. дисс ... кандидата политических наук. М., 2007.175 С.; Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 25-39.

дежи посредством образовательных механизмов (с учетом детального анализа самих этих механизмов, их потенциала и ограничений) и сегодня остаются непроработанными.

Обращаясь к роли культурной сферы, образовательных институтов и массмедиа в решении триады ключевых задач российской политики памяти (формирование общероссийской идентичности, позитивная консолидация основных акторов внутриполитического процесса на основе базовых ценностей и норм, формирование позитивного имиджа Российской Федерации на мировой арене) следует выделить несколько этапов.

Первый этап (1992 – 1994 гг.) характеризуется слабостью институциональных и отсутствием позитивных ценностно-смысловых приоритетов исторической политики в культурной сфере. Ключевой задачей российской культурной политики на этом этапе был «демонтаж» советского идейно-политического наследия, в том числе и посредством попыток переоценки истории (как собственно советского, так и досоветского периода). Институционально такая переоценка обеспечивалась двойственным комплексом мер: с одной стороны, тотальной «либерализацией» информационного, культурного и образовательного пространств (что привело к бурному тиражированию и популяризации «альтернативных» версий истории), с другой - целенаправленной политикой органов государственного управления по дискредитации «тоталитарного» советского наследия⁸².

Можно отметить, что возможности выработки и последовательной реализации исторической политики в 1992-1994 гг. сдерживались целым рядом контекстуальных политических факторов: не только «кризисом идентичности», охватившим различные слои постсоветского общества, но и фрагментацией его ценностных оснований, острым идеологическим расколом, сопровождавшим российский политический процесс в 1992-1994 (между условными «коммунистами» и «демократами»).

---

⁸² *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 45-57.

В таких условиях «культурный ресурс» российского общества оказывается не только ограниченным объективной социально-политической динамикой (девальвацией «старых» - советских - социокультурных императивов и политических ценностей), но и не востребованным со стороны государства. Между тем, как уже отмечалось ранее, именно в этот период на государственном уровне совершаются первые попытки своеобразного культурно-исторического ренессанса: возврат к имперской геральдической традиции, начало формирования наградной системы Российской Федерации, выстраивание исторической взаимосвязи с досоветским периодом (прежде всего, XIX – начала XX вв.).

По нашему мнению, ключевой тенденцией данного периода, отчетливо проявившейся в культуре и СМИ, было разрушение остаточных оснований советской социокультурной идентичности, активные попытки внедрить в российское массовое сознание ярко выраженные антисоветские представления. Этому способствовал и кинематограф, продолживший позднесоветскую традицию «покаяния», и появление массовых тиражей «исторических трудов», беспартийно критиковавших советское прошлое в различных его проявлениях (например, «Ледокол» В. Суворова и др.). При этом и в искусстве, и в СМИ явный акцент делался на «трагические» страницы советского периода. (В данном случае весьма показательным названием сериала о Великой Отечественной войне, снятого Ю. Озеровым в 1993-1994 гг. – «Трагедия века»).

Однако, общество начала 1990-х гг., оказавшись в состоянии системного кризиса, достаточно быстро утрачивает интерес к истории, ориентируясь на принципиально иные «форматы восприятия действительности», прежде всего, развлекательные телевизионные программы, которые начинают набирать популярность в этот период.

Не менее значимым фактором, свидетельствующим о фактическом отсутствии исторической политики в тот период, был распад образовательного пространства страны и, прежде всего, кризис системы исторического образования. Указанный

кризис коснулся не только переоценок фактов и персоналий советского периода (окончательная «десакрализация» образа В.И. Ленина, негативизация образа И.В. Сталина, акцент на массовых репрессиях 1930-х гг.), но и был связан с утратой ориентиров в педагогической среде, с появлением множества учебников истории. При этом значительная часть этих учебников, методических пособий, как известно, издавалась при финансовой поддержке зарубежных фондов (например, фонда Сороса, который еще в 1991 году объявил конкурс на создание учебника российской истории, фонда МакАртуров и т.д.).

В них противоположным образом интерпретировались события новейшей российской истории: советский период в целом, октябрьская революция 1917 года, Великая Отечественная война, социально-политические процессы, происходившие в СССР в 1920-1930-х гг. В частности, была предпринята попытка рассматривать Великую Отечественную войну исключительно в мировом контексте – как «один из фронтов» - второй мировой. По существу, предпринималась попытка нивелировать значение ключевых событий, происходивших на советско-германском фронте, поместить их в один ряд с событиями на других театрах военных действий, не сопоставимых по масштабу (Сталинградская битва и сражение под Эль-Аламейном, оборона Кавказа и сражение у атолла Мидуэй и т.д.). Логическим следствием разрушения единого пространства исторического образования в средней школе стала дезориентация учителей, в большинстве своем привыкших к наличию единой «линейки» учебников.

На втором – «позднем ельцинском» - этапе (1995-2000 гг.) в культуре и массмедиа прослеживается конкуренция двух тенденций: «имперского ренессанса» и попыток консолидации национальной исторической памяти посредством фактического возвращения в политическое пространство России наиболее значимых советских символов. В то же время в искусстве продолжает сохраняться во многом инерционная (уже не так активно поддерживаемая государством) интенция осуждения советской действительности, в особенности «сталинского периода» советской истории при попытках частичной культурной реабилитации отдельных сторон жизни в СССР. Ярким кинематографическим

примером такой реабилитации, основанной на противопоставлении человека, верящего в коммунистические идеалы, и тоталитарной «системы», явилась картина Н.С Михалкова «Утомленные солнцем».

Важным шагом в рамках формирования общероссийской национально-государственной идентичности явилась попытка консолидации общества вокруг Великой Отечественной войны, предпринятая в канун 50-летнего юбилея Победы. В частности, широкое празднование сопровождалось не только многочисленными показами советских фильмов о войне, но и возвращением традиции военных парадов (которые с 1996 года вновь стали проводиться на Красной площади); прославлением советских полководцев (установка памятника Г.К. Жукову на Манежной площади, демонстрация фильма «Стратегия Победы», снятого в СССР в 1980-е гг., и др.).

Заинтересованность правящей элиты 1990-х в «символическом использовании» образа Великой Победы объяснялась, как минимум, двумя важными социально-политическими причинами. Первая состояла в том, что историческая память о Великой Отечественной войне (не столько официально-каноническая, унаследованная из советских учебников истории, сколько «устная» социальная) оказалась к середине 1990-х годов фактически единственным позитивным основанием, способным частично консолидировать фрагментированное политическое пространство России. Вторая причина была связана с кризисом «демократической» (западно-центричной, основанной на тотальной критике советского прошлого) идеологии и началом постепенных попыток власти использовать в своих интересах и «умеренно-патриотический» символический ресурс.

В 1995-2000 гг. еще более заметной становится попытка конструировать идентичность «новой России» на основе культурной преемственности с имперским прошлым, что находит отражение и в массовом искусстве, и в архитектуре (восстановление Храма Христа-Спасителя); и в геральдике (восстановление ордена Святого Андрея Первозванного и предание ему статуса высшей награды Российской Федерации); и, конечно же, в риту-

ально-символических действиях, таких как торжественное перезахоронение останков царской семьи.

В то же время, во второй половине 1990-х гг. в государственной политике памяти всё более чётко проявляется новый – *примирительно-консолидирующий* - ракурс. Формальным его символом можно считать переименование 7 ноября в День согласия и примирения. Данный ракурс выражался в стремлении максимально использовать общеизвестные символы, не несущие явной идейно-политической нагрузки и априори позитивно воспринимаемые большей частью российских граждан (образы Г.К. Жукова, Петра Первого, изображения Кремля и Большого театра на денежных знаках и др.). Одновременно государство последовательно воздерживалось от резких шагов, способных вызвать всплеск конфликтности в обществе: отказ от идеи выноса тела В.И. Ленина из Мавзолея и массового демонтажа памятников Ленину, отказ от реабилитации «власовцев», амнистии советских «перебежчиков» и др.

Третий этап (2001-2008 гг.) характеризуется *полномасштабным «возвращением» государства в сферу конструирования национально-государственной идентичности и управления историческими представлениями граждан*⁸³. Политические изменения первой половины 2000-х гг. предопределили возможность выстраивания контуров системной политики памяти, для чего были активно задействованы культурные, образовательные, информационные механизмы. В этот период окончательно утверждается императив «реабилитации» советского прошлого, наиболее ярким свидетельством чему стало возвращение мелодии А.В. Александрова в качестве Гимна России.

Это позволило окончательно придать политике памяти конвенциональный характер, который достиг своего символического апогея к середине 2000-х гг. (например, перезахоронение праха А.И. Деникина «сосуществовало» с празднованием 60-лет-

---

⁸³ *Тумов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 45-57.

него юбилея Великой Победы, символом которой стала «георгиевская ленточка»). В то же время был предпринят ряд шагов, направленных на дистанцирование действующей власти от исторического наследия 1990-х годов: в частности, в 2004 году В.В. Путин впервые проигнорировал траурные мероприятия, посвященные жертвам событий августа 1991 года; утратил статус праздника и День Конституции.

Как уже отмечалось ранее, усилилась историческая составляющая в государственной культурной политике. Акцент был сделан на популяризации российской истории через кинематограф: обращение к отдельным историческим персоналиям (Иван Грозный, Г.Распутин, И.В.Сталин и др.), создание исторических фильмов для детей и подростков младшего возраста («Князь Владимир», «Александр Невский» и др.), освещение истории Российской Империи (фильм «Романовы: венценосная семья», ТВ-проект «Тайны дворцовых переворотов»), продолжение сюжетной линии «русской смуты» («Империя под ударом»), примирение «красных» и «белых» на основе традиционных ценностей («Остров» и др.).

Тем не менее, «примирительная» символическая политика власти не всегда получала должное культурное подкрепление. Яркий пример отсутствия адекватного культурно-символического контента со стороны государства – учреждение Дня народного единства, инициатива «ритуализации» которого была перехвачена националистической оппозицией. Как следствие, самым заметным форматом «празднования» Дня народного единства на некоторое время стал «русский марш». Внятное смысловое наполнение, равно как и массовый характер, данный праздник приобрел только в 2014 году, что было связано с вхождением Крыма в состав России и обострением геополитической ситуации в мире.

Четвертый этап (2009 гг. – наст.вр.) характеризуется резкой активизацией попыток государства использовать культуру и федеральные СМИ для повышения интереса граждан к истории, выстраивания смысловых и символических оснований коллективной исторической памяти российского общества. В то

же время начинается процесс «массовизации» интереса к российской истории, поддерживаемый через СМИ и Интернет. В этой ситуации государство предприняло активные попытки реконструировать символическое пространство российской национально-государственной идентичности. В данном случае показательным стал медиапроект «Имя Россия», призванный не только «ранжировать» известных российских политиков, полководцев, деятелей культуры и науки по степени их популярности, но и выполнявший просветительскую функцию. Указанная функция массового исторического просвещения становится одной из важнейших в рамках реализации информационной и культурно-образовательной политики государства (историко-художественный фильм «Адмиралъ» о А.В. Колчаке, сериал о Екатерине II, выставки «Романовы» и «Рюриковичи», празднование 200-летнего юбилея Бородинского сражения и 1025-летия крещения Руси, получившие широкое телевизионное освещение). Не менее важным направлением искусства выступала и героизация российской военной истории, формирование исторического образа «страны-победителя», не привязанного к идеологическим стереотипам («Русский крест» Г. Любомирова, «Сталинград» Ф. Бондарчука и др.).

Геополитическая нестабильность 2013-2017 гг. вновь породила интерес общества к «переломным моментам», кризисным страницам российской истории, который нашел свое отражение в кинематографе («Солнечный удар», «Белая гвардия», «Поддубный» и др.), официальных мероприятиях, документальных фильмах, телепрограммах, приуроченных к 100-летию начала Первой мировой войны. Представляется, что указанная интенция объясняется не только стремлением государства расширить «границы» исторической памяти общества (в том числе, за счет сюжетов, связанных с «забытой» войной), но и продемонстрировать негативные последствия всеобъемлющего политического кризиса в его сочетании с кризисом идентичности, порождаемые ценностным вакуумом и распадом системы государственной власти.

Важным шагом в использовании культурных механиз-

мов формирования общероссийской идентичности явилось принятие федеральной целевой программы «Культура России (2012 – 2018 гг.)». Приоритетной целью программы обозначено «сохранение российской культурной самобытности» посредством «решения задачи по выявлению, охране и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации»⁸⁴. Указывается, что «решение этой задачи предусматривает комплекс мероприятий по выявлению, охране, сохранению и популяризации объектов культурного наследия - движимых и недвижимых памятников истории и культуры России, а также по сохранению объектов археологического наследия, обеспечению сохранности музейного фонда и развитию музеев, развитию архивного дела и библиотек»⁸⁵.

В то же время наличие формальных показателей (например, рост числа посещаемости музеев, увеличение доли детей, обучающихся в детских школах искусств и т.д.) не позволяет провести комплексную оценку результативности данной программы с точки зрения её вклада в формирование национально-государственной идентичности и консолидированного «пространства исторической памяти» в современной России. И тем более – выявить конкретные социальные эффекты реализации указанной программы. В связи с этим можно отметить, что политика памяти, её основные направления, не находят должного отражения в комплексе мер по развитию культуры в Российской Федерации, реализация которого осуществляется в настоящий момент (и будет продолжаться до 2018 года).

Основываясь на результатах анализа деятельности Министерства культуры РФ и соответствующих нормативных документов (2012 -2014 гг.), можно констатировать, что сегодня в Российской Федерации система культурной поддержки государственной «политики памяти» по-прежнему не до конца сформирована в институциональном и организационном плане. Так,

---

⁸⁴ Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 гг.)» // Министерство культуры Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://fcpkultura.ru/programma/opisanie-i-tekst-programmy/> (Дата обращения: 19.07.2016).

⁸⁵ Там же.

среди многочисленных приоритетов деятельности Министерства культуры РФ обозначены «лицензирование», «научная работа», «археология» и т.д., но отсутствует как самостоятельное направление деятельность по сохранению исторической памяти российского общества, формированию общероссийской идентичности⁸⁶

Вместе с тем первая половина 2010-х гг. характеризуется также более активным использованием научного и образовательного потенциала в целях оптимизации российской исторической политики. Так, в число признанных научных приоритетов, поддерживаемых государством (через специализированные научные фонды, систему грантов Президента РФ), входят исследования, посвященные формированию российской национально-государственной идентичности, её историко-символических оснований, процессам национально-государственной самоидентификации российской молодежи в условиях изменения коммуникативного ландшафта современного российского общества.

Новым шагом в реализации государственной исторической политики на образовательном поле явилось принятие Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования (май 2012 года), в котором указывается, что данный стандарт «направлен на обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся...»⁸⁷. Стандарт предлагает следующий набор личностных характеристик выпускника («портрет выпускника школы»): «любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции, осознающий и принимающий

---

⁸⁶Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 гг.)» // Министерство культуры Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://fcpkultura.ru/programma/opisanie-i-tekst-programmy/> (Дата обращения: 19.07.2016).

⁸⁷Приказ об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования № 1897. 17.12.2010 // Министерство образования и науки Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/projects/413/file/749/приказ%20Об%20утверждении%201897.rtf> (дата обращения: 17.07.2016).

традиционные ценности семьи, российского гражданского общества, многонационального российского народа, человечества, осознающий свою сопричастность судьбе Отечества»⁸⁸.

Можно отметить, что требования к предметным результатам освоения курсов истории и обществознания, на наш взгляд, достаточно расплывчаты и не включают в число приоритетов компетенции, напрямую связанные с формированием общероссийской идентичности или целостного, позитивного образа России. В связи с этим, можно вести речь о том, что роль современного российского образования в реализации исторической политики характеризуется крайне противоречивыми чертами: с одной стороны, формирование российской гражданской идентичности на основе исторических знаний декларируется в качестве одного из главных приоритетов системы среднего образования, школа продолжает выполнять важную функцию политической социализации. С другой стороны, представляется, что весьма слабым является институциональный фундамент, недостаточен набор механизмов, который бы позволил задействовать потенциал российской системы образования в целях комплексной реализации государственной политики памяти в Российской Федерации, для формирования у российской молодежи позитивного образа прошлого.

Активное «возвращение» государства в сферу образования породило дискуссию о необходимости упорядочения системы исторического просвещения в средней школе, в частности создания «единого» учебника истории России (на самом деле – единого комплекса учебников, чтобы обеспечить преемственность в формировании целостного «образа прошлого» у учащихся).

Необходимость создания «единого» учебника истории для средней школы, которая периодически обсуждалась с середины 2000-х годов, вновь обрела актуальность весной 2013 года, после того как Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о необходимости единого подхода к ключевым событиям

---

⁸⁸Там же.

российской истории, недопустимости её искажения. Она объяснялась как общественно-политическими (борьба с «фальсификациями» исторических фактов), так и организационными (консолидация образовательного пространства РФ), и педагогическими (оптимизация работы педагогов, стандартизация подходов и методов в процессе исторического обучения) аргументами.

Как отметил министр культуры России В.Р. Мединский: «...В наших учебниках истории предлагаются зачастую разные трактовки одних и тех же событий, оценка исторических личностей. Даются разные оценки потерь нашей страны в Великой Отечественной войне и т.д. И это снова и снова подтверждает, что никакой линейки учебников истории быть не может. Их должно быть всего два: для общей школы и для школы с углубленным изучением гуманитарных наук. За линейкой уследить невозможно. Мы же хотим, чтобы у нас была одна страна, а не линейка стран...»⁸⁹.

Тем не менее, и сама идея единого учебника, и его возможное содержание вызвали крайне неоднозначную реакцию отдельных политических сил, научного и экспертного сообщества. Критикуя данную инициативу, шеф-редактор журнала «Отечественные записки» Ю. Соколов высказал следующее мнение: «Меня пугает идея единого одобренного учебника истории. У нас есть стандарт, который описывает, какие фактические вещи должен знать современный школьник. Это правильно. А вот как к ним относиться — это дело свободного человека. Ученик обязан знать, что была опричнина, но он не должен быть обязан любить опричников. Нас же сейчас снова обязуют кого-то непременно любить, а кого-то непременно поносить»⁹⁰. Отсутствие консолидированной позиции научного сообщества в отношении единого учебника истории, переход дискуссии в политическую плоскость

---

⁸⁹Единый учебник истории. Что в день грядущий нам готовит? // Сайт «Служу Отечеству». URL: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/arkhiv-2013/noyabr-2013/item/1070-единый-учебник-истории.html> (дата обращения: 19.07.2016).

⁹⁰Цит. по: Картюк А. Учебная тревога // Сайт «Грани.Ру». URL: <http://gr1.global.ssl.fastly.net/Society/History/m.123805.html> (дата обращения: 19.07.2016).

способствовали отказу Министерства образования и науки РФ от форсированной реализации данного унифицирующего проекта и сохранению многообразия учебной литературы в сфере исторического образования.

Важнейшим фактором, влияющим на процессы становления национально-государственной идентичности российской молодежи, явилась «интернетизация» российского общества, интенсивность которой резко возросла во второй половине 2000-х гг., что было связано и с государственной политикой информатизации, и с ростом доходов населения, и с развитием диалоговых форматов интернет-коммуникации – социальных сетей и блогосферы. Глобальная сеть приобрела массовый характер. А вместе с ним – функцию трансформации исторического сознания весьма обширных сегментов российского общества (жители мегаполисов, молодежь) и социально-политической мобилизации граждан⁹¹.

В этих условиях ключевое значение имеет ответ на вопрос, *каким образом государство может использовать интернет-пространство в целях решения основополагающих задач политики памяти?*

Отвечая на указанный вопрос, необходимо выделить два ключевых момента.

Во-первых, очевидная проблема использования интернета связана с тем, что политика памяти в современной России все еще находится в процессе становления и носит не стратегический, а скорее, контурный, ситуативно-тактический характер. Это осложняет продвижение «русской версии» истории в Интернете в целом, и в пространстве Рунета – в частности.

Во-вторых, спецификой современного Рунета является информационный динамизм, подвижность повестки дня, выраженная ориентация на конкурентные практики, локализация вир-

---

⁹¹ Более подробный анализ влияния Рунета на становление образов прошлого и национально-государственной идентичности в современной России представлен в параграфе 3.1. «Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века: специфика формирования и поиск исторических оснований».

туальных политических сообществ по лидерскому (вокруг сетевого ресурса конкретного политически активного пользователя) и идеологическому признакам. В этих условиях государство лишено возможности использовать традиционные вертикальные механизмы воздействия на историческое сознание «юзеров». Подобная ситуация подчеркивает необходимость выработки новых, более гибких инструментов политики памяти, способных быть эффективными в «режиме диалога»: в условиях многомерного информационного пространства, поляризации мнений интернет-пользователей⁹².

Сегодня в Рунете продолжается процесс формирования сетевых сообществ, специализирующихся вокруг исторической проблематики, которые выполняют двойственную функцию дискуссионных площадок и одновременно – виртуальных пространств повседневности, в которых кристаллизуются, видоизменяются и циркулируют исторические представления пользователей, «бытовые» версии российской истории. Рост числа и популярности таких сообществ интенсифицируется, в том числе, с развитием социальных сетей. В качестве примеров подобных «виртуальных площадок» можно привести сообщества «В контакте»: «История Российского государства» (более 4800 участников)⁹³, «Российская история в зеркале изобразительного искусства» (более 500 участников)⁹⁴.

Необходимо констатировать, что развитие Рунета открывает дополнительные возможности реализации «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в современной России. И одновременно – требует совершенствования базовых механизмов указанной политики, обуславливает важность разработки новых стратегий «продвижения» российской истории в глобальном сетевом пространстве,

---

⁹²Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22–27.

⁹³ См. Социальная сеть «В контакте» // <https://vk.com/ruhistory> (Дата обращения 14.05.2017).

⁹⁴См. Социальная сеть «В контакте» // <https://vk.com/club12989626> (Дата обращения 14.05.2017).

подчеркивает необходимость диалоговых форматов исторического образования.

В заключении важно отметить, что роль культурной сферы, образования и массмедиа в становлении российской политики памяти и формировании национально-государственной идентичности в 1990–начале 2010-х гг. претерпела серьезные трансформации. На первом – *«антисоветском»* - *этапе* (1992-1994 гг.) она была связана с попыткой «десоветизации» массовых исторических представлений, которая предпринималась в условиях системного социально-политического кризиса, распада единого социокультурного и образовательного пространства, отсутствия у государства четкого понимания необходимости и, тем более, приоритетов политики памяти, ресурсов для её реализации. Второй – *«поздний ельцинский»* - *этап* (1995-2000 гг.) ознаменовался спорадическими попытками государства задействовать инструменты культуры и СМИ для выстраивания исторической преемственности «новой России» с досоветским прошлым, отходом от резко конфликтного восприятия и негативных оценок советского исторического периода.

На *третьем* – *«раннем путинском»* - *этапе* (2001-2008 гг.) государство активно использовало культурный потенциал России, информационные возможности федеральных СМИ для начала формирования полноценных культурных и символических оснований общероссийской национально-государственной идентичности, консолидации общества вокруг позитивных компонентов национальной исторической памяти.

На четвертом – *«медведевско-путинском»* - *этапе* (с 2009 г.) наметились тенденции более активного участия государства в выработке и реализации «политики памяти», выстраивании когнитивного фундамента национального самосознания; попытки использовать исторические компоненты для выстраивания геополитических и социокультурных оснований общероссийской национально-государственной идентичности.

2.4. Роль политических и общественных организаций в реализации «политики памяти» и формировании российской национально-государственной идентичности

Целостное понимание политики формирования национально-государственной идентичности, её исторических оснований, невозможно без изучения роли негосударственных, в том числе, политических и общественных организаций, участвующих в этом процессе. В современной политической науке государственные «политика памяти» и «политика идентичности» нередко понимаются как исключительно «политика государственных институтов». Либо еще более узко – как деятельность государства по конструированию неких «официальных» исторических нарративов, политических символов, их искусственное, порой агрессивное «продвижение» в медиaprостранстве и противопоставление обществу, нарративам социальной памяти.

В последней трактовке государственным институтам отчетливо приписывается инфомационно-психологическая функция создания и в определенной мере «навязывания» искусственной «исторической картины мира» с целью «затмить историческую правду», подменив её выгодными «провластными» историческими сюжетами, использовать историческую аргументацию для подавления политической оппозиции⁹⁵.

В нашем понимании, государственная политика памяти, её внутренняя составляющая, направленная на формирование национально-государственной идентичности, должна рассматриваться сквозь призму системного взаимодействия органов государственной власти с политическими и некоммерческими организациями⁹⁶. Вне сомнения, такое взаимодействие может иметь

---

⁹⁵В частности, указанная точка зрения наиболее ярко представлена в тезисе Й. Хейзинги о том, что в XX веке история сделалась ни чем иным, как «орудием лжи на уровне государственной политики», и никакая восточная деспотия древности в своих фантастических «свидетельствах» не доходила до такой манипуляции историей (Цит. по Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000. 864 С.)

⁹⁶Понятно, что речь идет в большей мере о внутривнутриполитических процессах. Попытки общественных организаций влиять на внешнюю историческую политику

разную модальность, предполагать как содействие, так и возможное противодействие различных акторов «третьего сектора» властным инициативам.

Опираясь на указанное выше понимание, представляется необходимым рассмотреть роль политических и общественных организаций в становлении и эволюции «политики памяти» и «политики идентичности» в Российской Федерации (1992 – н.вр.). При этом акцент должен быть сделан на двух составляющих: ценностно-смысловой и инструментальной: тех основополагающих ценностях и механизмах, которые использовали политические и общественные организации для воздействия на государственную политику в области формирования исторического сознания граждан.

В *начальный период* становления «политики памяти» в Российской Федерации, при первых попытках обозначить её контуры (1992-1994 гг.), главную роль в определении «исторической повестки дня» взяли на себя политические организации, прежде всего, коммунистической и разнородной националистической направленности. Им оппонировал разрозненный спектр структур либерального и «демократического» толка, большинство из которых позиционировали себя именно как «общественные», стремясь дистанцироваться от власти. При этом ни «коммунисты», ни «демократы», ни условные «националисты» не стремились предложить обществу полномасштабный образ прошлого, а эксплуатировали, как правило, конфликтные исторические сюжеты. Весьма зыбкими «позитивными» историческими ориентирами для каждой из этих групп соответственно были: СССР времен Хрущева-Брежнева – для «коммунистов» и прикнувших к ним противников новой, «ельцинской власти»; Россия периода «либеральных реформ» Александра II, С.Ю.Витте, П.А.Столыпина – для условных «демократов»; «великая Российская империя» - для националистов неоимперского типа; мифо-

---

России существенно ограничены в институциональном плане, хотя предпринимались с середины 1990-х гг. («Комитет солдатских матерей» и т.п.). Более того, с середины 2000-х гг. данное «окно возможностей» несколько расширилось в связи с развитием реального «третьего сектора».

логическая «Русь» - для приверженцев этнического национализма.

Представляется, что такая противоречивая логика развития политического процесса «вокруг» образа прошлого и «постсоветской идентичности» в 1992-1994 гг. была обусловлена целым рядом факторов. Обозначим четыре, на наш взгляд, наиболее важных из них:

1) усилилась конфликтная линия размежевания условных «коммунистов» и «демократов», которая весьма четко обозначилась еще в конце 1980-х гг. и стала органическим наследием позднесоветского периода;

2). нарастание социально-экономического кризиса в первой половине 1990-х гг., в котором быстро утрачивалась легитимность действующей власти, декларируемых ею «демократических» ценностей, а, вместе с этим, и «несоветского» (по существу, антисоветского) видения истории;

3). наличие в обществе крайне существенного сегмента (по оценкам социологов, не менее 30-35%), психологически не готового отказаться от советских нарративов исторической памяти;

4). слабость «третьего сектора» как такового: в этой ситуации наиболее крупные организации, пытавшиеся первоначально позиционировать себя как «общественные» (от либерального «Мемориала» до националистического «Союза офицеров») оказывались активно вовлечены в политическую конфронтацию⁹⁷.

В условиях слабого «третьего сектора» и постсоветского кризиса национально-государственной идентичности всё более заметную роль в пространстве «исторического креатива» начинают играть первые политические партии: «Демократический союз», ЛДПР и другие. Эти общественно-политические организации, подменяя деятельность государства в сфере исторической памяти, начинают активно транслировать в массовое сознание собственные представления об истории России.

---

⁹⁷ См. например: Кузьменко В. Русский Фарш. Как появились и куда идут российские националисты. Запись выступления А.Верховского // Сайт «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/articles/2016/04/20/nationalism/> (Дата обращения: 20.04.2017).

С одной стороны в 1992-1994 гг. на политическую авансцену активно выходят политические движения («Явлинский – Болдырев – Лукин», «Выбор России» и др.), общественные структуры («Мемориал» и др.), в основании идеологии которых лежит негативное отношение к советскому периоду истории; западно-центричное понимание дальнейшего исторического пути России.

С другой стороны, в это же время, в условиях идейной пустоты проекта «новой России» и массового разочарования в демократии именно в социальной среде, на уровне непартийных структур, общественных объединений резко обозначилась (и была отчасти воспринята властью несколько позднее, в 1995-2000 гг.) и такая тенденция, как «запрос на патриотизм» в его несоветских - неоимперских, этнополитических, социокультурных - разновидностях. Выразителями таких взглядов на общенациональном уровне, в частности, стали такие организации, как НПФ «Память» (лидер в 1988-2003 – Д.Васильев), «Русское национальное единство», возглавляемое А. Баркашовым, «Союз офицеров» С.Терехова. Они пропагандировали специфические исторические представления, рассматривая историю СССР – России как процесс постоянного притеснения русского народа и «русского движения» сначала со стороны советской власти, а потом со стороны «демократов» - политических элит «новой России», сгруппировавшихся вокруг первого Президента РФ Б.Н.Ельцина.

Важно подчеркнуть, что на *первом этапе (1992-1994 гг.)* становления исторической политики в постсоветской России деятельность общественных организаций характеризовалась избыточной политизацией, по существу, подменяя полноценную партийную систему, полномасштабное выстраивание которой началось после принятия Конституции РФ и выборов в Государственную Думу ФС РФ 12 декабря 1993 года (и фактически растянулось до электорального цикла 1999 -2000 гг.)⁹⁸.

---

⁹⁸Немаловажно, что закон Российской Федерации «О некоммерческих организациях» был принят только в 1996 году.

Вместе с тем, уже тогда обозначилась проблема взаимодействия органов государственного управления и негосударственных организаций («третьего сектора») - явно недостаточное развитие механизмов взаимной коммуникации, причем как «обратной», так и «прямой» связи. Это выражалось не только в неготовности государства учитывать доминирующие в обществе исторические представления, но и в стойкой неспособности фрагментированного общества поддержать государственные инициативы в сфере исторической и символической политики.

Второй период (1995 – 2000 гг.) характеризуется тем, что происходят существенные изменения в деятельности политических и общественных организаций, их влиянии на историческую политику Российской Федерации. Первое изменение было связано с «возвращением» государства в процессы формирования исторической памяти российского общества, попыткой задействовать инструменты символической политики (через праздники, ритуалы, мемориальное наследие) в целях преодоления глубокого идейно-политического раскола, сохранявшегося в политическом пространстве Российской Федерации во второй половине 1990-х гг. При этом на тот период еще не сложились действенные механизмы государственно-общественного партнерства, разветвленная система целевой и конкурсной (грантовой) поддержки некоммерческих организаций, что приводило к «вакууму» институциональных и организационных ресурсов реализации исторической политики на региональном и местном уровнях⁹⁹.

Второе изменение было продиктовано устойчивым разочарованием россиян в либеральных и демократических ценностях. В этих условиях и без того крайне фрагментированная (лишенная целостности и базирующаяся на стержневой идее антикоммунизма) картина прошлого, предлагаемая либерально-ориентированными общественными и политическими силами, стре-

---

⁹⁹*Тумов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 45-57.

нительно маргинализируется и утрачивает социально-политическую значимость. Это, в свою очередь, серьезным образом трансформирует идейно-политический ландшафт России, на котором либеральные силы оказываются представленными весьма ограниченно. (Например, из парламентских партий, представленных в Государственной Думе ФС РФ второго созыва, о своей либеральной ориентации периодически заявляла только партия «Яблоко»).

Преобладающей идеологической тенденцией, переносимой и на оценки российской истории, становится «умеренный патриотизм» в его нео-советском (КПРФ), консервативном («Наш дом – Россия», «Отечество», «Вся Россия»), неоимперском (ЛДПР, Конгресс русских общин) или «социально-проблемном» (Аграрная партия России, «Движение в поддержку армии») преломлениях. При этом указанные политические силы, сконцентрировавшись на текущей политической борьбе и периодически «жонглируя» историческими аргументами, не стремились сформировать консолидированный образ российского прошлого. Более того, основные политические «игроки» во второй половине 1990-х годов (пожалуй, за исключением ЛДПР, продолжавшей активно эксплуатировать историческую тематику) стали накладывать своеобразный мораторий («я не политик, я хозяйственник») на обсуждение российской истории, её дискуссионных аспектов.

На третьем этапе концептуализации «политики памяти» в России (2000 – 2008 гг.) ведущая роль в её стратегической выработке и осуществлении принадлежит государству. Именно на государственном уровне было инициировано создание целого ряда общественных (некоммерческих) организаций. Деятельность этих организаций была направлена на возрождение интереса российского общества (прежде всего, молодежи) к прошлому, консолидацию различных его сегментов вокруг наименее противоречивых по своему идейному содержанию исторических ценностей (порядок, сильное государство, справедливость) и символов (главным образом, связанных с Победой в Великой отечественной войне).

В этих условиях государство обращается к инструментам

молодежной политики. Первым заметным шагом, предпринятым в данном направлении, стало создание и активное функционирование молодежной организации «Идущие вместе» (2000 -2007 гг.), деятельность которой (помимо основного направления – поддержки инициатив Президента РФ В.В.Путина) предполагала и мероприятия, направленные на формирование позитивного образа отечественной истории у молодых россиян¹⁰⁰.

Наиболее важным шагом, предпринятым государством в тот период (2000-20008 гг.) с целью вовлечения молодежи в процесс реконструкции национальной исторической памяти, явилось создание в 2005 году Молодежного демократического антифашистского движения «Наши». В деятельности движения историческая составляющая приобрела крайне весомую роль и была связана, главным образом, с сохранением памяти о Великой Победе 1945 года (акции «Наша Победа», «Подарок ветерану» и т.д.). В качестве одного из приоритетов работы МДАД «Наши» выделяется патриотическое направление, цель которого – приобщение российской молодежи к историческому наследию, сохранение национальной исторической памяти, реализация соответствующих образовательных инициатив. Продолжением тенденции вовлечения молодежи в политический процесс и попыток воздействия на её историческое сознание стал факт создания в различных субъектах Российской Федерации аналогичных региональных движений (пик этого процесса пришелся на 2006-2010 гг.), концепции которых базировались на сочетании идей формирования общероссийской национально-государственной идентичности и «регионального патриотизма». В то же время весьма очевидно обозначилась проблема эффективности таких организаций, действующих на региональном уровне (связанная, в том числе, с недостатком финансовых, организационных, информационных ресурсов)¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ Вместе с тем, следует отметить, что деятельность этой организации по историческому просвещению молодежи не получила массового характера и была отодвинута на второй план многочисленными конфликтами, в которые оказалась вовлечена данная структура.

¹⁰¹ Серьезная проблема состоит в том, что на сегодняшний день российская ста-

В то же время, нельзя не отметить, что инициативы создания подобных общественных организаций, как правило, исходили от соответствующих органов государственного и муниципального управления. При этом можно согласиться с мнением, что создание таких молодежных структур, как правило, преследовало более узкие задачи «оптимизации» контроля над молодежной средой, нежели цели формирования общероссийской идентичности, полноценного образа прошлого в политическом сознании молодежи.

На наш взгляд, наиболее продуктивным с точки зрения участия некоммерческих организаций в формировании интегрированного образа прошлого, политики памяти в постсоветской России, явился *современный – четвертый – этап (2009 – н.вр.)*. Именно в этот период вносятся важные изменения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях». В частности, в статье 31.1., используется понятие социально ориентированных некоммерческих организаций. Предполагается, что в число направлений работы последних могут входить деятельность по охране исторических памятников, «деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан Российской Федерации» (пп. 12 введен Федеральным законом от 02.07.2013 N 172-ФЗ); проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков защитников Отечества, установление имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества» (пп. 13 введен Федеральным законом от 14.10.2014 N 303-ФЗ)¹⁰².

Таким образом, в категорию социально ориентированных попадает целый ряд организаций, занимающихся сохранением

тистика не позволяет определить численность организаций, деятельность которых соприкасается со сферой исторической памяти и, тем более, ранжировать эти организации по численности, профилю деятельности и т.д. Естественно, такая ситуация затрудняет оценку эффективности «третьего сектора», его интегративного вклада в формирование единого пространства исторической памяти в России.

¹⁰² Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 №7-ФЗ (с изменениями на 29.04.2017) // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: <http://legalacts.ru/doc/FZ-о-неkommercheskih-organizacijah/> (Дата обращения: 29.04.2017).

локальной исторической памяти. Можно говорить о том, что создается потенциал формирования образа российской истории не в качестве монолитного конструкта-инварианта, макроисторической картины мира, состоящей исключительно из «больших событий» (память о которых институционализирована на государственном уровне: через СМИ, официальные мероприятия, образовательные программы), а как интегративной множественности «микроисторий», исторического наследия отдельных российских регионов.

В то же время активное развитие получают и общественные инициативы, связанные с продвижением российского образа истории, «политики памяти» на международном уровне. Так, например, активное развитие и широкое освещение получила деятельность Фонда Святого Андрея Первозванного и Центра национальной славы, который был основан в 2001 году. Миссией Центра является «обращение к исторической судьбе России, к людям и событиям, благодаря которым Россия приумножала своё национальное достояние и находила силы выстоять в самые сложные исторические периоды»¹⁰³.

На сегодняшний день «одной из краеугольных задач» деятельности Центра национальной славы является «восстановление духовного единства Русского мира, нарушенного революциями 1917 года и Гражданской войной»¹⁰⁴.

Можно констатировать, что сегодня, в 2010-е гг., роль негосударственных организаций в формировании национально-государственной идентичности российской молодежи существенно меняется. Эти изменения обусловлены как содержательным аспектом – необходимостью конструирования полномасштабного в когнитивном и символическом плане образа прошлого в «матрице» общероссийской идентичности, так и изменившимся характером информационно пространства современной России; в том числе, *особенностями политической социали-*

---

¹⁰³ См. например: Объединенный сайт Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы. URL: <http://cnsr.ru/o-fonde/istoriya/> (Дата обращения: 29.04.2017)

¹⁰⁴ Там же.

зации молодых россиян – *политического поколения «NET»*, носящей во многом «виртуальный» характер. И, что крайне важно, сегодня постепенно начинает вырабатываться наиболее приемлемый горизонтальный, диалоговый стиль государственно-общественного партнерства в сфере «политики памяти», тех её направлений, которые связаны с национально-государственной идентичностью.

***

Подводя итоги второй главы, представляется возможным сделать несколько выводов.

Во-первых, опыт СССР наглядно свидетельствует, что важным условием формирования полноценной национально-государственной идентичности является *стратегический характер и системность «политики памяти»*, выбор *оптимальной модели её институциональной организации*, обеспечивающий скоординированную деятельность всех ключевых субъектов политической социализации: пространств повседневности, массмедиа, системы образования, институтов культурной политики. При этом важным элементом политики памяти выступает позитивный и рельефный *«образ будущего»*, предполагающий наличие проективной составляющей – исторической «миссии» каждого политического поколения.

Во-вторых, ключевой тенденцией трансформации политики формирования национально-государственной идентичности в постсоветской России стал переход от конфликтных практик 1990-х гг. – «войн с собственным прошлым», к консолидирующей модели 2000-х гг., основанной на «продвижении» гражданских и патриотических ценностей. Появление признаков системности в реализации государственной «политики памяти» в 2009-2015 гг. связано с процессами институционализации её механизмов (Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам РФ), попытками предать ей характер стратегического приоритета развития общества (что выразилось, в частности, в объявлении 2012 года «годом истории» в России).

Вместе с тем, можно выделить ряд факторов, не позволяющих говорить о «политике идентичности» в России начала-середины 2010-х гг. как о полномасштабной стратегической деятельности. Прежде всего, это связано с тем, что формирование исторической памяти российского общества слабо соотносится с тем аморфным образом коллективного будущего, который сложился в политическом сознании граждан России.

В-третьих, роль культурной сферы, образования и медиа в становлении российской политики памяти и формировании национально-государственной идентичности в 1990-е–начале 2010-х гг. претерпела серьезные трансформации. На первом – «антисоветском» - этапе (1992-1994 гг.) она была связана с попыткой «десоветизации» массовых исторических представлений, которая предпринималась в условиях острого социально-политического кризиса, отсутствия у государства четкого понимания необходимости и, тем более, приоритетов политики памяти, ресурсов для её реализации. Второй – «поздний ельцинский» - этап (1995-2000 гг.) ознаменовался спорадическими попытками государства задействовать инструменты культуры и СМИ для выстраивания исторической преемственности «новой России» с досоветским «имперским» прошлым, стремлением отказать от радикально негативных оценок советской истории.

На третьем – «раннем путинском» - этапе (2001-2008 гг.) государство активно использовало культурный потенциал России, информационные возможности федеральных СМИ для начала формирования полноценных культурных и символических оснований общероссийской национально-государственной идентичности, консолидации общества вокруг позитивных компонентов национальной исторической памяти. На современном – «медведевско-путинском» - этапе (с 2009 г.) наметились тенденции активного участия государства в выработке и реализации «политики памяти», выстраивании когнитивного фундамента национального самосознания.

ГЛАВА III

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И «ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В данной главе предпринята попытка анализа наиболее существенных трансформаций национально-государственной идентичности и «политики памяти» в условиях политических, информационных и культурно-психологических вызовов начала XXI столетия. Естественно, многообразная, противоречивая, а порой и драматичная динамика современного «глобального мира» включает в себя множество ракурсов, всевозможных «подводных камней» и требует отдельного серьезного осмысления. Поэтому, автор, не претендуя на масштабную оценку тех глобальных изменений, свидетелями которых мы все сегодня являемся, сделал акцент на отдельных (как представляется, весьма значимых) аспектах глобальной «политической повседневности», воздействующих и на идентичность, и на массовые представления о прошлом.

При этом, затрагивая глобальные тенденции, автор стремился их рассмотреть не абстрактно, с «общечеловеческой» точки зрения, а в «привязке» к российской идентичности и национальным интересам нашей страны. Так, очевидно, что новые реалии XXI века прямым образом воздействуют на процессы становления исторической «картины мира» и национально-государственной самоидентификации российской молодежи – поколения «net», политическая социализация которого носит преимущественно «виртуальный» характер и протекает в пространстве Рунета.

Указанной проблематике посвящен первый параграф – *«Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века: специфика формирования и поиск исторических оснований»*.

Еще одной, весьма неприятной для нашей страны «инновацией» 2000-2010-х гг. стало резкое обострение «войн памяти» и «конкуренции за историю» на постсоветском пространстве.

Причем, если на первом этапе после распада СССР (1990-е гг.) стремление бывших «братских» советских республик демонстративно «отстроиться» от России, её исторического наследия воспринималось, скорее, как поиск ими собственной «уникальной» национальной идентичности, то сегодня речь идёт уже о системной и целенаправленной атаке *именно* на российскую национально-государственную идентичность. Цель такой многовекторной атаки - расколоть российское общество и в перспективе разрушить российскую государственность. Поэтому сегодня особый интерес представляют те модели исторической политики, которые выстраиваются на постсоветском пространстве. Многие из них в той или иной мере эксплуатируют «образ врага» в лице «исторической» и современной России. Данной проблеме посвящен второй параграф *«Формирование национально-государственной идентичности на постсоветском пространстве: «поиск себя» и «баталии за историю»*.

И наконец, третий параграф *«Россия и мир в новых условиях: на пути к «битве идентичностей»* посвящен тому системному и всеобъемлющему кризису национально-государственной идентичности, в который погружается «глобальный мир», а вместе с ним и наша страна. По существу, на наших глазах разворачивается масштабная политическая и культурная «битва идентичностей», в которой национально-государственной идентичности предстоит доказывать свое «право на жизнь» в третьем тысячелетии как перед натиском «виртуальной реальности» и порождаемых ею глобальных симулякров, так и перед всевозможными «восставшими из пепла» архаическими, этноконфликтными и локальными «образами будущего».

3.1. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века: специфика формирования и поиск исторических оснований

Проблема формирования национально-государственной идентичности российской молодежи получила достаточно подробное и разностороннее освещение в современной

политической науке¹⁰⁵. При этом за последнее десятилетие (конец 2000-х – середина 2010-х гг.) было опубликовано множество работ, затрагивающих различные ракурсы макрополитической, в том числе, национально-государственной, самоидентификации и становления исторической памяти в сознании молодых россиян. Эти работы анализировали указанную проблему с политико-психологической, социализационной, институциональной, социокультурной точек зрения. Автор данной монографии также внес свой скромный вклад в данный процесс, предприняв попытку политико-психологического анализа когнитивных, эмоциональных и ценностных компонентов национально-государственной идентичности молодежи в современной России¹⁰⁶.

В рамках этого параграфа хотелось бы сделать акцент, скорее, *не на текущих «результатах» формирования* национально-государственной идентичности молодых россиян, а на *изменяющихся на наших глазах условиях её формирования*, тех информационных и культурно-психологических «драйверах», которые радикально трансформируют процесс политической социализации молодежи и накладывают сильный отпечаток и на политическую «картину мира» в целом, и на восприятие прошлого, и на установки национального самосознания молодежи.

Общепризнанно, что одной из знаковых и системообразующих тенденций мировой политики начала XXI

---

¹⁰⁵ См. например: Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития. Сборник информационно-аналитических материалов/ под ред. В.Д.Нечаева. М.,2012. 158 С.; *Самсонова Т.Н.* Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. №1.; *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.2012. № 2. С. 37–51; *Молчанова О.А.* Политическая социализация в современной российской школе: политико-психологический анализ: Автореф. дисс ... кандидата политических наук: 19.00.12.М., 2007.175 С.; *Шестопал Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России. Полития. 2005. №4. С.48-49.

¹⁰⁶ *Титов В.В.* Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.2012.168 С.

столетия является информационной и социокультурная глобализация. Она представляет собой многовекторный процесс, который, с одной стороны, обусловлен радикальными изменениями, переживаемыми мировой социально-политической системой, экономическим и технологическим развитием общества, а с другой стороны, порождает уникальные «трансформационные эффекты», затрагивающие различные сегменты национальных политических культур. К числу таких «эффектов», воздействующих на социокультурные ориентиры и российского общества в целом, и, в особенности, российской молодежи, относится трансформация макрополитических идентичностей¹⁰⁷.

Очевидно, что в условиях во многом стихийных процессов культурно-информационной глобализации остро стоит проблема становления полномасштабной национально-гражданской идентичности российской молодежи, преодоления «ценностного вакуума», обусловленного множеством социально-экономических и политических потрясений, пережитых российским обществом на рубеже XX–XXI веков. При этом можно согласиться с мнением известного российского политолога *Татьяны Николаевны Самсоновой*, согласно которому для обеспечения позитивного развития российского общества (той самой «модернизации», которая была лейтмотивом политической повестки дня еще 5-7 лет назад) необходимо формирование устойчивой модели гражданской политической культуры молодого поколения. При этом данная модель должна найти своеобразный баланс между «старым» и «новым»: с одной стороны, опираться на российские исторические традиции, а с другой, содействовать поступательным преобразованиям в российском обществе в начале XXI столетия¹⁰⁸.

---

¹⁰⁷ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. М., 2004; *Семенов И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. №4.

¹⁰⁸ *Самсонова Т.Н.* Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. №1.

В исследовании процесса становления национально-государственной идентичности российской молодежи нельзя не учитывать ряд обстоятельств. Российская молодежь 2000-х годов, то есть, первое постсоветское поколение, а также его «предшественник», молодежь 1990-х (она сегодня уже перестала быть «молодежью»), была избавлена от «посткоммунистической травмы», поразившей старшие социально-демографические сегменты российского общества. Для молодых россиян существующие культурные и политические реалии – своеобразная «естественная среда», привычный социокультурный ареал обитания, в котором каждый «находит себя» в зависимости от амбиций, адаптивных способностей и выбранных стратегий поведения. Вместе с тем в 1990-2000-е гг. молодежь в полной мере испытала на себе отсутствие системной «политики идентичности» на государственном уровне. Как следствие - сохраняющийся ценностный и символический вакуум, многочисленные латентные идентификационные конфликты, пронизывающие политическое пространство современной России.

В конце 1990-х - начале 2000-х годов российский политический класс все более отчетливо стал осознавать необходимость целенаправленной государственной «политики идентичности» в молодежной сфере, то есть, долгосрочной организационно-управленческой, прогностической и проектной деятельности по формированию установок, символов и культурно-исторических оснований национально-гражданской идентичности молодых россиян. Очевидно, что такая политика возможна лишь в системном сочетании с «политикой памяти», направленной на кристаллизацию базовых элементов общероссийского «образа прошлого», который обладал бы весомым социально-консолидирующим потенциалом¹⁰⁹.

Размышляя о национально-государственной идентичности молодых россиян – первого «постсоветского поколения» - следует оговориться, что данная социально-демографическая группа довольно аморфна с политико-психологической точки

---

¹⁰⁹Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А.И. Костина. М., 2016. С. 231.

зрения. Как указывает Е.Б.Шестопал, «вопрос об определении границ поколений - это особая проблема, не сводимая к констатации паспортного возраста опрошенных. Дело в том, что стержнем поколенческой общности являются либо те или иные политические события, либо приверженность к некой совокупности политических ценностей и символов эпохи, вокруг которой формируется определенная идентичность. Исходя из такой трактовки политического поколения, очевидно, что физический возраст может не совпадать с поколенческим статусом: в одно поколение могут входить люди, родившиеся в разные годы, но объединенные общностью политического опыта, сознания и переживаний»¹¹⁰.

Приведенное выше мнение в полной мере отражает особенности современной российской молодежи, которая по формально-возрастным признакам может характеризоваться как «постсоветское политическое поколение», а с культурной и психологической точки зрения представляет собой многослойный конгломерат социальных «миров», демонстрирующих различные, нередко конфликтные по отношению друг к другу политические ценности, представления о прошлом, установки и модели политического поведения.

Как правило, современные исследователи выделяют два субпоколения российской молодежи¹¹¹: старшее, первичная политическая социализация которого пришлась на 1990-е годы и постсоветский кризис идентичности (25-34-летние) и младшее (18-24-летние россияне), соприкоснувшееся с политическими реалиями России в начале третьего тысячелетия, в период становления «путинской республики». Естественно, что указанные социализационные различия активно проявляются и сегодня, в середине 2010-х годов; в том числе, они заметны и в процессе самоидентификации – ответа на вопрос «кто мы?», формирования представлений о прошлом и коллективного образа будущего молодых россиян.

---

¹¹⁰Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России. Полития. 2005. №4. С.48-49.

¹¹¹Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России. Полития. 2005. №4. С.48-49.

Социокультурные различия между этими двумя генерациями молодежи – поколением «net» и поколением «Да» - иллюстрирует О.Н. Каменчук: «Мы делим молодых россиян на две группы: 18–24 лет и 25–34 лет. Первая – так называемая постподростковая группа, в которой – вчерашние школьники, по традиционным критериям еще не являющиеся взрослыми в полном смысле слова, но уже обладающие определенной социальной и экономической независимостью от своих родителей. Это вчерашние подростки, сегодняшние избиратели и однокурсники... Они все еще в поисках идентичности и индивидуальности... Во второй группе – теоретики, спешащие стать гуру в практике. Самореализоваться. Найти себя... Первые – смотрят и ищут, вторые – рисуют чертежи и начинают строить...»¹¹².

Как показала серия исследований 2012-2015 гг., в которых принял участие автор монографии¹¹³, процесс становления национально-государственного самосознания российской молодежи содержит в себе целый ряд внутренних противоречий и «конфликтных точек» (как собственно политического, так и культурно-психологического характера) и сталкивается с рядом серьезных трудностей. Например, очевидной проблемой, препятствующей формированию полноценной, основанной на внятном образе прошлого национально-государственной идентичности, является высокий уровень социального (именно социального, а не только политического!) абсентеизма российской молодежи. Это проявляется в стремлении избежать контакта с социальной реальностью в её широком понимании, ограничиться привычными и узкими «пространствами повседневности» (семья, друзья, социальные сети в интернете), в которых поколение «net» пытается обрести хотя бы частичную социальную субъектность¹¹⁴.

---

¹¹²Каменчук О.Н. Уже не дети, но еще не взрослые /НГ-политика // Новая газета. Официальный сайт. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-06-01/14_teenagers.html (дата обращения - 28.12.2016).

¹¹³грант Президента Российской Федерации «Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ». МК-7467.2013.6.

¹¹⁴Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.2012.168 С.

При этом весьма интересным является тот момент, что в политическом сознании молодых россиян, особенно старшей генерации 25-34-летних, обозначенной нами как условное «поколение ДА», отчетливо прослеживается установка на социальный патернализм, обращенный к государственной власти. Данная установка причудливо сочетается с поведенческим прагматизмом и тенденцией негативизации политической реальности («в России всегда всё было плохо»), в значительной мере подпитываемой «повесткой дня» Рунета¹¹⁵.

Естественно, что тенденция иррационального по своей сути «ухода» от политической действительности приводит к становлению в сознании российской молодежи достаточно специфической «гибридной» идентичности, которая может быть охарактеризована именно как *государственно-национальная*. При этом «государство» в данной конструкции, хотя и занимает приоритетное положение, но рассматривается молодыми россиянами во многом утилитарно, как «черный ящик», наполненный многочисленными ресурсами и обязанный «решать проблемы» всех вместе и каждого в отдельности, непрерывно «мотивировать» граждан на проявление активности в различных общественных сферах, включая политическое участие.

Немаловажно, что интернет-бум в России конца 2000- начала 2010-х гг. коренным образом изменил коммуникативные стратегии молодого поколения и привёл к окончательному «размыванию» старых идеологических (коммунисты, либералы, «путинское большинство» и т.д.) и появлению новых виртуальных политических идентичностей. Отличительной особенностью последних является выраженный динамизм, ситуативный характер, зависимость от полицентричной «виртуальной» повестки дня.

Заметная особенность формирования «новых» политических идентичностей молодых пользователей Рунета связана с преобладанием ситуативных реакций на политическую реаль-

---

¹¹⁵ Бродовская Е.В., Шумилова О.Е. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 5-18.

ность: в этих условиях идентифицирующим звеном, вокруг которого объединяется значительное число «юзеров», является некое знаковое событие. При этом оно может носить как политический, так и социальный характер, но всегда имеет некий резонансный подтекст: этнический, символический, социально-экономический. Как правило, ситуативно-событийная идентичность в Сети быстрее всего конструируется вокруг конфликтных, негативных событий (например, убийство И. Агафонова Р. Мирзаевым, многочисленные террористические акты и пр.). В этом случае «сетевая молодежь» объединяется вокруг образов зримых (например, как в «бытовых конфликтах с этнической окраской») или аморфных (как в случае террористических актов) «врагов», выполняющих функцию культурно-психологической активации негативной идентичности молодых «юзеров».

Аналогичную тенденцию преобладания негативных «виртуальных» самоидентификаций в молодежной среде отмечает Т.В. Евгеньева, анализируя идентификационные и ценностно-психологические основания политического протеста российских граждан в 2011-2012 гг. Она указывает, что протестная кампания в Рунете, которая начиналась с императивом «за» (честные выборы) очень быстро приобрела психологическую установку «против...»¹¹⁶. Однако попытка идентификации «несистемной оппозиции» на подобной идейной платформе в тот момент не имела успеха. Это было связано, в том числе, и с тем, что сама «оппозиционная идентичность» носила не только ситуативный («поствыборный синдром»), но и весьма аморфный характер (против многочисленных, но достаточно абстрактных, деперсонализированных «жуликов и воров»)¹¹⁷. В дальнейшем ситуативная идентификация российской молодежи активно проявлялась в ряде событий 2014-2016 годов, в частности, в акциях в поддержку действий российской власти в отношении Украины и Крыма.

---

¹¹⁶Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. №4. С.22-26.

¹¹⁷Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. №4. С.22-26.

Социально-политическая консолидация и, тем более, *национально-государственная идентификация молодых российских пользователей глобальной сети интернет* - процесс крайне неоднородный, разветвлённый, который может протекать по *нескольким культурно-поведенческим сценариям*. Их, на наш взгляд, можно объединить в три модели.

Первая модель «виртуального» конструирования национально-государственной идентичности молодежи – имитационная, построенная по принципу «быть как все». Она характеризуется неявными, эпизодическими признаками «поиска» собственного «мы», спорадической активизацией интереса к отдельным историческим событиям, их обсуждению, ограничивается пространством социальных сетей и в последнее время нередко связана с международным контекстом («Крым всегда был наш», «новая холодная война» и т.п.). При этом молодой «юзер» проявляет интерес к образам прошлого и российской идентичности нерегулярно, исключительно в пространстве социальной сети, как правило, среди своих сетевых «друзей» (комментарии, репосты, «лайки», обсуждение наиболее крупных акций). Типичные примеры такой подражательной активности в социальных сетях Рунета – «массовый протест» молодых столичных интернет-пользователей против террористических актов и действий террористов (например, после терактов в Париже 13 ноября 2015 г. и в Ницце 14 июля 2016 г.) или распространение «грамп-эффекта» в социальных сетях Рунета (интерес к «феномену Трампа» в целом, позитивные ожидания от его победы на выборах президента США, и наконец, его превращение в интернет-мем).

Вторая модель поиска национально-государственной идентичности, характерная в основном для 20-25-летних россиян, носит конфликтный характер: пользователь «погружен» в протестную социально-политическую проблематику, активно интересуется и политикой, и, нередко, историей, стремясь искать «исторические корни» российской идентичности через образ «чужих»; подгоняя соответствующую «когнитивную начинку» под собственные исторические представления и этнополитические стереотипы.

Немаловажно, что при определенных обстоятельствах,

резонансных событиях такой «борец за идентичность» готов к активному участию в массовых акциях политического протеста. Однако «выход в свет» и участие в «реальной» политической жизни - скорее исключение. Как правило, активность такого «юзера» носит преимущественно *проблемно-фокусированный характер*: в центре его интереса находятся один-два наиболее ярких исторических эпизода, события, персоналии, вокруг которых он пытается выстраивать собственную идентичность.

Третья модель «поиска» молодежью собственной национально-государственной идентичности – рефлексивная - является пока наименее распространенной и представляет собой попытку реконструировать масштабный, неконфликтный образ прошлого и выстроить индивидуальный образ будущего через призму развернутого, а не односложного ответа на вопрос «кто мы?» и «что мы можем?» в новых реалиях третьего тысячелетия.

Но, безусловно, становление такой модели, ориентированной на позитивные исторические основания и на рельефный, привлекательный «образ будущего», невозможно ни «онлайн», ни в «реале» без дальнейшей оптимизации государственной «политики идентичности». Причем речь идёт как о совершенствовании эмоционально привлекательного «контента»: набора общенациональных символов и «пантеона героев», так и в плане поиска новых, более эффективных культурно-психологических механизмов диалога с поколением «нет».

При этом, мы считаем, что в современных условиях всё более явно вырисовывается задача конструирования приемлемых форматов политической социализации молодежи («онлайн»), отказ от «клиповых» и «сериальных» схем коммуникации (которые, возможно и доказали свою эффективность с точки зрения конструирования поверхностно-символической идентичности, но явно недостаточны для выстраивания глубинных исторических оснований национально-гражданского самосознания российской молодежи).

Симптоматична следующая тенденция: сегодня интернет-пространство становится *ареалом поиска и актуализации социокультурных идентичностей*, мифологизированных по своей

природе и выступающих своеобразной «альтернативой» общероссийскому национально-гражданскому самосознанию. Так, показателен пример целого ряда сообществ, сложившихся в социальных сетях («Мещерская земля», «Эрзя? Эрзя! Объединяемся!» и др.), где активно обсуждаются вопросы истории и этнокультурной идентичности¹¹⁸. Лейтмотивом подобных дискуссий, как правило, является «древность» и «уникальность» конструируемой этнической самоидентификации, а нередко – и претензия на политическую самостоятельность (например, тема «за и против независимости Мордовии»)¹¹⁹. Представляется, что указанные тенденции «виртуальной» этномифологической самоидентификации, хотя и носят сегодня локальный характер, тем не менее, в среднесрочной перспективе могут рассматриваться как социокультурный вызов общероссийской идентичности.

Таким образом, в рамках противоречивого процесса *формирования российской нации* всё более актуальной задачей системы государственного управления становится использование возможностей Рунета для продвижения *позитивных гражданских ценностей* (патриотизм, политический активизм, ответственность за собственный политический выбор) и *конвенциональных моделей политического поведения* молодежи как «в сети», так и в «реальной» политической жизни.

Очевидно, что решение такой задачи лежит не только в области освоения государственными чиновниками «новых технологий» и форматов «виртуальной реальности», но и связано с психологической консолидацией российского общества на основе общих представлений о национальной истории. Сегодня же Рунет представляет собой неоднородную среду, в которой сосуществуют и «как-то» взаимодействуют не только разные коммуникативные форматы (вертикальные, горизонтальные, диагональные коммуникации), но и острая конкуренция политических установок, в целом сдержанное отношение к российской «власти» и «государству» со стороны «продвинутых юзеров» всех

---

¹¹⁸ См.: Социальная сеть «В контакте» // <https://vk.com/club83623>. (Дата обращения: 27.04.2017).

¹¹⁹ См.: Социальная сеть «В контакте» // https://vk.com/topic-83623_20044951 (Дата обращения: 27.04.2017).

возрастов и «политических ориентаций». Поэтому еще более отчетливо вырисовывается широкий спектр управленческих вопросов, связанных с необходимостью выработки и реализации развёрнутой и долгосрочной *«политики идентичности» в молодежной среде.*

Целью такой политики, проводимой, разумеется, не в режиме традиционного телевизионного «агитпропа», а в диалоговом формате, должно выступать формирование устойчивой к вызовам и рискам гипердинамичного «глобального мира» гражданской модели национально-государственной идентичности российской молодежи. При этом императив гражданственности необходимо рассматривать как целостный культурно-психологический конструкт, опирающийся на соответствующие ценности, смыслы и символы, способные консолидировать молодое поколение российских граждан.

В этих условиях резко возрастает роль политической социализации как ведущего инструмента конструирования национально-государственной идентичности молодежи. Как указывает Т.Н.Самсонова, в вопросах образования и воспитания в России всегда была велика роль государства¹²⁰. Приоритеты государственной молодёжной политики, системы образования и воспитания «должны быть направлены на формирование всестороннего развития личности, гармоничной личности, на воспитание гражданина России – зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к своей большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом с тобой» (из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина 3 июля 2014 года на заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям)¹²¹.

---

¹²⁰Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А.И. Костина. М., 2016.

¹²¹Стратегическое воспитание// Сайт «Газета. Ру». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/12/23/6356353.shtml> (Дата обращения: 1.05.2017).

Другой важный аспект становления национально-гражданской идентичности молодежи в условиях интернет-культуры (и «политической культуры Рунета» как её весьма специфического ответвления) обусловлен тем, что «старые» - *национально-государственные, региональные, этнические - идентичности испытывают все более жесткую конкуренцию со стороны «виртуальных» идентификационных конструкторов*, как правило, «глобалистских» по своей природе. Последние не «привязаны» ни к определенной территории, ни, что более существенно, к определенной ценностной доминанте, а имеют исключительно символическое наполнение, связанное с «модой на новое» или «хорошо забытое старое» (например, фанатом «Манчестер Юнайтед», почитателем продукции «Apple» или приверженцем идей «команданте Че» можно быть практически в любом уголке планеты!).

В связи с этим можно утверждать, что российская национально-гражданская идентичность молодых пользователей интернета оказывается, так или иначе, частично размытой под «двойным давлением», с одной стороны, транснациональных виртуальных идентичностей, а с другой – устойчивых «бытовых» сообществ (семья, друзья, группы в социальных сетях). Первые олицетворяют собой *имитационное начало*, «уход» от реальных социально-политических проблем. Во вторых молодой человек также *пытается найти психологическое «убежище»* и поддержку в условиях непрекращающегося экономического и геополитического «кризиса».

Как представляется, причиной очевидных трудностей формирования национально-гражданской самоидентификации (и кризиса «когнитивного фундамента» политического сознания) существенной части молодых интернет-пользователей является институциональная *слабость системы политической социализации* в постсоветской России, которая особенно проявлялась в 1990-х – 2000-х гг. То есть, частично совпала (если говорить о 2000-х гг.) с периодом «взросления» российского поколения «net», временем его вступления в социальную и политическую жизнь. В этих условиях интернет-реальность стала доминирующим источником знаний подрастающего поколения и молодежи

о политике, о российской истории, о противоречивых социокультурных реалиях российского общества¹²².

Сегодня пространство Рунета – это не просто «фабрика смыслов» (или «грёз», социальных симулякров!), не только life-style-online, но и многоуровневый «рынок» социокультурных идентичностей, на котором типичному представителю поколения «net» не обязательно примерять на себя национально-государственный статус «гражданина России», «русского», «жителя великой страны» и т.п. Он при желании может почувствовать себя во всем многообразии «модных» социальных симулякров, виртуальных культурных и политических статусов: от «язычника» до «сетевого хомячка» и «либерального анархиста».

Таким образом, сегодня, в середине 2010-х гг. процесс «продвижения» российской идентичности в Рунете и формирования полномасштабной исторической картины мира молодых россиян крайне затруднен в силу действия нескольких факторов. Остановимся только на двух из них.

Первый фактор – противоречивость когнитивного и символического «контента» российской идентичности. Очевидно, что «гражданская социализация онлайн» возможна исключительно в условиях существования внятного социально-исторического фундамента российской идентичности (смыслы, символы, ценности), коллективного образа «мы» в историческом пространстве «прошлое – настоящее – будущее». Поэтому в условиях слабости такого позитивного исторического основания - образов и традиций, призванных служить социокультурными и психологическими «скрепами» российской государственности – неизбежно возникает двуединая проблема «избытка эмоций», всевозможных «авторских» оценок и мнений и одновременно - смыслового вакуума вокруг российской национально-государственной идентичности.

Вторым фактором, ограничивающим возможности Ру-

---

¹²²См. например: Бродовская Е.В. Протестная активность москвичей. Опыт эмпирического исследования // Материалы 6-го Всероссийского конгресса политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия», М., 2011. С. 84.

нета по конструированию «матрицы» национально-государственной идентичности российской молодежи, является *динамизм виртуальной среды*; естественное преобладание в ней «текучих» идентичностей и *неустойчивых исторических представлений*¹²³. Иными словами, государство, его институты «не успевали» за сменой повестки дня и технологическими новинками Рунета.

Общепризнанно, что современное интернет-пространство – это многоуровневая конфигурация, в которой сосуществуют несколько темпоральных реальностей: виртуальное «политическое время» ускоряется, приобретает аритмичные оттенки, волнообразную, а часто и реверсивную направленность. Всевозможные образы прошлого (от канонической российской истории до «лихих 90-х», знакомых многим молодым пользователям не из учебников и не по рассказам родителей) то затмеваются логикой «текущего момента», то вновь актуализируются посредством «генетической памяти» и устойчивых межпоколенческих императивов массового сознания, присущих, в том числе, и молодым россиянам («Крым всегда был наш», «американцы – враги», «Западу нужны наши ресурсы» и т.д.).

Представляется, что упомянутые выше тенденции, хотя и не в полной мере, описывают проблемы формирования национально-государственной идентичности российской молодежи в начале XXI столетия, но, тем не менее, обозначают важные «болевые точки» этого процесса

Можно сделать вывод, что сегодня, в условиях информационной и социокультурной глобализации, национально-государственная идентичность молодых россиян оказывается во многом одномерным и когнитивно бедным конструктом. Формальная общероссийская самоидентификация, безусловно, существует как некая данность, но слабо влияет на стратегии социального и политического поведения молодого поколения. Следовательно, все более значимым фактором, который может способствовать формированию национально-гражданских установок в

---

¹²³ Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. В.Д. Нечаева. М., 2012. С. 26.

политическом сознании российской молодежи, является информационная составляющая «политики идентичности», выработка эффективных механизмов «продвижения» российской идентичности и связанного с ней образа прошлого в новых информационных и политических реалиях XXI века.

3.2. Формирование национально-государственной идентичности на постсоветском пространстве: «поиск себя» и «баталии за историю»

Еще одной острой проблемой, с которой столкнулась Россия в начале третьего тысячелетия, стала «борьба за историю, череды «войн памяти», развернувшихся на постсоветском пространстве. Вполне логично, что с распадом СССР все бывшие союзные республики, с большим или меньшим успехом, были вынуждены в процессе государственного строительства обратиться к поиску собственных моделей национальной идентичности и «политики памяти». Данные модели, которые начинают обретать зримые институциональные очертания уже к середине 1990-х гг., существенно различались по целому ряду содержательных параметров: смысловому и символическому наполнению, типу применяемых стратегий, ситуационно-политическому контексту. Все эти национальные различия, безусловно, ограничивают возможность систематизированного научного описания процессов формирования национально-государственной идентичности и многообразия «политик памяти» на постсоветском пространстве. Поэтому необходимо говорить, что анализ «постсоветской» политики памяти как целостного политического феномена – единого объекта исследования политической науки – не представляется возможным. Вместе с тем совокупность национальных «политик памяти» и «политик идентичности», возникших на осколках советской исторической «картины мира», имеет и ряд схожих черт. *Главная из этих черт – стремление самоутвердиться, эксплуатируя негативный образ «исторической» России.*

В первое постсоветское десятилетие эти попытки «списывались» на «комплекс младшего брата», свойственный элитам бывших союзных республик, на «тяготы» переходного периода и

стремление хоть как-то объяснить социально-экономический кризис собственным гражданам («всё забрала Москва»).

Однако в 2000-е гг. ситуация принципиально изменилась. Сегодня уже очевидно, что «политика памяти» большинства постсоветских государств - в лучшем случае, способ *легитимации правящих элит на основе антироссийских настроений* и одновременно *один из элементов экономического шантажа России*. Речь идёт о таких странах, как Казахстан, Беларусь, Таджикистан, лидеры которых виртуозно владеют мастерством «сидения на двух стульях», декларируя то «стратегический союз с Россией» и приверженность «евразийской интеграции», то периодически вспоминая о «многовекторности» собственной внешней политики и порываясь «уйти на Запад». А в худшем случае – это *прямой механизм социокультурной агрессии, геополитический инструмент «гибридной войны» против России в глобальном информационном пространстве* (Украина, Грузия, страны Прибалтики). Одна из приоритетных задач этих стран с их «идентичностями» и «образами прошлого» - *не созидать и совершенствовать собственную государственность, а играть роль «ледоколов» российской национально-государственной идентичности*, провоцировать конфликты и расколы в российском обществе. В данном ракурсе совершенно понятны и призывы депутатов Верховной Рады Украины переименовать её в «Киевскую Русь», и «карта Коломойского», и деструктивные макрорегиональные проекты наподобие «Слобожанщины», и болезненная реакция украинского руководства на возведение памятника князю Владимиру в Москве.

По нашему мнению, в этой ситуации Россия должна стремиться к тому, чтобы не только «отвечать» и «оправдываться», но и предлагать позитивный, неконфликтный образ прошлого, способный, насколько это можно, защитить интересы нашей страны, её граждан, а также всех русских, проживающих на постсоветском пространстве и культурно ориентированных на Россию.

Различные аспекты реализации «политики памяти» на постсоветском пространстве и формирования «постсоветских» моделей национально-государственной идентичности нашли

свое отражение в работах В.М. Капицына, А.И. Миллера, Г.А.Бордюгова, И.С.Шишкина и многих других ученых-историков и политологов¹²⁴.

В последние несколько лет к историкам и политологам активно присоединились представители других отраслей социогуманитарного знания (философии, социологии, культурологии), которые существенно расширили понятие «политики памяти» применительно к социально-политическим и социокультурным процессам, протекающим на постсоветском пространстве. Развернулась широкая дискуссия (в том числе, в Рунете) об исторической памяти и об отношении к советскому культурному наследию в различных государствах бывшего СССР. Как справедливо подчеркивает молдавский эксперт в области исторической политики И.С. Шишкин, «одним из последствий распада Советского Союза стало перемещение истории в эпицентр политики. На постсоветском пространстве «историческая политика» превратилась в высокоэффективный инструмент решения политических и даже геополитических задач. Практически во всех бывших союзных республиках уже более двадцати лет по ключевым историческим событиям *ведутся ожесточенные политические, а не исторические дискуссии. Они стали неизбежным следствием принципиально различного отношения оппонентов к будущему своих стран и народов...*» (курсив мой – Т.В.)¹²⁵

Вместе с тем необходимо отметить, что указанные «научные дискуссии» по-прежнему сохраняют не только теоретическую и практическую актуальность, но и психологическую остроту, поскольку «на протяжении двадцати лет после распада

---

¹²⁴ Капицын В.М. Политизация этнических идентичностей в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015; Миллер А.И. Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76-99.; Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011. 256 С.; Шишкин И.С. Историческая политика в странах СНГ. URL: Сайт «Регнум». <http://www.regnum.ru/news/1543271.html?forprint> (Дата обращения: 24.04. 2014 г.).

¹²⁵ Шишкин И.С. Историческая политика в странах СНГ. URL: Сайт «Регнум». <http://www.regnum.ru/news/1543271.html?forprint> . (Дата обращения: 24.04. 2014 г.).

СССР проблемы становления нового исторического сознания, связанного с обретением политической независимости, являются важнейшими для государств постсоветского пространства»¹²⁶.

В первую очередь, представляется важным обозначить ряд факторов, оказавших серьезное влияние на становление национально-государственной идентичности (и связанных с ней образов прошлого) в странах бывшего СССР в 1990-2000-е гг.

Первым серьезным фактором, препятствовавшим осуществлению «исторической политики идентичности» в республиках бывшего СССР, стал *системный социально-экономический кризис*, «переключивший» внимание населения от «высоких материй» к более насущным экономическим и социально-бытовым проблемам.

«Парадигма выживания», в рамках которой происходило развитие постсоветских обществ в начале и середине 1990-х гг., способствовала не только смещению фокуса внимания массового сознания от мотивов самоопределения («кто мы?» и «куда идём?») к «первичным» социально-бытовым потребностям, но и продуцировала ностальгические социально-политические настроения. Политические элиты постсоветских государств вынуждены были учитывать эти настроения в процессе выработки и реализации «политики памяти» и попыток формировать собственные модели национальной идентичности. Особенно отчетливо это проявлялось в официальной символике. Так, частичный возврат к советскому символическому наследию состоялся в Белоруссии в 1995 году: были «воскрешены» несколько модифицированные (лишенные «серпа и молота») советские флаг и герб. В 2000 году состоялось «возвращение» мелодии советского гимна в официальное символическое пространство Российской Федерации.

Вторым важным обстоятельством, также негативно сказавшимся на процессах выработки и реализации политики идентичности в постсоветских государствах, явился *внутренний раскол национальных элит*, институциональная разбалансированность систем государственного управления. И, как следствие,

---

¹²⁶Там же.

- сужение «горизонтов» политического планирования в условиях общей социальной неопределенности. К указанным факторам в ряде стран постсоветского пространства (Таджикистан, Грузия, Азербайджан до середины 1990-х гг.) также добавился фактический коллапс государственности как таковой. А в начале XXI «парализующее» воздействие на процессы выработки позитивных моделей национально-государственной идентичности в ряде постсоветских стран – Грузии, Украине, Киргизии, Молдове – оказала череда «цветных революций», когда на первый план вышел примитивный и доведенный до крайностей «образ врага» в лице России.

Третий фактор, негативно влияющий на процессы формирования национально-государственной идентичности – *многосоставность и фрагментированность постсоветских обществ*. В 1990-2000-е гг. особую сложность процессы формирования национально-государственной идентичности приобрели именно в «многосоставных» постсоветских республиках, отличающихся политико-культурной и этнополитической неоднородностью (например, Грузия, Украина, Узбекистан).

В условиях многочисленных внутренних противоречий, значительного конфликтного потенциала, накопленного еще в советский период и резко проявившегося с обретением этими государствами политического суверенитета, история стала рассматриваться элитами бывшего СССР не как ресурс государственного строительства на основе выработки консолидирующей идентичности, а исключительно как идеологический «ресурс войны», способ символического унижения политических оппонентов.

Следует подчеркнуть, что среди научных работ, затрагивающих проблемы исторической памяти и национального строительства в постсоветских странах, за исключением некоторых (А.И. Миллер, А.Р. Дюков, Г.А. Бордюгов), преобладает «кейсовый» подход, когда анализируется опыт исторической политики конкретного постсоветского государства. На наш взгляд, такой подход, хотя и не предоставляет возможности увидеть общую панораму «образа прошлого» на постсоветском пространстве в

целом, тем не менее, позволяет реконструировать наиболее значимые проявления исторической политики «постсоветского типа». Российские ученые обращают внимание на такие её особенности, как *непоследовательный и конфликтный характер*. При этом особо заметна привязанность исторической политики постсоветских государств к «нуждам» текущего момента, фактическое сжатие темпорального горизонта исторической политики, патологическое стремление найти «врага» в образе прошлого. Можно отметить, что все указанные особенности во многом закономерны и проистекают из логики незавершенного постсоветского транзита: повышенная конфликтность внутри политических систем постсоветских государств находит свое органическое продолжение в «матрицах» национально-государственной идентичности и связанных с ними «политиках памяти».

В связи с этим, особого внимания заслуживает такая *специфическая черта, как внутренняя конфликтность национальных моделей исторической политики в странах бывшего СССР, их символическая и смысловая разбалансированность*. «Конфликтные линии» исторической политики постсоветских государств являются следствием многочисленных идейно-политических размежеваний, как правило, поколенческого («старое поколение» и постсоветская молодежь), а нередко и геокультурного характера.

Российский историк Г.А.Бордюгов использует метафору «войн памяти» для описания «баталлий за историю», развернувшихся между государствами бывшего СССР¹²⁷. Более того, анализ постсоветских политических практик позволяет выявить также целый ряд *внутренних «войн памяти»*, имевших место в государствах бывшего СССР. При этом они могут носить как локализованный остроконфликтный, так и длительный институционализированный (с четким распределением «ролей» конфликтующих политических акторов) характер.

Так, опыт 2000-начала 2010-х гг. демонстрирует нам множество примеров «внутренних войн памяти» в постсоветских

---

¹²⁷ Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.,2011. 256 С.

странах. Примером *острого локализованного конфликта* могут служить события вокруг демонтажа памятника «Бронзовый солдат», развернувшиеся в апреле 2007 года в Таллине. Иллюстрацией *институционально оформленного внутреннего исторического конфликта* выступает серия острых дебатов в Украине, посвященная политическим оценкам Голодомора в 2006-2009 гг. В рамках «исторического диалога» о природе и направленности данного события, его роли в развитии украинской государственности, отчетливо структурировались две стороны: Партия регионов и её основные идейно-политические оппоненты – коалиция БЮТ и блока «Наша Украина», ориентировавшиеся при этом не только на мнение собственных «электоратов», но и со всей очевидностью отражавшие в ходе этих «дискуссий» геоисторический и социокультурный «раскол» украинского общества, глубокий кризис украинской государственности, который перерос в открытую фазу после так называемой «революции достоинства», ставшей спусковым механизмом вооруженного противостояния на Донбассе.

Второй специфической чертой исторической политики на постсоветском пространстве, которая отчетливо проявилась еще на ранних этапах nation-building в государствах бывшего СССР, является попытка *десоветизации символического компонента «пространств памяти» в постсоветских республиках*. Её выразительным воплощением стала тотальная смена существовавших официальных советских символов: показателен тот факт, что ни одна из бывших союзных республик не сохранила советскую государственную символику.

Ярким проявлением попытки «десоветизации» образов прошлого стала *«эпидемия» переименований* на пространстве бывшего СССР, которая носила всеобъемлющий характер. Меняли свои названия не только сами постсоветские государства (как правило, отбрасывая «рудиментарные» прилагательные «советская» и «социалистическая»), но и области, города, улицы и т.д.

Внутренние «войны памяти» в бывших союзных республиках велись «на просторах географии» весьма активно. В этом

плане показателен пример государств центральной Азии. Например, в Казахстане была произведена тотальная «казахизация» и одновременно «архаизация» топонимики: Актюбинск превратился в Актобе, Джамбул - в Тараз, Гурьев – в Атырау, Семипалатинск – в Семей (с тем обоснованием, что старое название негативно влияет на «инвестиционную привлекательность» города!!!) Целиноград был переименован в Акмолу, а затем – в Астану («Акмола» переводится как «белая могила», что сочли не очень подходящим названием для столицы государства!). В свою очередь, наиболее ретивые «коренные целиноградцы» уже неоднократно призывали переименовать Астану в Нурсултан в честь признания «особых заслуг лидера Нации». Попытка переименования «пограничного» Петропавловска в Кызылжар натолкнулась на массовые протесты и даже спровоцировала у ряда зарубежных экспертов «фантомные боли» по поводу возможности появления «Северо-Казахстанской народной республики».

Во многом аналогичные процессы можно наблюдать и в Таджикистане, где «символическая политика» добралась не только до истории с географией (так, высочайшая точка бывшего СССР Пик Коммунизма была в 1998 г. переименована в пик Исмаила Сомони, Ленинабадская область превратилась в Согдийскую, город Чкаловск стал Бустоном¹²⁸), но и до отдельных людей: президент Э.Рахмонов решил «отрезать русский суффикс «ов» и стал именоваться Рахмоном. В марте 2007 года он призвал к тому, чтобы «вернуться к нашим культурным корням и использовать национальную топонимику» ...Президент отметил: «Например, в различных документах, в том числе международных, мои имя и фамилию называют по-разному. Поэтому я хотел бы, чтобы меня называли Эмомали Рахмоном, по имени покойного отца»¹²⁹. Более того, «решением главы государства,

---

¹²⁸ Сидорчик А. Конец Чкаловска. Таджикистан изменил последнее русское имя города. 2.02.2016 // Сайт «АиФ». URL: http://www.aif.ru/realty/city/konec_chkalovska_tadzhikistan_izmenil_poslednee_russkoe_imya_goroda (Дата обращения: 1.05.2017).

¹²⁹ Президент Таджикистана отрезал от своей фамилии русское окончание 21.03.2007//Сайт «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/news/2007/03/21/name/> (Дата обращения: 1.05.2017).

ЗАГСам было запрещено регистрировать детей со славянскими окончаниями фамилий «ев» и «ов»¹³⁰.

В Грузии «войны памяти» были тесно переплетены с «войнами физическими»: грузино-осетинским и грузино-абхазским конфликтами. Так на карте Грузии появились «верхняя Абхазия» и «цхинвальский регион» («рабочее» название Южной Осетии, призванное хотя бы символически нивелировать её право на существование).

В Украине агрессивная «волна географических переименований» стартовала после победы «евромайдана» и принятия в мае 2015 г. закона «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». Среди наиболее заметных «символических акций» новой власти - переименование Днепропетровска в идеологически «нейтральный» Днепр и Кировограда – во вполне себе «националистический» Кропивницкий. Среди наиболее причудливых примеров украинской «декоммунизации» - смена названия поселка городского типа «Красный Лиман» на «Лиман».

Важно заметить, что «десоветизация» символического пространства в постсоветских республиках рассматривается современными учеными двойственно. С одной стороны, как во многом спонтанный процесс, в основе которого лежала некая «мода на новое», *конъюнктурная политическая кампания по избавлению от символов советского прошлого*, инспирированная правящими элитами бывших союзных республик с целью собственной легитимации. С другой стороны, очевидно, что процесс трансформации «коллективной исторической памяти» в государствах бывшего СССР способствовал генезису и новых, порой весьма причудливых и не имеющих ничего общего с «демократией» политических смыслов («новая Россия», «самостийность», «туркменский путь» и т.п.). Но одновременно – особенно отчетливо это проявлялось в 1990-х гг. – символическая «десоветизация» при-

---

¹³⁰ Баранов А. Неприметный геноцид. 2.02.2016 //Открытая электронная газета «Forum.msk.ru». URL: <http://forum-msk.org/material/politic/11405053.html> (Дата обращения: 1.05.2017).

вела к развитию когнитивного, эмоционального и символического «вакуума» национальной самоидентификации, *затяжным «войнам памяти» и внутри постсоветских государств, и между ними.*

Симптоматично, что специалисты в сфере постсоветской «политики памяти» обращают внимание на её выраженный *ренессансный характер, ориентацию на воссоздание связи с досоветским, порой даже архаическим прошлым.* При этом процесс такого конструирования связи с «исконной» историей неизбежно сопряжен не только с символическими трансформациями (замена советского символического пантеона «новыми старыми» государственными символами), но и с тотальной мифологизацией окружающего политического пространства, его негативизацией и поиском «исторических врагов» нации.

То есть, *третья специфическая черта «постсоветской» политики памяти (как условной совокупности разнородных «исторических политик» в государствах бывшего СССР) - её выраженный ренессансный характер, направленный на искусственное «оживление» политических символов и смыслов досоветского периода.*

Г.А.Бордюгов и В.М. Бухараев в исследовании «Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь» рассматривают тенденцию исторического «обращения к истокам» как одно из наиболее ярких проявлений «парада историографических суверенитетов», охватившего постсоветские государства¹³¹. Они отмечают, что «сразу после 1991 года повсюду проявились тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей...В Таджикистане отдельные учёные начали размышлять над причинами и последствиями того

---

¹³¹Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. «Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011.

«вольномудства», которое результировалось в негативистской саморефлексии: «мы ни то, и ни это, и ни третье». На Украине «болевой» оказалась проблема этногенеза украинцев и места в нем Киевской Руси, в Молдавии – запутанность исторических отношений основного этноса (молдаван) с Россией и Румынией, а в Армении заговорили о «карабахизации» своей национальной истории»¹³².

Феномен обращения к архаическим историческим нарративам, «нижним этажам» политической идентичности, её архаическим и мифологическим истокам, характерный для всех бывших советских республик, получил подробное освещение в работах российских политологов. Они фиксируют, что в условиях системного кризиса и распада советской государственности наиболее востребованным механизмом государственной «политики идентичности» во вновь возникших государствах выступала попытка компенсировать советскую коллективную память более ранними, часто отрывочными и слабо систематизированными историческими символами и представлениями. Следует подчеркнуть, что такая мифологизация прошлого весьма органично сочетается с тенденцией искусственного «удревнения» собственной истории, поиском архаических «корней» национально-государственной идентичности. При этом такие попытки предпринимаются в различных форматах – от гротескного (наподобие работы А.Чайченко «Укры-арии: исследование родословной украинцев», трудов С.Плачинды и т.п.) до «популярного» (фильм «Викинг», вышедший на российские экраны в 2016 г)¹³³.

Можно отметить, что в основе большинства стратегий «исторической политики идентичности», осуществляемых постсоветскими элитами, лежала идея поиска ранних (предшествующих советскому периоду, а в случае центральноазиатских республик – еще более ранних мифологических) «исторических кор-

---

¹³²Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. «Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011.

¹³³См. например: Чайченко О.О. Укри-арії: Дослідження родоводу українців. Воєнне видавництво України «Варта», 2003.: Плачинда С.П. Лебедя (Как и когда возникла Украина). Киев 2006;

ней», призванных легитимировать новые государственные образования, предать им хотя бы какой-то, пускай, и не всегда внятный исторический смысл в представлении собственных граждан.

Естественно, такая политика в большей мере ориентирована не на старшее поколение («бывших советских человек», которых «сложно перевоспитать»), а на молодежь. Это позволяет всё активнее использовать механизмы исторического образования в целях конструирования «правильных» - архаических, мифологизированных и антироссийских моделей национально-государственной идентичности.

Позволим себе привести лишь несколько фактов такого «вольного обращения» с историей в сфере образования. Как яркий пример использования архаических сюжетов для формирования национальной идентичности показательное содержание казахстанского учебно-методического пособия «Археология и этнология» (вышло в свет в 2008 г. в городе Павлодаре). В первой его части, которая называется «Казахстан в древности» (раздел 1.3. «Казахстан в эпоху камня»), говорится, в частности, что «образ жизни первобытного человека в Казахстане мало чем отличался от образа жизни в других странах Земли». Более того, *«древнейшие люди Казахстана были современниками питекантропа и синантропа»* (курсив мой – Т.В.)¹³⁴.

Как указывает ставший уже «классикой жанра» переписывания истории учебник «История Украины» для 7 класса (авторы – Р.Лях, Н.Темирова): «Древнейший период в истории украинского народа — древний — длился свыше 140 тыс. лет»¹³⁵.

Однако важно подчеркнуть, что использование исторического образования в целях конструирования национально-государственной идентичности и удобного власти «образа прошлого» далеко не всегда принимает характер откровенной и агрессивной фальсификации. Так, совершенно иной пример *позитивной мифологизации* можно найти и в учебнике «История Беларуси» для

---

¹³⁴ Малгаждаров К.А. Археология и этнология. Учебно-методическое пособие / отв. ред. Ж.О. Артыкбаев / Павлодар. 2008. 198 С.

¹³⁵ Лях Р.Д., Темирова Н.Р. История Украины. С древнейших времен и до XV в. Киев. 2000.

7 класса (2009 г., авторы Штыхов, Бохан, Краснова). Там, в частности, написано: «... что обозначает название «Белая Русь»? Единого мнения по этому вопросу у ученых нет... Согласно еще одной версии, Белой Русью называли ту часть территории нашей страны, которая в средние века *не была захвачена ни крестоносцами, ни татарами (курсив мой – Т.В.)*. Слово «белая» означало состояние свободы, независимости»¹³⁶.

Необходимо понимать, что процессы реконструкции ренессансных моделей «новой старой» идентичности в государствах бывшего СССР в 1990-е-2000-е гг. носили нелинейный, во многом аритмичный характер (сопровождались «ускорениями» и «откатами»), поскольку сталкивались с рядом серьезных ограничений, напрямую обусловленных кардинальными политическими и социокультурными изменениями на постсоветском пространстве.

Четвертая черта, пожалуй, наиболее характерная для процессов формирования национально-государственной идентичности в странах бывшего СССР, - *эксплуатация негативного образа «исторической» России*. Россия в её различных исторических формах («Московия», «Московская Русь», «Империя», «СССР», «Российская Федерация»). Россия во всех её ракурсах является своеобразным «отрицательным зарядом» политики памяти в бывших советских республиках, социокультурной и геополитической «осью истории» и одновременно «империей зла», вокруг которой, так или иначе, вращаются все постсоветские модели национально-государственной идентичности. При этом Россия – в лучшем (например, белорусском) случае «почти чужой», «дальний родственник», который «по старой привычке» вмешивается в дела соседей. В худшем – исторический враг и квинтэссенция «абсолютного зла», коим она предстает в медиапространствах Украины, Грузии и прибалтийских стран.

В начале XXI столетия «мягкие» формы отстройки от рос-

---

¹³⁶ Штыхов Г.В., Бохан Ю.Н., Краснова М.А. История Беларуси, 7 класс, Вторая половина XIII-первая половина XVI века.2009.

сийской идентичности получили широкое распространение в Беларуси, Казахстане, Армении. Своеобразными проявлениями такого «постепенного» размежевания с российской макрополитической идентичностью является название широко известной книги бывшего Президента Украины Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия»; высказывание Президента республики Беларусь А.Г. Лукашенко: «Мы – не русские, мы белорусские», распоряжение Президента Казахстана Н.А. Назарбаева о переводе казахского алфавита на латиницу¹³⁷.

Однако белорусские историки, в отличие от главы государства, позволяют себе более откровенную антироссийскую риторику, отводя России роль «агрессора», а Речи Посполитой – «жертвы». Так во вполне себе «респектабельном» (издательство Белорусского государственного университета, 2010 г.) учебнике «История Беларуси» для 8 класса (авторы Белозорович В.А., Крень И.П., Ганущенко Н.Н) в параграфе 13. «Война России с Речью Посполитой 1654 -1667 гг.» сказано: «грабежи и самоуправство российской администрации, вывод населения в плен вызвали массовое сопротивление. *По свидетельствам патриарха Никона* (!!! курсив мой – Т.В.), Алексей Михайлович планировал вывести около 300 тыс. человек из белорусских земель. Чаще всего забирали женщин и детей». Отдельную группу пленных составляли ремесленники. Так в Москве появились кузнецы, оружейники, замочники и другие мастера из белорусских городов. Историк Л. Абецедарский подсчитал, что в столице России в последней трети XVII в. белорусы составляли около 20 % населения»¹³⁸.

Более того, авторы пишут о некоем подобии «геополитического союза» Великого княжества Литовского и «Беларуси» против России: *На занятой российской армией территории Беларуси* (курсив мой – Т.В.) борьбу развернули крестьянские отряды самообороны... Уже в 1657 г. отряды самообороны взяли

---

¹³⁷Панфилова В. Переход Казахстана на латиницу – это сигнал для России. 13.04.2017//Независимая газета. Сайт. URL: http://www.ng.ru/cis/2017-04-13/1_6973_kazahstan.html (Дата обращения: 1.05.2017).

¹³⁸Белозорович В.А., Крень И.П., Ганущенко Н.Н. История Беларуси. Вторая половина XVI – конец XVIII в. 2010.

под контроль большую часть Могилевщины. К ним присоединялись мещане и шляхта, которая имела военный опыт. Антиросийские выступления были вызваны разочарованием населения ВКЛ в царской политике»¹³⁹.

Характерно, что в ходе описания Северной войны (1700-1721 гг.) и Швеция, и Россия рассматриваются с позиции «одинакового» и «абсолютного» зла для «белорусского народа»: «Тяжелая участь постигла и Могилев. В июле 1708 г. город был занят войсками Карла XII. Шведы разграбили город, сажали мещан «в подвалы, морили голодом, в холодную воду голых бросали, на балках под потолком подвешивали». А в сентябре пришли российские войска. По приказу Петра I Могилев был разрушен и сожжен, хотя военной необходимости в этом не было... Солдаты обеих армий чинили насилие и разбой. Из городов вновь начался вывоз ремесленников в Россию»¹⁴⁰.

Весьма интенсивно процесс конструирования образа «чужого» в лице России протекает и в Казахстане. Так, 6 декабря 2016 г. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев заявил: «... Во времена царской России все богатства из земли вывозились, а нам просто оставляли перекопанную землю и заставляли глотать пыль. У нас даже дорог внутри страны не было... Мы не должны глотать пыль за чужими странами, это не наш путь»¹⁴¹.

Казахские ученые, в свою очередь, также активно участвуют в формировании образа «врага» в лице если не России в целом, то «Москвы» как её политического центра, стремясь предать многим негативным аспектам советской политики этнический, исключительно «антиказахский» характер: «Под непосредственным контролем шефа МГБ Л. Берия (*Л. Берия никогда не руководил МГБ !!! – Т.В.*) под Семипалатинском был построен испытательный полигон для ядерного оружия, первое испытание которого произошло в 1949 г. Эти взрывы проводились в районах с

---

¹³⁹ Белозорович В.А., Крень И.П., Ганущенко Н.Н. История Беларуси. Вторая половина XVI – конец XVIII в. 2010.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Назарбаев: «Казахстан был колонией России». 6.12.2016 // Сайт «Регнум». URL: <https://regnum.ru/news/polit/2214315.html> (Дата обращения: 1.05.2017.).

преимущественно казахским населением (курсив мой – Т.В.), ставшим заложником преступной политики властей»¹⁴².

С точки зрения *институционального использования образа СССР-России как «исторического врага»* крайне показателен пример *современной Латвии*. Становление «политики памяти» в этой стране изначально протекало в рамках конфликтных этноцентричных установок, призванных решать как задачи политической легитимации «импортных» правящих элит¹⁴³, консолидации «титულიной» части латвийского общества вокруг образа «агрессивного чужого», так и служить инструментом сегрегационной политики «негражданства». В частности, как указывается в декларации «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г. *«все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии ... Руководство СССР целенаправленно наводило Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии»* (курсив мой – Т.В.)¹⁴⁴.

В современных условиях наибольший интерес представляет *«политика памяти» и конструирование национально-государственной идентичности в постсоветской Украине*. Такой интерес обусловлен как сложной ситуацией вокруг этой страны, так и важным геополитическим и геокультурным положением Украины на постсоветском пространстве. Необходимо признать, что глобальным конкурентам России к середине 2010-х гг. удалось через очередной «майдан» и военный конфликт на Донбассе решить важную геостратегическую задачу – «оторвать» Украину от

---

¹⁴² Кузембайулы А., Е. Аманжолулы А. История республики Казахстан. Астана, 1999. С.39.

¹⁴³ Примечательно, что политические элиты стран Прибалтики были в 1990-е гг. фактически «импортированы» из США и Канады. Так, президентом в 1999 г. Латвии стала гражданка Канады В.Вике-Фрейберга. Президентом Эстонии в 2006-2016 гг. был бывший гражданин США Т.Х.Ильвес. Президентом Литвы в 1998-2003 и 2004-2009 гг. – гражданин США, «лесной брат» и сторонник нацизма В.Адамкус.

¹⁴⁴ Декларация об оккупации Латвии. 22.08.1996.// Сайт «Клайпедская ассоциация российских граждан». URL: <http://www.klaipeda1945.org/russkoe-zarubezhje/deklaratsiya-ob-okkupatsii-latvii/> (Дата обращения: 1.05.2017).

России в политическом плане, превратить её в макрорегиональную «зону нестабильности», выстроить преимущественно негативный образ нашей страны в украинском обществе. Сейчас решается, причем весьма интенсивно, следующая задача – радикализация конфликта между нашими государствами в его *культурно-исторической плоскости*, в борьбе за «символическое наследие» Древней Руси, предполагающая состояние непрекращающейся «войны» российской и украинской национально-государственных идентичностей.

Как представляется, на первых порах «самостийности» концептуализация национальной исторической политики Украины в 1990-х - начале 2000-х гг. происходила достаточно инертно и ограничивалась изменениями в сфере «институциональной истории», которые затронули, в первую очередь, культурную составляющую и систему образования. Они характеризовались, главным образом, отсутствием внятных целей и опорой на «пошаговый подход», стремлением обойти «острые углы» прошлого и найти некий, весьма аморфный баланс между «пророссийским» юго-востоком и националистическими тенденциями на западе страны.

К факторам, ограничивающим возможности выработки консолидирующей «политики идентичности» в постсоветской Украине, следует, прежде всего, отнести социокультурное «размежевание» политического пространства Украины, наиболее ярко проявившееся в 1990-е гг. и сохранившееся в первом десятилетии XXI века (выразительное свидетельство этому – электоральная карта Украины, на которой отчетливо вырисовываются три макрорегиона: юго-восточный, западный и центральный приднепровский). Поэтому до 2014 года украинские политические элиты пытались решать задачу формирования историко-культурных нарративов национальной идентичности посредством частичного «моратория», поиска баланса между «образами прошлого», сформировавшимися в западном и юго-восточном макрорегионах страны. Эта «примирительная» линия, имитационная по своей сути, осуществлялась путём спорадического обращения к разноплановым мифологическим сюжетам и символам (Ярослав Мудрый, Владимир Святой, Данила Галицкий и др.).

Такая политика «лабиринтов» не привела к должным результатам, в полной мере доказала свою неэффективность, а лишь способствовала радикализации общества.

Логично, что результатом чередования «примирительных» и конфликтных импульсов в «политике памяти» на Украине стало конструирование двойственного смыслового и символического поля, в котором (как представляется, далеко не всегда органично) «соседствуют» Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа, Владимир Щербичий и Степан Бандера, проспект Т.Шевченко и улица С. Петлюры (в центре Киева).

Украинские политические элиты (под предлогом «многовекторной внешней политики») в 1990-е – начале 2000-х *сознательно* (и как показывают современные события – крайне безуспешно) пытались формировать *бинарное пространство коллективной исторической памяти, состоящее из двух «параллельных реальностей»: традиционалистского и национально-центричного восприятия прошлого*. Очевидно, что первое из них было предназначено для юго-восточных и частично центральных областей страны, а второе – для «символического потребления» жителями западных регионов.

Первое из указанных полей было основано на историко-мифологическом символизме Киевской Руси и идее Украины как её исторической «преемницы» (о чем призваны символизировать и Владимир Святой на «одногривенной» купюре, и орден Ярослава Мудрого и рассуждения о «колыбели» славянской цивилизации на страницах учебников истории), *Второе символическое поле* имеет принципиально иную, конфликтную конструкцию и базируется на императиве многовековой «борьбы» (начиная от Данилы Галицкого и заканчивая УПА) против многочисленных «агрессоров». Ключевым элементом данной «матрицы идентичности» стала «независимость через страдания», борьба со «злом» в лице России. Как отмечает украинский историк Г.Касьянов, «история Украины подается как более чем тысячелетний

«драйв» украинцев к собственной государственности (независимости) и борьба с внешними и внутренним врагами»¹⁴⁵.

А вспомогательным компонентом такой политики памяти стал уже упомянутый «культу страдания». Как отмечает А.Ю. Полунов, «характерной особенностью украинских учебников, подготовленных в соответствии с официальными установками, стала также виктимизация истории – акцент на непрерывных страданиях и бедствиях украинского народа, *источником которых фактически также почти всегда оказывалась Россия*» (курсив мой – Т.В.)¹⁴⁶.

Однако интересен взгляд на содержание украинской «политики памяти» и с несколько иного ракурса. В рамках исследования *«История Украины в интерпретации украинских учебников для средних школ»* доктор социологических наук З.В. Сикевич отмечает: «...История Украины, судя по содержанию учебников истории для 7 – 11 классов, в целом представляет собой идеологический конструкт, призванный формировать национальное самосознание, национальную гордость и, образно говоря, национальный дух. С этим учебники, на мой взгляд, справляются прекрасно. Эта тенденция естественна, и я бы сказала, что с ней украинские учебники справляются значительно лучше, чем русские»¹⁴⁷.

Серьезные изменения в сфере конструирования официальной украинской истории и украинской идентичности произошли в середине 2000-х гг. и были связаны с избранием Президентом страны В.А.Ющенко. Во-первых, можно констатировать, что в 2005-2010 гг. (период президентского мандата

---

¹⁴⁵ Ерман Г. Политика присваивает прошлое. Интервью с Г.Касьяновым // Интернет-журнал «Ліва». URL: <http://liva.com.ua/georgiy-kasianov.html> (Дата обращения: 1.05.2017).

¹⁴⁶ Полунов А.Ю. Власть, идеология и проблемы исторического самосознания: русское население Крыма в 2005-2010 гг. // Сайт «Око планеты». URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/232944-vlast-ideologiya-i-problemy-istoricheskogo-samosoznaniya-russkoe-naselenie-kryma-v-2005-2010-gg-ayupolunov.html> (Дата обращения: 1.05.2017).

¹⁴⁷ Сикевич З.В. История Украины в интерпретации украинских учебников для средних школ // Сайт «Росбалт». URL: http://img.rosbalt.ru/doc/File/sikevich_brest_1.doc (Дата обращения: 1.05.2017).

В.А.Ющенко) наблюдался очевидный всплеск государственного интереса к проблеме национальной идентичности, поиска её исторических оснований. Он проявился в целом ряде «символических» политических решений и действий, относящихся к сфере исторической памяти: праздновании «конотопской победы», попытке предать голодомору статус стержневого события украинской истории XX века, мероприятия по популяризации в массовом сознании УПА и её лидеров.

Подобная «реформа» политики памяти, проводимой на Украине, обозначила окончательный поворот от «примирительной» стратегии периода правления Л.Д. Кучмы к конфликтной модели формирования украинской национально-государственной идентичности именно как антироссийского конструкта. Первоначально стержневым элементом данной стратегии был призван стать «голодомор» как символ «советского тоталитаризма». Именно голодомор в 2006-2009 гг. стал играть роль не только «культы страдания», но и *универсального аргумента*, призванного иллюстрировать «*историческое притеснение*» украинского народа Россией: и «царской», и советской, и современной. То есть, фундаментальной «точкой опоры» украинской «политики памяти» сделался образ «исторического врага» в лице России, которая в зависимости от внутриукраинской политической конъюнктуры либо редуцировалась до «сталинского режима (при Януковиче), либо «расширялась» до масштабов «империи зла», которая «обречена на гибель», но, тем не менее, всё еще ведет многовековую «войну» против украинцев (на современном этапе).

Можно констатировать, что на сегодняшний день, спустя три года после «крымской весны» и начала конфликта на Донбассе, доказавших несостоятельность всевозможных конфликтных проектов «украинской идентичности» (построенных на эксплуатации «образа врага» в лице России, аморфного «европейского выбора», «десоветизации» и т.д.), правящие элиты Украины находятся в ситуации своеобразной идеологической развилки, предполагающей *два наиболее вероятных сценария*.

Первый сценарий предполагает *отказ от «проекта «Украина» как такового и «продвижение» мифологизированной*

«галицко-волынской» идентичности с существенными вкраплениями радикально-националистического «контента» (ОУН, УПА, Бандера, Шухевич и т.п.). Но такой поворот событий означает практически автоматическое отторжение исторического «центра» нынешней украинской государственности – территорий бывшей Малороссии и чреват дальнейшим распадом государства. Второй сценарий – наиболее опасный для России – попытка украинских элит выстроить «альтернативную русскую» национально-государственную идентичность, противопоставляя «европейскую державу» и «азиатскую империю», «колыбель древнерусской цивилизации» и «финно-угорские племена», «европейский выбор» Даниила Галицкого и «ордынский ярлык» Александра Невского.

Очевидно, каждый из двух обозначенных сценариев атаки на российскую историю и национально-государственную идентичность потребует от России адекватного и развернутого «ответа» не только в пространстве политических эмоций, но и посредством поиска новых позитивных смыслов и символов российского национального самосознания.

В заключении данного параграфа можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, практики осуществления «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в государствах бывшего СССР носили и отчасти продолжают сохранять во многом разбалансированный, аритмичный характер, обусловленный как противоречиями постсоветского политического транзита, так и внутренней фрагментацией «новых» постсоветских элит.

Во-вторых, среди наиболее заметных специфических черт «политики памяти постсоветского типа» необходимо особо обозначить: *архаизацию как попытку искусственного удревнения национальной истории через «привязку» себя к вымышленным «предкам» и «историческим фактам»;* выраженный ренессансный характер с элементами целенаправленной *мифологизации истории*, нацеленность на уничтожение советского символического наследия. К 2010-м гг. на постсоветском пространстве оформились различные по своим концептуальным основаниям

модели «политики памяти»: «примирительная», конфликтная национально-центричная (в центре которой лежит культивирование образа «врага»), поляризация общества, как правило, по этнолингвистическому признаку), *ренессансная архаическая*, в основе которой помещен набор этноцентричных архаических сюжетов.

В-третьих, «краеугольным камнем» конструирования национально-государственной идентичности, в странах бывшего СССР является целенаправленная и системная эксплуатация «образа чужого» в лице России. Этот образ, как правило, наделен негативными эмоциональными оттенками, базируется на тенденциозной «антироссийской» интерпретации исторических фактов и нередко «перетекает» в представление о России как геополитическом и социокультурном «враге».

3.3. Россия и мир в новых условиях: на пути к «битве идентичностей»

Знаковой тенденцией, характеризующей глобальные политические процессы в начале третьего тысячелетия, выступает кризис национального государства и национально-государственной идентичности, связанный с кардинальными изменениями геополитической и социокультурной динамики современного мира, глобализацией, развитием новых информационных технологий, обострением региональных конфликтов. Представляется, что трансформации международной «политической повседневности» отличаются тремя выразительными свойствами: нелинейностью; явной, переходящей в манифестный характер, информационной «презентативностью» и *кризисом национально-государственной идентичности*¹⁴⁸.

Нелинейность мирового политического процесса (и тянущегося за ним шлейфа геокультурных, экономических, макросоциальных трансформаций) – историческое явление, само по себе

---

¹⁴⁸ *Титов В.В.* Политическая и геокультурная панорама современного мира: «глобальный беспорядок» и «битва идентичностей» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 95-101.

не новое и, более того, скорее имманентное для «истории больших длительностей», «истории эпох». В нашем «случае» (начало XXI века) важно несколько другое, а именно - смена классической «вестфальской» конфигурации международных отношений на принципиально иные геостратегические императивы, на которых базируется вся глобальная политическая динамика начала третьего тысячелетия.

Следует подчеркнуть, что проблема кардинальных изменений мирового порядка была достаточно подробно проанализирована и российскими учеными, и их зарубежными коллегами. Признанными «классиками» такого анализа в западной политической науке выступают Э.Тоффлер (с идеями «шока будущего» и «метаморфоз власти»), Ф.Фукуяма (с несостоявшимся «концом истории») и С.Хантингтон с общеизвестной концепцией «столкновения цивилизаций». В российском социогуманитарном знании можно выделить работы А.И. Неклессы, А.В. Коротяева и М.Г.Делягина, которые (как представляется, более скрупулезно, чем их западные коллеги) анализируют проблему трансформации глобального политического порядка в его социокультурном измерении¹⁴⁹.

Вторая обозначенная тенденция – презентативность современной мировой политики – также заслуживает отдельного объяснения. В её основании лежит тотальная информатизация мировой политики, интенсивное развитие интернет-коммуникаций и связанных с ними медиа-форматов. Эпоха «социальных массмедиа» открывает широкие возможности для политической самопрезентации, в том числе, посредством резонансных протестных акций, агрессивных информационно-политических кампаний, в которые оказываются вовлеченными и целые государ-

---

¹⁴⁹Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М.,2001. 669 С.; Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.,2005. 592 С.; Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 2014. 576 С.; Неклесса А.И. *Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития*. М., 2001.; Коротяев А. В., Халтурина Д. А. и др. *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. М.,2010.; Делягин М.Г. *Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис*. М., 2008. 528 С.

ства, и иные - несистемные – акторы. В этих условиях значимость того или иного социально-политического события оценивается, как правило, сквозь призму его информационного фрейма. Политическая реальность все более проявляет себя как пространство информационных симулякров (политических мифов, псевдоидеологий, медиа-символов и т.д.), воздействующих на общественные процессы и социально-психологическое состояние людей.

Третья, на наш взгляд, наиболее значимая тенденция политической и геокультурной динамики современного мира - *кризис национально-государственной идентичности*, ситуация при которой последняя все более размывается под давлением транснациональных и субнациональных – этнических, региональных, локальных – установок самоидентификации. Как представляется, именно *национально-государственная идентичность* оказывается в современных условиях главным объектом многочисленных *информационно-политических и социокультурных атак* со стороны иных идентификационных «проектов», несущих с собой собственные представления о прошлом и о будущем¹⁵⁰.

Становление и активное распространение таких макрополитических «проектов», конфликтных по своей природе и претендующих на «особую глобальную миссию» (от глобализации и «европейской идентичности» до международного терроризма) приводит к своеобразной «битве идентичностей», которая приобретает планетарные масштабы. При этом парадоксальным образом и глобальный политический класс – «новые кочевники», и этносепаратистские движения, и транснациональный религиозный терроризм сегодня оказываются ситуативными союзниками в процессе разрушения национально-государственной идентичности как стержневого конструкта «вестфальской» системы международных отношений.

Проблематика глубокого кризиса национально-государственной идентичности, завершения Вестфальской эпохи, пере-

---

¹⁵⁰ Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис М., 2008. 528 С.

хода всей системы международных отношений в новое социокультурное качество, является достаточно популярной в современном научном дискурсе. Звучат разные точки зрения: от идеи планетарного хаоса, «битвы» локальных, этнических, религиозных идентичностей и следующего за ней «нового средневековья» до предсказаний ренессанса национального государства в качестве основополагающего субъекта мировой политики.

Такое частичное «возвращение» национального государства в мировую политику может происходить по различным сценариям. Например, согласно концепции дифференцированного лидерства многополярность – естественное порождение информационной глобализации; ситуации, когда глобальное доминирование оказывается «как бы рассеянным» по разным государствам и макрорегионам планеты. При этом предполагается, что военные, экономические, технологические, ресурсные, гуманитарные государства-лидеры отдельных регионов активно и позитивно взаимодействуют друг с другом в режиме многополярного «давосского мира», не утрачивая при этом собственного стержня в виде национальной идентичности.

Представляется, что одна из ключевых политико-управленческих опций так называемого «давосского консенсуса» - «charges power», власть цифр-графиков-экспертов, определяющих не только тональность глобальной политической повестки дня, но и долгосрочные векторы трансформации мирового политического и геокультурного пространства. Можно отметить, что механизмы рейтингового и «экспертного» воздействия на политические реалии современного мира достаточно часто попадают в фокус внимания публики. Это – всевозможные ранжирования стран по уровню демократии, свободы СМИ, коррупции, различные «мусорные» и «преддефолтные» рейтинги, прогнозы курсов валют, запасов нефти и т.д. Более завуалированный характер носит социально-культурная составляющая «политики рейтингов». Пожалуй, наиболее мягкий и известный её вариант – глобальные рейтинги университетов как отражение модернизационных либо деградационных трендов развития общества. Присутствуют, конечно, и множество других вариаций социокультурного ранжирования современного глобального пространства: от «качества

жизни» до «качества смерти» людей (существует и такой «рейтинг»!). Также, например, вызывает интерес рейтинг миролюбия, согласно которому в число относительно «миролюбивых» стран уверенно входят США и Катар, а одной из самых «немиролюбивых» является Россия (данные 2014 г.)¹⁵¹.

На наш взгляд, концептуальные положения «давосского мира» заслуживают критического анализа. Первый момент, который отчетливо обозначился уже на рубеже 2000-2010-х гг., связан с институциональной дезорганизацией: отсутствием правил принятия и механизмов реализации важнейших политических решений. Пример этому – деятельность G20, которая, не будучи внятно регламентированной в международно-правовом плане, окончательно перешла в режим «саммитов» и «консультаций», носящих преимущественно церемониальный характер. Естественно, форматы такого рода оказываются неработоспособными в глобальном масштабе и, более того, даже не исключают эпизодических силовых конфликтов между участниками самой двадцатки.

Второй момент связан с все более выраженной стихийностью мирового политического процесса, появлением неконтролируемых локальных и региональных игроков «четвертого мира», стремящихся конструировать *собственную геополитическую и геокультурную идентичность посредством «образа врага»*: через противостояние запад-центричному глобализму во всех его рельефных и неявных проявлениях.

Представителей этого самого «четвертого мира» не только «не пригласили» за стол переговоров, но и не рассматривают в качестве значимых субъектов даже макрорегионального уровня (характерный пример – внешнеполитическая линия западных стран в отношении Ирана). Или, более того, в принципе отказывают им в каком-либо политическом статусе (Рабочая партия Курдистана, Донецкая и Луганская народные республики и т.д.). В этих условиях именно периферия современного глобального мира становится тем самым «хвостом», который управляет

---

¹⁵¹Global Peace Index // Сайт «Vision of Humanity». URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/06/2014-Global-Peace-Index-REPORT_0-1.pdf (Дата обращения: 1.05.2017).

нерасторопной коллективной «собакой» - клубом «сверх» и «просто» держав, не способных к серьезным взаимным договоренностям. Все более отчетливо вырисовывается своеобразный «*эффект бублика*» - ситуация, когда именно *разобитая глобальная периферия* всё более активно конструирует собственные «матрицы идентичности» и тем самым во многом определяет мировую политическую повестку дня. А «лидеры» мирового политического процесса – *только пассивно реагируют на неё*, параллельно подменяя собственную национально-государственную идентичность аморфной транснациональной риторикой.

Естественно, наиболее яркими примерами агрессивного давления «четвертого мира», его радикализирующегося исторического и религиозного самосознания на «западную макроцивилизацию» с её аморфной «толерантной» идентичностью является деятельность международных террористических организаций, две из которых – «Аль-Каида» и «Исламское государство» - оказались в центре мировой политики начала XXI века. Эти террористические структуры стали не только военно-политическим, но и *ценностным, смысловым, психологическим вызовом разрозненному «мировому сообществу»*; прежде всего, той его части, которая *формально идентифицирует себя как «западно-христианская» цивилизация*.

Альтернативная «давосскому миру» концепция предполагает возврат к традиционной для XVII–XX вв. «вестфальской» геополитической конфигурации - «концерту держав», периодически тяготеющему к блоковой биполярности (Габсбурги VS британо-франко-протестантская коалиция в ходе Тридцатилетней войны; британо-российская «битва за Азию» во второй половине XIX века; Холодная война и т.д.). Подобная идеология в её умеренном воплощении нашла отражение в метафоре «одно – многополярного мира», предложенной С.Хантингтоном¹⁵².

Её суть состоит в сосуществовании глобального геостратегического лидерства Запада и наличия макрорегиональных лидеров, стремящихся контролировать собственные ареалы.

---

¹⁵² См. например: *Арин О.А.* Мир без России. История XXI века. М., 2002. 473 С.

Например, для Китая, согласно мнению западных ученых и аналитиков, таким «естественным» ареалом доминирования выступает юго-восточная Азия, для России – постсоветское пространство и т.д. Фактически указанная концепция так же, как и модель «давосского консенсуса», базируется на идее ограниченного национального суверенитета, жесткого и *целенаправленного подавления национально-государственной идентичности* транснациональными структурами. При этом макрорегиональные державы, хотя и сохраняют видимое «право на идентичность» (и отчасти право на «экспорт идентичности» в близлежащие страны), тем не менее, вынуждены признать вторичность собственной национально-государственной идентичности, национального исторического наследия перед глобалистскими устремлениями евроатлантизма.

По нашему мнению, обе указанные концепции «мирового порядка» - и «давосский мир», и «одно-многополярный мир» - при всех их разночтениях, достаточно однобоки по своей сути, поскольку прямо предполагают не только ущемление государственного суверенитета, но и системный вызов национально-государственной идентичности, которая фрагментируется и нивелируется до мемориального уровня, тем самым, утрачивая собственную политико-культурную актуальность в режиме «здесь и сейчас». По существу, оба подхода подчеркивают, что в политических реалиях XXI века *национально-государственная идентичность прекращает играть роль стержневого элемента позитивной политической мобилизации*, уступая место либо глобалистскому «концу истории» («Европе без границ», всевозможным «трансатлантическим» и «восточным» партнерствам), либо «*столкновению цивилизаций*» и «войне религий».

В связи с этим существенный интерес представляет иной подход, получивший свое отражение в концепции «нового средневековья». Впервые идея «новых средних веков» была четко сформулирована российским мыслителем Н.А.Бердяевым¹⁵³. Однако в современной научной литературе она получила несколько

---

¹⁵³Бердяев Н.А. Новое Средневековье. М.,1991.84 С.

иное звучание. Так, один из видных представителей данного подхода У.Эко в работе «Средние века уже начались» пишет: «...Что же нам нужно, чтобы создать хорошие Средние века? Прежде всего, огромная мировая империя, которая разваливается, мощная интернациональная государственная власть, которая в свое время объединила часть мира с точки зрения языка, обычаев, идеологии, религии и технологии и которая в один прекрасный момент рушится ... Потому, что на границах насаждают «варвары», которые необязательно необразованны, но которые несут новые обычаи и новое видение мира. Эти «варвары» могут врываться силой... Или могут просачиваться в социальную и культурную материю господствующей мировой империи, распространяя новые верования и новые взгляды на жизнь»¹⁵⁴.

На наш взгляд крайне важно понимать, что результатом такого антропологического процесса является не только дегуманизация социокультурного пространства и архаизация пространства политического. «Новое средневековье», особенно в первой своей стадии (аналогом которой в истории являются «темные века») – это еще и исчезновение всяких макросоциальных смыслов, *распад макрополитических, в том числе, национальных идентичностей*, утрата связи с прошлым, ситуация тотальной конфликтности. Следствием этого является вялотекущая война «всех против всех», *социокультурная инволюция* - частичная потеря интеллектуального и технологического наследия прошлого. В этих условиях национальное государство, его идентичность, образ коллективного «мы», оказываются фактически уничтоженными своеобразным «антропологическим цунами», несущим за собой разрушение политических и культурных основ различных цивилизаций, и в особенности, евро-христианской цивилизации.

В начале XXI столетия политические элиты Запада получили целый ряд стратегических вызовов со стороны иных цивилизационных проектов – как конструктивных (Россия, Китай, европейские «новые правые»), *направленных на «реанимацию» национального государства и национально-государственной*

---

¹⁵⁴Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература 1994 № 4 С.258-267.

идентичности, так и абсолютно деструктивных, в виде так называемого «Исламского государства», уже не ограничивающегося притязаниями на «Ирак и Левант» и претендующего на статус «халифата».

Особое место в этом ряду занимает символический «парад суверенитетов» на европейском субконтиненте с его «правом на самоопределение» Шотландии и Каталонии. Такие процессы, хотя и выглядят мягкой, неагрессивной формой поиска собственной национальной идентичности в многомерном политическом и социокультурном пространстве «европейских ценностей», тем не менее, четко олицетворяет тенденцию отказа от идеологии глобализма и «евроинтеграции» в её радикальном измерении.

Системный кризис национально-государственной идентичности государств «единой Европы» ярко проявляется в их непоследовательных, хаотических ответах на вызов исламистского терроризма: от отправок авианосца «Шарль де Голль» для уничтожения террористических формирований Исламского государства и призывов «топить суда», перевозящие мигрантов, до готовности впустить «этих людей» к себе в дом в прямом смысле слова (о чем, например, публично заявил премьер-министр Финляндии Ю.Сипиля)¹⁵⁵.

В завершение можно отметить, что культурно-политический, а во многом и антропологический вызов, брошенный коллективному Западу со стороны «дивного нового мира» - конгломерата архаических, этнических, религиозных, виртуальных идентичностей - пока остается без ответа. Политическая карта современного мира пришла в движение вслед за кардинальными и во многом хаотическими трансформациями цивилизационного характера.

Такие трансформации не только уничтожают доминирующую роль «евроатлантизма» на планете, порождают множество серьезных политических и социокультурных рисков глобального уровня, но и носят отчетливый неуправляемый - «вихревой» - характер, способствуя *кризису национального государства, размыванию*

---

¹⁵⁵Премьер Финляндии предложил предоставить свой дом мигрантам.05.09.2015. // «ТВ-Центр». Официальный сайт. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/75868> (Дата обращения: 1.05.2017).

традиционных ценностей и национальных «образов прошлого» в планетарном масштабе. В этих условиях тотального размывания национально-государственной идентичности все более значимое место принадлежит политическим симулякрам, удачной «презентации» в мировом информационном пространстве, шокирующей информационно-символической «картинке», которая (как это было 11 сентября 2001 г. и 13 ноября 2015 г. после терактов в Нью-Йорке и Париже) способна серьезно поменять векторы и содержание всей мировой политики.

***

В заключении третьей главы монографии можно сделать ряд выводов.

Во-первых, сегодня национально-государственный компонент политического сознания молодых россиян, сталкиваясь с многочисленными политическими, информационно-психологическими и культурными вызовами, оказывается во многом аморфным: гражданская самоидентификация присутствует как преимущественно формальный статус, но имеет весьма зыбкую когнитивную основу, опирается на противоречивые представления о прошлом и слабо влияет на стратегии политического поведения молодого поколения. Следовательно, все более значимым фактором, который может способствовать формированию национально-гражданских установок у российской молодежи, является информационная составляющая «политики идентичности», выработка эффективных механизмов «продвижения» российской идентичности и связанного с ней образа прошлого в новых информационных, технологических и политических реалиях начала третьего тысячелетия.

Во-вторых, практики осуществления «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в государствах бывшего СССР носили и отчасти продолжают сохранять во многом разбалансированный, аритмичный характер, обусловленный как противоречиями постсоветского политического транзита, так и внутренней фрагментацией «новых» постсоветских элит. Среди наиболее заметных черт «политики памяти постсоветского типа» необходимо особо обозначить: *арханизацию как попытку искусственного удревления национальной*

истории; её мифологизацию, выраженный ренессансный и конфликтный характер формирования национально-государственной идентичности, а также институциональную противоречивость и разбалансированность «политик памяти» на постсоветском пространстве.

При этом стержневым элементом конструирования национально-государственной идентичности в странах бывшего СССР является целенаправленная и системная эксплуатация «образа чужого» в лице России. Этот образ, как правило, наделен негативными эмоциональными оттенками, базируется на тенденциозной «антироссийской» интерпретации исторических фактов и легко трансформируется в восприятие России как «исконного», «исторического врага».

В-третьих, всё более заметной тенденцией мировой политической динамики в начале XXI века становится социокультурная «битва идентичностей»: столкновение глобалистского «западного» проекта, «вестфальской модели», опирающейся на традиционные национально-государственные идентичности, и конгломерата «новых» и «новых старых» этнических, религиозных, виртуальных идентичностей. Такие «метаморфозы самознания» не только сводят на нет доминирующую роль «евроатлантического тренда» на планете, порождают множество серьезных политических и социокультурных рисков, но и носят отчетливый неуправляемый характер социокультурного и антропологического «вихря», способствуя кризису национального государства, размыванию традиционных ценностей и национальных «образов прошлого» в планетарном масштабе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку в конце каждой из трех глав монографии представлены основные выводы, хотелось бы не повторяться, а уделить внимание тому «следу в истории», который оставляет текущий 2017-й...

Сегодня, во второй половине 2010-х гг. можно говорить о том, что существует российская национально-государственная идентичность, которая проявила «живучесть», несмотря на все эксперименты 1980-2000-х гг. Есть молодежь, которая не скрывает и не сдерживает собственного патриотизма и являет нам удивительный (вернее, на первый взгляд, удивительный!) симбиоз, когда типичный «юзер поколения net» и участник «Бессмертного полка» - один и тот же молодой гражданин России. Есть среднее поколение 30-60-летних, которое, может быть, мыслит более прагматично и погружено в социально-экономические проблемы, но уже массово не проклинает «эту страну». И есть «те, кому за...», которые тоже «приняли» Россию и не требуют, чтобы «было как при дедушке Брежнев».

Но есть и проблемы. Первая – когнитивная слабость образа прошлого в «матрице» российской национально-государственной идентичности, аморфность массовых представлений о прошлом, попытки выстроить их «по принципу шахматной доски», механически соединяя «черное» и «белое» (Колчак был фигурой противоречивой, полярный исследователь, верховный правитель ...), «Сморгонь» - великое событие, а «Забытая война» – вроде, как и «не наша» и т.п.). Этот подход позволяет избежать конфликтов, но априори обрекает образ российского прошлого на фрагментарность. Как преодолеть эту фрагментарность, не погружившись в пучину конфликтов – пока не вполне понятно.

Вторая проблема середины 2010-х – российскому государству, системе образования только предстоит учиться *технологиям политической социализации – онлайн*. В противном случае оно проиграет «конкуренцию за идентичность» бурно растущей «виртуальной реальности». Реальности, в которой при стечении

ряда негативных обстоятельств вполне может не быть места ни российской истории, ни российской национально-государственной идентичности, ни российскому образу будущего.

Весна 2017-го.... Кто-то празднует наступление весны, кто-то - события, случившееся сто лет назад, «великую революцию». Кто-то, наоборот, проклинает «октябрьский переворот» со всеми «революционерами» вместе взятыми и поминает «Россию, которую мы потеряли».

А вокруг...

Меняются президенты США, Британия марширует по пути BREXIT, боомонд обсуждает наряды Мелании Трамп. Французы устроили самые скандальные выборы в собственной истории. Германия в очередной раз пытается «препоручить» мигрантов Турции. Турция отбивается от них «как от прокаженных». Украинские депутаты рассказали, как сто лет назад Украина «отвоевала» у России Донбасс и Крым и потребовали «вернуть Кубань».

И в это время ... Христианская цивилизация: и европейская, и, я уверен, в ближайшей перспективе российская, находится перед лицом двух системных вызовов: чудовищного социокультурного цунами и социально-бытового землетрясения одновременно.

Первое – это миграционный поток фундаменталистов и радикалов, которые уже объясняют жителям Кёльна, Мальмё, Ниццы и ряда других европейских городов «кто в доме хозяин» (не верите: привет Люку Бессону и смотрим «13 район»!). Второй катаклизм – всплеск «виртуальных идентичностей», нередко приводящий к полному «одиночеству в сети» (спросите у «китов»). И этот механизм не менее опасен, поскольку выступает – как своеобразный вирус, культурно-психологический СПИД, призванный измельчить и нивелировать общественный иммунитет: ценности гражданственности, патриотизма, семьи, разрушив тем самым и устои государственности, и нормы традиционного общества, способного к воспроизводству и выработке позитивных императивов социального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Айзенк Г.* Структура личности. М., 1999. 463 С.
2. *Аникин Д.А.* Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 126-131.
3. *Арин О.А.* Мир без России. История XXI века. М., 2002. 473 С.
4. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 С.
5. *Ахременко А.С.* Политический анализ и прогнозирование. М., 2012. 479 С.
6. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. М., 2004.
7. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. 176 С.
8. *Бек У.* Что такое глобализация. М., 2001. 304 С.
9. *Белозорович В.А., Крень И.П., Ганущенко Н.Н.* История Беларуси. Вторая половина XVI – конец XVIII в. 2010.
10. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
11. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье. М., 1991. 84 С.
12. *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI. 2011. 256 С.
13. *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* «Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011.
14. *Бродель Ф.* Пространство и история. М., 1994, 406 С.
15. *Бродовская Е.В.* Протестная активность москвичей. Опыт эмпирического исследования // Материалы 6-го Всероссийского конгресса политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия», М., 2011. С. 84.

16. *Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В.* Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 283–296.
17. *Бродовская Е.В., Шумилова О.Е.* Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 5-18.
18. *Бушуев В.В.* Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации //Ценности и смыслы.2012. №4. С.119-128.
19. *Бушуев В.В.* Роль исторической политики в процессе реализации государственного внешнеполитического курса // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. № 4. С. 30-39.
20. *Бушуев В.В., Титов В.В.* Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. №4 . С. 80-82.
21. *Вяземский Е.Е.* Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России //Проблемы современного образования. 2011. № 6. С.89-97.
22. Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития / Отв. ред.: И. С. Семененко. Т. 2. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
23. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке //Политическая наука.2016.№2. С.38-73.
24. *Гаман-Голутвина О.В.* Реальность и мифы современной отечественной политической культуры //Полис. Политические исследования. 2016.№3. С.153-159.
25. *Гаман-Голутвина О.В.* Политология как метадисциплинарная матрица // Международные процессы. 2016. Т14.№1.С.86-94.

26. *Глебова И.И.* Образы прошлого в структуре политической культуры России / Автореф. дисс...доктора политических наук. М., 2007.
27. *Делягин М.Г.* Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис М., 2008. 528 С.
28. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 С.
29. *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 213–244.
30. *Дробижева Л.М.* Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. №5. С. 5–23.
31. *Евгеньева Т.В.* Формирование национально-государственной идентичности: проблемы, опыт, перспективы /Т. В. Евгеньева, С. В. Иванова, В. В. Ильина и др.//Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 7-35.
32. *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004.
33. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Становление национально-государственной идентичности молодежи в контексте вызовов модернизации / Ежегодник Российской ассоциации политической науки "Модернизация и политика: традиции и перспективы России». М., 2011.
34. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи //Полис: политические исследования..2010.№4.С122-134.
35. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22–27.
36. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к про-

- шлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 158-167.
37. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25-39.
  38. *Зуева Т.М., Шкилёва Е.М.* Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С.15-20.
  39. *Ильин В. В., Ахизер А. С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.,1997, 384 С.
  40. *Капицын В.М.* Политизация этнических идентичностей в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015.
  41. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.,2000.864 С.
  42. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 С.
  43. *Коротаев А. В., Халтурина Д. А.* и др. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.,2010.
  44. *Кредер А.А.* Новейшая история. XX век. М., 1996. 320 С.
  45. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. 376 С.
  46. *Люббе Г.* Историческая идентичность //Вопросы философии.1994.№4. С. 108-115.
  47. *Лях Р.Д., Темирова Н.Р.* История Украины. С древнейших времен и до XV в. Киев. 2000.
  48. *Малгаждаров К.А.* Археология и этнология. Учебно-методическое пособие / отв. ред. Ж.О. Артыкбаев / Павлодар. 2008. 198 С.
  49. *Малинова О.Ю.* Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. Т. 1. № 10 (10). С. 156-166.
  50. *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической

- идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.
51. *Малинова О.Ю.* Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилок //Полис: политические исследования. 2015.№4. С.12-21.
  52. *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.2012.№ 8.С. 179–204.
  53. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. М., 2003. 528 С.
  54. *Миллер А.И.* Политика памяти в России: год разрушенных надежд. Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014.№ 4 (75).С. 49-57.
  55. *Миллер А.И.* Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76-99.
  56. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития. Сборник информационно-аналитических материалов/ под ред. В.Д.Нечаева. М.,2012. 158 С.
  57. *Молчанова О.А.* Политическая социализация в современной российской школе: политико-психологический анализ: Автореф. дисс ... кандидата политических наук. М., 2007.175 С.
  58. *Морозова Е.В.* Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление.2012. №1. С.60-66.
  59. *Нагорная О.С.* «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества / Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии / Сборник статей. Челябинск, 2004. С.228-241.
  60. *Некlessа А.И.* Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития. М., 2001.
  61. *Нойманн И.* Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 С.
  62. *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. Новосибирск. 2001.

63. *Плачинда С.П.* Лебедея (Как и когда возникла Украина). Киев. 2006.
64. *Попова О.В.* Эффективность политики идентичности современного полиэтничного государства // Политическое пространство и социальное время. 2016. С. 157-159;
65. *Самсонова Т. Н.* Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2013–2014. Т. VII. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю.М.Резника и М.В. Тлостановой. 2015. Т. 7. С. 231–239.
66. *Самсонова Т. Н.* Гражданское образование в России и США: сравнительный анализ // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 3-4 (79-80). С. 123–132.
67. *Самсонова Т.Н.* Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. №1.
68. *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С.37-51.
69. *Самсонова Т.Н.* Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А.И. Костина. М., 2016. С. 231.
70. *Самсонова Т.Н., Гурылина М.В.* Основные тенденции политической мобилизации и политического участия граждан в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 41–46.
71. *Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис: политические исследования. 2016. №4. С.8-28;
72. *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11. С 91-102.
73. *Семененко И.С.* Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. 2013. №12. С.111-131.
74. *Следзевский И.В.* Образ России как смысловой конструкт

- (Семантическая составляющая «главного русского спора»)
// *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 93-104.
75. *Сикевич З.В.* Образ прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // *Социологические исследования*. №1. 1999. С. 87–93.
76. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 3. С. 45-57.
77. *Титов В.В.* Трансформация «политики идентичности» в постсоветской России (1992-2015) // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2016. Т. 22. № 10. С. 73-82.
78. *Титов В.В.* Политическая и геокультурная панорама современного мира: «глобальный беспорядок» и «битва идентичностей» // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2016. Т. 22. № 1. С. 95-101.
79. *Титов В.В.* Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // *Информационные войны*. 2016. № 2. С.7-12.
80. *Титов В.В.* Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.2012.168 С.
81. *Титов В.В., Бушуев В.В., Самохвалов Н.А.* Историческая политика в государствах бывшего СССР: попытка концептуального осмысления // *Социально-гуманитарные знания* 2015. № 2. С.266-275.
82. *Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2001. 240 С.
83. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*. М., 1997. С. 15–44.
84. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. 528 С.
85. *Тишков В.А.* Российская полиэтничность в мировом контексте // *X конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов*. 2013. С. 42-52.

86. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М.,2001. 669 С.
87. *Фадеева Л.А.* Проблема идентичности в сравнительной политологии. Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 134-139.
88. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др., СПб,1999.
89. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.,2005. 592 С.
90. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.,2007;
91. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. 640 С.
92. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2014. 576 С
93. *Чайченко О.О.* Укри-арії: Дослідження родоводу українців. Воєнне видавництво України «Варта», 2003.
94. *Шестопал Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России. Политика. 2005. №4. С.48-49.
95. *Шестопал Е.Б., Нестерова С.В., Титов В.В.* и др. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012. № 3. С.186 -190.
96. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 90-х. М., 2000.
97. *Шестопал Е.Б.* Образы власти в постсоветской России. М., 2004.
98. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
99. *Щербинина Н.Г.* Архаика в российской политической культуре // Полис. №5. 1997. С. 127–139.
100. *Штыхов Г.В., Бохан Ю.Н., Краснова М.А.* История Беларуси, 7 класс, Вторая половина XIII-первая половина XVI века.2009.
101. *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература 1994 № 4 С.258-267.
102. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.,2014. 235 С.
103. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006. 352 С.
104. *Юнг К.* Архетип и символ. М., 2008.
105. *Юнг К.* Психология бессознательного. М., 1994.

106. Ядов В.И. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т. 4.
107. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социс. М. 1994. № 1. С. 35–52.
108. Якушева И.П. О роли молодежных движений в активизации политического сознания россиян в преддверии избирательных кампаний 2007–2008 гг. // Власть. 2006. № 12. С. 65–69.
109. Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. / Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии /Сборник статей. Челябинск, 2004. С.347-357.
110. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism.1991.224P.
111. Berkovitz L. Liking for the groups behavior // Journal of abnormal social psychology. – №4. – 1957. PP. 353–357.
112. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: an International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–34.
113. Berry J. & al. Acculturation attitudes in plural society. // Applied Psychology. 1989. V. 38.
114. Breton R. The ethnic group as a political resource in relation to problems of incorporation // Ethnic identity and equality / Ed. by R. Breton et. Al. Toronto, 1990. PP. 196–225.
115. Castells M. The power of identity. Cambridge; Mass., 1997; Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. // European Journal of Social Psychology. 1998. № 28 (22).
116. Devine P. Monteith M. The role of discrepancy-associated affect in prejudice reduction // Affect, cognition, and stereotyping: Interactive processes in group perception / Ed. by D. M. Mackie D. L. Hamilton. San Diego, 1993. PP. 317–344.
117. Ericson E.H. The problem of ego identity // Stein M.R. et al. (eds.) Identity and anxiety: Survival of the person in mass society. Glencoe: The Free Press, 1960.

118. *Fogelson R.D.* Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumspects and prospects // Lee B. (ed.) *Psychosocial theories of the self: Proc. of a Conf. on new approaches to the self, held March 29 – Apr. 1 1979.* by the Center for psychosocial studies, Chicago, 111. N.Y.–L.: Plenum Press, 1982.
119. *Greenstein F.* *Personality and Politics.* Princeton, 1987.
120. *Hagg M.* The social psychology of group cohesiveness: from attraction to social identity. // N. Y. 1992.
121. *Hirschman A.* *Exit, voice and loyalty: responses to decline in firms, organizations and states.* Cambridge: Harvard university press.2004.
122. *Hobsbawm E.* *Nations and Nationalism in Europe Today* // *Anthropology Today.* 1992. Vol. 8. №1.
123. *Hogg M., Abrams D.* *Social Motivation, Self-Esteem and Social Identity /Social Identity Theory: Constructive and Critical Advances.* HemelHempstead: Harvester Wheatsheaf, 1990. P. 28–47.
124. *Horowitz D.* *Ethnic Groups in Conflict.* Berkley: University of California Press, 1985.
125. *Lasswell H.* *Psychopathology and Politics.* Chicago, 1931.
126. *Latin D.* *Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad.* – Ithaca, London: Cornell University Press, 1998.
127. *Libou R., Kansteiner W., Fogu C.* *The Politics of Memory in Postwar Europe.* 2006.285 P.
128. *Lipset S.* *Political Man. The Social Basis of Politics.* N.Y., 1960.
129. *Marcia J. E.,* Development and validation of ego identity status // *Journal of Personality and Social Psychology.*1966. № 3. P. 551-558. Rokeach M. *The Nature of Human Values.* N.Y., 1973.
130. *Schils E.* Primordial, personal, sacred and civil ties//*British J. Sociology,* 1957. Vol. 8. № 2.
131. *Seton-Watson H.* *Nation and States. An Enquiry into the Origins of Nations and Politics of Nationalism.* Boulder,1977.
132. *Smith A.* National identity and idea of European unity // *International Affairs.* Cambridge. 1992. Vol. 68. № 1. P. 67.

133. *Swann W.B.* Identity negotiation: where two roads meet.// Journal of Personal and Social Psychology. 1987. V. 53.
134. *Tajfel H., Turner J.* The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. Chicago, 1986.
135. *Turner J.* The Significance of History// The Varieties of History: From Voltaire to the Present / Ed. F. Stem. 2 ed. N.Y. 1972. P.200.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ:

136. *Аргонов В.Ю.* Культ прошлого как причина гибели СССР. URL: <http://www.snob.ru/profile/24399/blog/45244> (Дата обращения: 26.12.2015).
137. *Баранов А.* Неприметный геноцид. 2.02.2016 //Открытая электронная газета «Forum.msk.ru». URL: <http://forum-msk.org/material/politic/11405053.html> (Дата обращения: 1.05.2017).
138. *Бенедиктов К.* Историки на тропе войны // Сайт «Русский журнал». URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/layout/set/print/pole/Istoriki-na-trope-vojny> (дата обращения: 29.04.2017.).
139. *Гребенник Г.П.* Политика памяти в Украине: критические заметки // Сайт Фонда исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=249420> (Дата обращения: 23.04.2017).
140. Декларация об оккупации Латвии. 22.08.1996.// Сайт «Клайпедская ассоциация российских граждан». URL: <http://www.klaipeda1945.org/russkoe-zarubezhje/deklaratsiya-ob-okkupatsii-latvii/> (Дата обращения: 1.05.2017).
141. *Делягин М.Г.* Переосмысление истории» - способ стирания российской идентичности нашими конкурентами // ФОРУМ МСК. URL: <http://forum-msk.org/material/fpolitic/3386903.html> (дата обращения: 20.04.2014).
142. *Драгунский Д.В.* Пять уровней идентичности// Центр стратегических исследований Приволжского федерального

- округа. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm> (Дата обращения: 05.01.2017).
143. *Дюков А.Р.* Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» // Сайт фонда «Историческая память». URL: http://www.historyfoundation.ru/media_item.php?id=56 (Дата обращения: 23.04.2017).
144. Единый учебник истории. Что в день грядущий нам готовит? // Сайт «Служу Отечеству». URL: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/arkhiv-2013/noyabr-2013/item/1070-единый-учебник-истории.html> (дата обращения: 19.07.2016).
145. *Ерман Г.* Политика присваивает прошлое. Интервью с Г.Касьяновым // Интернет-журнал «Лива». URL: <http://liva.com.ua/georgiy-kasianov.html> (Дата обращения: 1.05.2017).
146. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». 18.10.1991. (в редакции от 9.03.2016) // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/law/zakon-rsfsr-ot-18101991-n-1761-1-s/> (Дата обращения: 29.04.2017).
147. *Замятин Д.Н.* Россия и Запад: пространство и образ цивилизационных взаимодействий // Сайт «Социокультурное регионоведение». URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/gubric/2012-11-02-22-16-38/165--1-r.pdf> (дата обращения: 09.01.2017).
148. *Каменский А.Б.* Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24235/ (дата обращения: 18.12.2015).
149. *Каменчук О.Н.* Уже не дети, но еще не взрослые /НГ-политика // Новая газета. Официальный сайт. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-06-01/14_teenagers.html (дата обращения - 28.12.2016).
150. *Карпюк А.* Учебная тревога // Сайт «Грани.Ру». URL: <http://gr1.global.ssl.fastly.net/Society/History/m.123805.html>

- (дата обращения: 19.07.2016).
151. *Колеров М.А.* «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка. Часть 1.// URL: <http://www.iarex.ru/articles/40226.html> (Дата обращения: 23.04.2017).
  152. *Кузембайұлы А., Е. Аманжолұлы А.* История республики Казахстан. Астана, 1999.С.39.
  153. *Кузьменко В.* Русский Фарш. Как появились и куда идут российские националисты. Запись выступления А.Верховского // Сайт «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/articles/2016/04/20/nationalism/> (Дата обращения: 20.04.2017).
  154. *Липский А.* Европейские войны памяти. Кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. Интервью с А.И.Миллером// Сайт «Новая газета». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/01/64370-evropeyskie-voynu-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit> (Дата обращения: 23.04.2017).
  155. *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России //ПОЛИТЭКС. URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30> (дата обращения 14.07.2016).
  156. *Миллер А.И.* Россия: власть и история //Сайт «Полит. РУ».URL:<http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/> (дата обращения: 04.01.2016).
  157. Назарбаев: «Казахстан был колонией России». 6.12.2016 // Сайт «Регнум». URL: <https://regnum.ru/news/polit/2214315.html> (Дата обращения: 1.05.2017.).
  158. *Неменский О.* Памятник истории// Сайт «Русский журнал».URL: <http://www.russ.ru/pole/Памятник-istorii> (дата обращения: 29.04.2017.).
  159. Объединенный сайт Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы. URL: <http://cnsr.ru/o-fonde/istoriya/> (Дата обращения: 29.04.2017).
  160. *Панфилова В.* Переход Казахстана на латиницу – это сигнал для России. 13.04.2017//Независимая газета. Сайт. URL:

- http://www.ng.ru/cis/2017-04-13/1_6973_kazakhstan.html
(Дата обращения: 1.05.2017).
161. *Полунов А.Ю.* Власть, идеология и проблемы исторического самосознания: русское население Крыма в 2005-2010 гг. // Сайт «Око планеты». URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/232944-vlast-ideologiya-i-problemy-istoricheskogo-samosoznaniya-russkoe-naselenie-kryma-v-2005-2010-gg-ayupolunov.html> (Дата обращения: 1.05.2017).
  162. Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. N 122 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» от 16 февраля 2001 г. № 122. // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/1584972/#block_1000 (Дата обращения: 29.04.2017).
  163. Президент Таджикистана отрезал от своей фамилии русское окончание 21.03.2007//Сайт «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/news/2007/03/21/name/> (Дата обращения: 1.05.2017).
  164. Премьер Финляндии предложил предоставить свой дом мигрантам.05.09.2015. // «ТВ-Центр». Официальный сайт. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/75868> (Дата обращения: 1.05.2017).
  165. Приказ об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования № 1897. 17.12.2010 // Министерство образования и науки Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/projects/413/file/749/приказ%20Об%20утверждении%201897.gif> (дата обращения: 17.07.2016).
  166. *Ренан Э.* Что такое нация?/«Хронос: всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения - 12.04.2016).
  167. *Сидорчик А.* Конец Чкаловска. Таджикистан изменил последнее русское имя города. 2.02.2016 // Сайт «АиФ». URL: http://www.aif.ru/realty/city/konec_chkalovska_tadzhiki-

- stan_izmenil_poslednee_russkoe_imya_goroo (Дата обращения: 1.05.2017).
168. *Сикевич З.В.* История Украины в интерпретации украинских учебников для средних школ // Сайт «Росбалт». URL: http://img.rosbalt.ru/doc/File/sikevich_brest_1.doc (Дата обращения: 1.05.2017).
  169. Стратегическое воспитание// Сайт «Газета. Ру». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/12/23/6356353.shtml> (Дата обращения: 1.05.2017).
  170. *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (дата обращения: 12.11.11).
  171. Указ Президента Российской Федерации № 442 «О государственных наградах Российской Федерации». 2.03.1994 г. (ред.от 07.09.2010)// Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02031994-n-442/> (Дата обращения: 29.04.2017).
  172. Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 гг.)» // Министерство культуры Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://fcpkultura.ru/programma/opisanie-i-tekst-programmy/> (Дата обращения: 19.07.2016).
  173. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 №7-ФЗ (с изменениями на 29.04.2017) // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: <http://legalacts.ru/doc/FZ-о-nekommercheskih-organizacijah/> (Дата обращения: 29.04.2017).
  174. *Шерпер Ю.* Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // «Перспективы». Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/otnoshenije_

k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-24.htm
(Дата обращения: 23.04.2017).

175. *Шишкин И.С.* Историческая политика в странах СНГ // Сайт «Регнум». URL: Сайт «Регнум». <http://www.regnum.ru/news/1543271.html?forprint> (Дата обращения: 24.04. 2014 г.).
176. Global Peace Index // Сайт «Vision of Humanity». URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/06/2014-Global-Peace-Index-REPORT_0-1.pdf (Дата обращения: 1.05.2017).

В.В.Титов

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Титов Виктор Валериевич – кандидат политических наук, доцент Института истории и политики Московского педагогического государственного университета. Сфера научных интересов - политическая психология, политическая коммуникация, проблемы «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в современном мире.

Подписано в печать 06.06.2017 г.

Тираж 500 экз.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано в типографии «ВАШ ФОРМАТ»

г. Москва, ул. Донская, 32.

(495)749-45-84

www.kniga-premium.ru

